

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

1

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНТЬЕВА М. Ф. – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры романо-германских языков международной профессиональной деятельности факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Ответственный
секретарь** **ЯНЕНКО Н. В.** – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: janenka@gmail.com
- Аллиньёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Вольнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Халипов В. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хентшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
АРСЕНЦЬЕВА М. Ф. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры рамана-германскіх моў міжнароднай прафесійнай дзейнасці факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЯНЕНКА Н. В. – кандыдат філалагічных навук; старшы выкладчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: janenka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Вальнец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Генцэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Даніленка А. Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Лукашанец А. А. Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Роўда І. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Савіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Старычонок В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Халінаў В. В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Хайсавіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **ZAPRUDSKI S. M.**, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Deputy editors-in-chief** **GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: goncharova_s@tut.by
- ARSENTIEVA M. F.**, PhD (pedagogics), docent; associate professor at the department of Romano-Germanic languages for international professional activities of the faculty of international relations of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: arsentsyeva@mail.ru
- PRYHODZICH M. R.**, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: mik197@tut.by
- Executive secretary** **LIANKIEVICH A. U.**, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics of the faculty of philology of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: alena.liankevich@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
- Danylenko A.* Pace University, New York, USA.
- Dubinko S. A.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Gladkova H.* Charles University, Prague, Czech.
- Hentschel G.* Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
- Ivashkevich I. N.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Jiang Qun* Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
- Khalipov V. V.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Khaustovich M. V.* University of Warsaw, Warsaw, Poland.
- Kohler G.-B.* Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
- Koval V. I.* Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Kretschmer A.* University of Vienna, Vienna, Austria.
- Lukashanets A. A.* Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Mechkovskaya N. B.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Poplavskaya T. V.* Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
- Rovdo I. S.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Sajewicz M.* Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
- Shamyakina T. I.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Starichenok V. D.* Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
- Taranenko A. A.* A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Valochka H. M.* National Institute of Education, Minsk, Belarus.
- Valodzina T. V.* Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Voevoda E. V.* Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
- Volynets T. M.* Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zoltan A.* Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

УДК 821.152.1.09(092)

ПОЭТИКА СИНТЕЗА В РОМАНАХ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС» И «ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ»

Н. В. ЛАМЕКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется поэтика синтеза в зрелой прозе Джеймса Джойса (романах «Улисс» и «Поминки по Финнегану»). Актуальность ее изучения объясняется необходимостью систематизации разных приемов синтетической природы в произведениях писателя. Обосновано, что использование поэтики синтеза обусловлено стремлением автора к глобальному осмыслению мира и человека, соединением национального и универсального в текстах. Произведения ирландского автора рассматриваются в контексте культуры рубежа XIX–XX вв. и первой половины XX в. как эпохи наиболее радикальных художественных экспериментов и обновления литературного языка за счет средств других видов искусства. Выявлены концептуальные и стилистические схождения в романах Дж. Джойса «Улисс», «Поминки по Финнегану» и произведениях таких авторов, как Вирджиния Вулф, Томас Стернз Элиот, Альфред Дёблин, Томас Манн, Льюис Кэрролл, Борис Виан, Пабло Пикассо, Сальвадор Дали, Макс Эрнст, Шарлотта Саломон и др. Акцент на параллелях между литературными текстами и произведениями живописи, графики, кино, музыки и архитектуры позволяет выявить интермедийный характер прозы Дж. Джойса. Особое внимание уделено таким составляющим поэтики синтеза, как синтез искусств, синтез жанров и родов литературы, экфрасис, музыкальность, кинематографичность текста, полифония, гибридная образность, сконструированный язык, simultaneity и полистилистика.

Ключевые слова: Джеймс Джойс; синтез; синтез искусств; синтез жанров; полифония; гибридная образность; simultaneity; сконструированный язык.

Образец цитирования:

Ламеко НВ. Поэтика синтеза в романах Джеймса Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану». *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2022;1:5–15.

For citation:

Lameka NU. Poetics of synthesis in James Joyce's novels «Ulysses» and «Finnegans Wake». *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;1:5–15. Russian.

Автор:

Наталья Владимировна Ламеко – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета.

Author:

Natallia U. Lameka, PhD (philology), docent; associate professor at the department of foreign literature, faculty of philology. natascha81@gmail.com

ПАЭТЫКА СІНТЭЗУ Ё РАМАНАХ ДЖЭЙМСА ДЖОЙСА «УЛІС» І «ХАЎТУРЫ ПА ФІНЕГАНЕ»

Н. У. ЛАМЕКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца паэтыка сінтэзу ў сталай прозе ірландскага пісьменніка Джэймса Джойса (раманах «Уліс» і «Хаўтуры па Фінегане»). Актуальнасць яе вывучэння тлумачыцца неабходнасцю сістэматызацыі розных прыёмаў сінтэтычнай прыроды ў творах пісьменніка. Абгрунтавана, што яе выкарыстанне абумоўлена імкненнем аўтара да глабальнага асэнсавання свету і чалавека, спалучэннем нацыянальнага і ўніверсальнага ў тэкстах. Творы ірландскага аўтара разглядаюцца ў кантэксце культуры мяжы XIX–XX стст. і першай паловы XX ст. як эпохі найбольш радыкальных мастацкіх эксперыментаў і абнаўлення літаратурнай мовы за кошт сродкаў іншых відаў мастацтва. Выяўляюцца канцэптуальныя і стыльовыя сыходжанні ў раманах Дж. Джойса «Уліс», «Хаўтуры па Фінегане» і творах такіх аўтараў, як Вірджынія Вульф, Томас Стэрнз Эліят, Альфрэд Дзэблін, Томас Ман, Льюіс Кэрал, Барыс Віян, Пабла Пікаса, Сальвадор Далі, Макс Эрнст, Шарлота Саламон і інш. Акцэнт на паралелях паміж літаратурнымі тэкстамі і творамі жывапісу, графікі, кіно, музыкі і архітэктуры дазваляе выявіць інтэрмедыйны характар прозы Дж. Джойса. Асабліва ўвага нададзена такім складнікам паэтыкі сінтэзу, як сінтэз мастацтваў, сінтэз жанраў і родаў літаратуры, экфрасіс, музычнасць, кінематаграфічнасць тэксту, поліфанія, гібрыдная вобразнасць, сканструяваная мова, сімулятаннасць і полістылістыка.

Ключавыя словы: Джэймс Джойс; сінтэз; сінтэз мастацтваў; сінтэз жанраў; поліфанія; гібрыдная вобразнасць; сімулятаннасць; сканструяваная мова.

POETICS OF SYNTHESIS IN JAMES JOYCE'S NOVELS «ULYSSES» AND «FINNEGANS WAKE»

N. U. LAMEKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the poetics of synthesis in James Joyce's novels «Ulysses» and «Finnegans Wake». The topicality of research is explained as follows: it is necessary to systematise various devices of synthetic nature in the writer's oeuvre. The author's usage of this poetics has been substantiated by his exhaustive comprehension of the world and humans and combination of the national and the universal in his texts. Joyce's works have been analysed in the context of culture of the turn of the 19th and 20th centuries and the first half of the 20th century as an epoch of the most radical artistic experiments when writers kept on enhancing the language of literature with the help of devices stemming from other arts. There have been revealed conceptual and stylistic parallels between the novels «Ulysses» and «Finnegans Wake» and works of such authors as Virginia Woolf, Thomas Stearns Eliot, Alfred Döblin, Thomas Mann, Lewis Carroll, Boris Vian, Pablo Picasso, Salvador Dali, Max Ernst, Charlotte Salomon, and others. Accentuating the parallels between literary texts and painting, graphics, cinema, music and architecture allows to reveal the intermediality of J. Joyce's prose. Special attention has been given to such constituents of the poetics of synthesis as synthesis of arts, synthesis of genres and literary forms, ekphrasis, musical discourse, cinematic devices, polyphony, hybrid imagery, constructed language, simultaneity, and polystylism.

Keywords: James Joyce; synthesis; synthesis of arts; synthesis of genres; polyphony; hybrid imagery; simultaneity; constructed language.

Введение

Модернистское искусство с его ставкой на радикальный художественный эксперимент и поиск новых форм выражения представляет собой обширный пласт культуры XX в. Модернисты выбирали разные стратегии обновления художественного языка. Часть из них постулировала отказ от традиции, разрыв с ней и шли через разрушение привычных норм искусства, при этом ведущим приемом становилась деструкция слова, образа, знака и т. д. Другие авторы, наоборот, стремились переосмыслить традицию, вести с ней диалог. В их творчестве можно выявить типологические схождения с произведениями разных эпох. Зачастую они опираются на важные памятники культуры, например, используют миф как фундирующий элемент текста. При таком подходе одним из наиболее продуктивных способов создания нового является синтез как классического и современного, так и разнородных элементов.

Показательно в этом смысле творчество ирландского писателя Джеймса Джойса (*James Joyce*, 1882–1941). Автор, создавший уникальный художественный универсум, не мог не обратиться к поэтике синтеза. В случае с творческим наследием Дж. Джойса это понятие широкое. Здесь и разного рода проявления синтеза искусств (например, моделирование музыкального дискурса средствами литературы), и элементы гибридной эстетики (синтезирование нового образа на основе других), и вкрапление в литературный текст нехудожественных элементов (хроники, рецептов, квазинаучных идей и др.), и создание нового языка на базе морфем разных языков мира. Во время работы над романом «Улисс» писатель использовал много заготовок, конструируя из них единый текст романа. Форма у Дж. Джойса находится в гармонии с содержанием: поэтика автора, стремившегося к максимальному охвату действительности, синтетична по своей природе.

Несмотря на обилие научных работ, посвященных творчеству Дж. Джойса, поэтика синтеза в его прозе остается недостаточно изученной. В основном исследователи фокусируются на каком-то одном аспекте интермедальности в текстах писателя, однако назрела необходимость обобщения разных проявлений поэтики синтеза. Среди работ, освещающих те или иные аспекты синтеза искусств в художественном наследии автора, стоит отметить книгу Л. Маркус «Десятая муза. Литература о кино в эпоху модернизма» (*The Tenth Muse. Writing about Cinema in the Modernist Period*)¹ [1]. Автор уделяет внимание связям кино и литературы, ранней кинокритике, кинокультуре Великобритании 1920-х гг., анализирует отдельные технические приемы и особенности киноязыка. Из крупных писателей особое внимание исследователь уделяет В. Вулф, посвящая ей отдельную часть книги. Параллели между прозой Дж. Джойса и искусством кино освещаются в разделе «Вещи в движении: раннее кино и литература» (*The Things that Move: Early Film and Literature*). Автор работы выявляет значимые пересечения в эстетике Дж. Джойса и кино, обобщает взгляды выдающихся деятелей культуры XX в. на кинематографический потенциал джойсовской прозы (например, комментарии Г. Дж. Уэллса и С. Эйзенштейна). Кроме того, книга – ценный источник информации о связях Дж. Джойса с индустрией кино и продвижении писателем этого вида искусства в Ирландии. К. Ханауэй-Окли в книге «Джеймс Джойс и феноменология кино» (*James Joyce and the Phenomenology of Film*) [2] во многом продолжает исследование Л. Маркус и рассматривает киноэстетику Дж. Джойса через феноменологическую оптику. Задача автора этого научного труда не столько в установлении параллелей между модернистским киноязыком и новаторской прозой писателя, сколько в обнаружении сходства в восприятии раннего кино и текстов Дж. Джойса. Научный аппарат феноменологии и обращение к протофеноменологическим идеям помогает ей выявить такие схождения.

Среди новейших работ, посвященных отношению Дж. Джойса к музыке, стоит выделить монографию Г. Смита «Музыка и звук в жизни и литературе Джеймса Джойса: *Joyces Noyses*» (*Music and Sound in the Life and Literature of James Joyce: Joyces Noyses*)² [3]. Автор прослеживает истоки страстного увлечения Дж. Джойса музыкой, систематизирует научные труды по теме, анализирует влияние Р. Вагнера на литературу, функцию и статус музыки на рубеже веков и в культуре декаданса, специфику урбанистической культуры, полной «звуков», делает акцент и на значении музыки в социальной жизни Ирландии, определяя роль этого вида искусства в формировании культурно-политической идентичности ирландцев. В целом изучение музыки оказалось наиболее продуктивным вектором исследований экстралитературных компонентов в прозе и поэзии Дж. Джойса, в том числе в Восточной Европе. Так, Н. А. Хрущева [4] и Е. А. Пулина [5] также уделяют внимание музыкальности джойсовского текста. Научная работа Н. А. Хрущевой имеет междисциплинарный характер: автор-музыковед в диссертации³ и научных статьях по теме исследования концентрирует внимание на музыкально-литературных взаимосвязях, устанавливает параллели между двумя видами искусства. Выявление типологических схождений между интеллектуальной прозой ирландского писателя и музыкой композиторов второго авангарда свидетельствует о том, что творчество Дж. Джойса открыто новым интерпретациям в сфере не только литературоведения, но и других гуманитарных наук. Рассматривая художественное наследие писателя, Е. А. Пулина в первую очередь использует инструментарий языкознания, фокусируясь на экспериментальном языке Дж. Джойса, специфике его неологизмов.

Отдельно стоит указать работы, в которых творчество Дж. Джойса рассмотрено всеохватно и многоаспектно. Прежде всего, это труды У. Эко [6] и С. С. Хоружего [7]. У. Эко – автор масштабной моно-

¹Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Н. Л.

²В названии автор имитирует стилистику прозы писателя, в частности романа «Поминки по Финнегану». Лексема *noyses* – гибридный конструкт из слов *noise* ‘шум’ и *voice* ‘голос’. *Joyces* вместо стандартной формы притяжательного падежа *Joyce's* с апострофом – очевидная отсылка к *Finnegans* в названии последнего романа.

³Хрущева Н. А. Взаимодействие музыки и литературы в творчестве П. Булеза, Л. Берлио, Дж. Джойса : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. СПб., 2014. 233 с.

графии «Поэтики Джойса» (*Le poetiche di Joyce*)⁴, в которой раскрыты ключевые особенности художественного мышления писателя. Итальянский ученый рассматривает романы «Улисс» и «Поминки по Финнегану» как произведения-универсумы, акцентируя синкретизм художественного мышления Дж. Джойса. С. С. Хоружий, переводчик романа «Улисс» на русский язык, предложил целостное исследование проблематики и поэтики романа и наметил пути дальнейших исследований экспериментальной прозы ирландского модерниста, в том числе в емких комментариях к тексту произведения, сопровождающих русскоязычные издания. Выводы и наблюдения, представленные в трудах У. Эко и С. С. Хоружего, можно развивать в научных работах самого широкого спектра, причем не только в русле литературоведения. В рамках данной научной статьи важно подчеркнуть, что в работах У. Эко и С. С. Хоружего присутствуют указания на отдельные проявления синтетизма Дж. Джойса.

Симультанность в искусстве подробно проанализирована в монографии М. А. Петрова [8]. Предложенные в ней наблюдения и выводы можно задействовать в качестве инструментария для изучения синтеза искусств в литературном тексте. Ученый делает экскурс в историю вопроса, приводит примеры синкретичных произведений разных эпох, объясняет причины распространения арт-объектов универсального характера в современной культуре, дает определение симультанности в искусстве, подчеркивает неоднородный характер явления и затрагивает такие аспекты, как соединение временных пластов, синестезия, синсемия, синтез форм и жанров, симультанное видение и др. Отдельный акцент сделан на современных технологиях, позволяющих создавать и распространять произведения подобного рода. Исследователь обосновывает уместность синонимичного употребления терминов *симультанной* и *синтетической* в некоторых контекстах.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью систематизации художественных приемов синтетической природы в творчестве Дж. Джойса. Данная работа является продолжением авторских исследований поэтики ирландского писателя. Отдельные проявления синтеза рассматривались нами в монографии [9], предмет исследования которой – смоделированный автором художественный универсум как открытая мультистабильная система – не был напрямую связан с поэтикой синтеза. Однако с помощью инструментария синергетики как междисциплинарной исследовательской стратегии среди прочего было проанализировано создание синтетического языка и гибридных образов в романе «Поминки по Финнегану». Именно эти аспекты прозы Дж. Джойса органично вписываются в общую поэтику синтеза и нуждаются в дальнейшем уточнении в русле интермедиального подхода к литературному тексту. В отдельных статьях были рассмотрены проявления симультанности в творчестве Дж. Джойса и выдающегося художника-модерниста П. Пикассо, выявлены типологические схождения между литературными и графическими, живописными и скульптурными произведениями [10], а также была обоснована кинематографичность джойсовского текста и определены ключевые способы реализации кинематографического эффекта в романе «Улисс» [11]. Поэтику синтеза в прозе Дж. Джойса необходимо рассматривать в широком контексте модернистского искусства, так как представители разных его видов активно пользовались аналогичными приемами. В некоторых случаях авторы творили на стыке разных видов искусства и создавали гезамткунстверки. Их синтетические художественные произведения дают пространство для научных исследований в русле разных гуманитарных дисциплин. В ходе изучения поэтики джойсовской прозы удалось выявить, что многочисленные тропы разной природы работают на создание синтетического эффекта.

Цель данной работы – выявить ключевые составляющие поэтики синтеза в романах Дж. Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану» и обнаружить типологические схождения в текстах автора и произведениях ведущих представителей модернистского искусства. При исследовании зрелой прозы Дж. Джойса приоритет отдается сравнительно-историческому и культурно-историческому методам, а также интермедиальному анализу литературного текста.

Результаты и их обсуждение

Дж. Джойс – представитель высокого модернизма, чьи произведения стали классикой литературы XX в. и оказали неоспоримое влияние на последующую литературу. О. М. Ушакова в исследовании о границах понятия «модернизм» подчеркивает, что к нему «скорее надо относиться не как к научному термину с четко обозначенной семантикой и конкретной областью применения, а как к *мифологеме*, слову-“мютосу” с присущими тому синкретизмом, метафоричностью, смысловыми напластованиями, универсализмом, обширной сферой применения» [12, с. 113]. Подобное определение хорошо подходит и к прозе Дж. Джойса – глубокой, синкретичной и насыщенной множеством отсылок к выдающимся произведениям не только литературы, но и других видов искусства. В творчестве автора сочетаются

⁴Перевод А. Коваля.

национальное и универсальное: на ирландском материале он изучает проблемы современного человека, создает панорамную картину жизни Ирландии и при этом отражает дух западной цивилизации начала XX в., как и его выдающийся современник Т. С. Элиот. Дж. Джойс осмысливает такие универсальные для современного ему человека проблемы, как одиночество, отчуждение, необходимость интеллектуальной и творческой свободы, поиск смысла жизни и собственной идентичности, ценность искусства, и делает это в новаторской стилистической манере. Глобальный замысел писателя и стремление к радикальному обновлению художественного языка требовали богатой эрудиции и колоссальной работы, в результате чего возникли знаменитые романы «Улисс» (*Ulysses*, 1922) и «Поминки по Финнегану» (*Finnegans Wake*, 1939). Это одни из наиболее сложных текстов модернизма, нередко можно услышать мнение об их нечитабельности. В случае с романом «Улисс» это явное преувеличение. Безусловно, текст требует серьезной читательской подготовки, так как изобилует отсылками и к другим произведениям, и к историческим реалиям, да и написан в сложной стилистике. Но прочитать его сможет любой образованный человек, заинтересованный в экспериментальной литературе и готовый при необходимости погрузиться в комментарии или специальную литературу. Что касается последнего романа Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», то тезис о невозможности прочтения и адекватной интерпретации текста близок к правде. Именно в этом произведении автор моделирует новый язык, расшифровать который под силу лишь отчасти, причем только тем, кто знает как минимум несколько языков. Дж. Джойс говорил, что создал произведение для идеального читателя, страдающего идеальной бессонницей, а таких немного в мире. Даже некоторые модернисты, в свое время восторженно приветствовавшие роман «Улисс», не поняли замысел автора (яркий пример – Э. Паунд, горячий поклонник и популяризатор творчества Дж. Джойса). Показателем сложности романов является и наличие их переводов на разные языки. В этом отношении книга «Поминки по Финнегану» проигрывает роману «Улисс» в численности. При всех отличиях оба произведения имеют ряд схожих черт и приемов синтетичной природы. Но самое важное в этом контексте то, что автор синтезирует в текстах множество смыслов и его произведения до сих пор открыты новым интерпретациям.

Для того чтобы определить проявления синтеза в прозе Дж. Джойса, можно обратиться к словарным синонимам этого понятия. Среди слов, которые в зависимости от контекста выступают прямыми или контекстуальными синонимами слова *синтез*, стоит отметить следующие: *комбинирование, совокупность, сочетание, обобщение, совмещение, организм, единство, целостность, возникновение, зарождение, эклектизм* (и это далеко не полный список). Все эти значения так или иначе актуализируются в произведениях Дж. Джойса. Так, поток сознания в романе «Улисс» возник в итоге *комбинирования* разнородных заготовок, фраз в речи персонажей. *Совмещение* присутствует в джойсовской концепции личности, так как автор соединяет в Леопольде Блуме и Хамфри Чимпдене Иервикере черты разных реально существовавших личностей и вымышленных героев. *Организмом* можно считать структурную организацию романа «Улисс», каждому эпизоду которого, начиная с 4-го, символически соответствует определенная часть тела. *Эклектична* поэтика романа «Улисс»: творчество автора выходит за рамки определенных литературных школ, так как Дж. Джойс не ограничивает себя ни концептуально, ни стилистически, при этом в его текстах можно выявить параллели и типологические схождения с произведениями практически всех значимых модернистских направлений (интерес к концепту хаоса, как у дадаистов, сюрреалистическая поэтика сновидения и т. д.). *Единство* и *целостность* характерны для авторской модели мира, ведь «Улисс» представляет собой полноценный художественный универсум.

Среди ключевых черт поэтики синтеза в романах «Улисс» и «Поминки по Финнегану» – синтез искусств. Это понятие актуализировалось в эпоху модернизма с особой силой: многие писатели (Альфред Дёблин, Эзра Паунд, Гийом Аполлинер) творили на стыке разных видов искусства, обогащая язык литературы за счет обращения к ведущим средствам живописи, графики, музыки, кино, театра и т. д. В творчестве Дж. Джойса большое значение имеет музыкальность текста. Это связано и с особой одаренностью писателя (Дж. Джойс был прекрасным тенором и вполне мог построить карьеру музыканта), и с его катастрофически плохим зрением (вследствие поражения глаз или слепоты зачастую наблюдается компенсаторное обострение слуха). Специфика музыкального дискурса писателя рассматривалась не только в литературоведении, но и в музыковедении. Например, музыковед и композитор Н. А. Хрущева так определяет особенности художественной манеры автора: «Густая проза позднего Джойса с ее ритмической организованностью и гипертрофированной аллитеративностью как будто пытается выйти за собственные пределы и стать музыкальной материей. В некоторых случаях автор сознательно стремится сообщить своему тексту музыкальное измерение; однако чаще музыка проступает в его творчестве стихийно. Подобно фрейдовскому *бессознательному*, которое почти не выходит на поверхность, но все время незримо присутствует, она постоянно определяет и направляет джойсовскую художественную интуицию» [4, с. 47].

Яркими примерами моделирования музыкального дискурса являются 11-й эпизод романа «Улисс» под названием «Сирены» и монолог женщины-реки Анны Ливии Плюрабелль в романе «Поминок по Финнегану». Эти фрагменты часто советуют воспринимать на слух. Связь литературы и музыки имеет давнюю и богатую историю, а часть художественных средств у них и вовсе общая (ритм, гармония). В эпизоде «Сирены» Дж. Джойс использует такие приемы создания музыкального эффекта, как звукопись, ономотопея, ритм, инверсия, окказионализмы с ярким звучанием и др. Е. Л. Пулина выделяет следующие музыкально-лингвистические приемы создания окказионализмов: афэрезу, апокопу, *эпентезу*, эхололию, *протезу*, *словосложение*, звукоподражание, конверсию, аффиксацию и смешанные способы [5, с. 74]. Некоторые из них (выделены курсивом) имеют ярко выраженную синтетическую природу, так как базируются на повторе фрагмента или добавлении нового. Кроме того, весь эпизод построен как fuga с каноном (вначале даже дана своеобразная увертюра из фрагментов, рассеянных по тексту эпизода «Сирены»), а музыке уделено большое внимание (действие происходит в ресторане, где герои поют под аккомпанемент).

В тексте романа можно обнаружить много примеров музыкального экфрасиса разных видов (например, упоминание репертуара Молли, пение Саймона и Стивена Дедалов). Моделирование музыки вербальными средствами отчасти напоминает эксперимент Т. Манна в романе «Доктор Фаустус», в котором также присутствуют многочисленные музыкальные экфрасисы, помогающие передать специфику творчества главного героя Адриана Леверкюна. Необходимо отметить, что словесная музыка Дж. Джойса синтетична. Это не просто имитация музыкального дискурса с помощью слова, а передача звучания самой жизни в конкретный момент времени в определенном месте Дублина. Кроме цитат из песен, Дж. Джойс вплетает в мелодию звуки природы, голоса людей, слова слуховой семантики, а названия музыкальных инструментов имеют суггестивную функцию, так как неизбежно вызывают в сознании читателя конкретные звуки: *Through the hush of air a voice sang to them, low, not rain, not leaves in murmur, like no voice of strings of reeds or whatdoyoucallthem dulcimers, touching their still ears with words, still hearts of their each his remembered lives. Good, good to hear: sorrow from them each seemed to from both depart when first they heard. When first they saw, lost Richie, Poldy, mercy of beauty, heard from a person wouldn't expect it in the least, her first merciful lovesoft oftloved word. Love that is singing: love's old sweet song* [13, p. 353] ‘Сквозь тишину взывал к ним негромкий голос, не дождя шелест, не шепот листьев, не похожий на голос ни струн ни свирелей ни какужихтам цимбалов, касающийся их притихшего уха словами, их притихших сердец воспоминаниями о жизни – своей у каждого. Полезно, полезно слушать: печали, свои у каждого, улеглись, едва лишь они услышали. Едва лишь они увидели, все потерявшие, Ричи, Польди, милосердие красоты, услышали от того, от кого уж никак не ждешь, ее милосердное мягколюбовное нежнолюбимое слово. Это любовь поет. Все та же старая сладкая песня любви’ [14, с. 264].

Кроме музыкальных, в романе «Улисс» выделяются архитектурные экфрасисы. Данный вид искусства – архитектура – был важен для автора, поскольку он стремился предельно точно передать облик Дублина. Описание городских улиц, домов и разного рода заведений включает элементы городской архитектуры. Как правило, такие экфрасисы свернутые, но по нескольким деталям писателю удается передать атмосферу города. Урбанистический пейзаж Дж. Джойса во многом перекликается с берлинским пейзажем А. Дёблина в романе «Берлин, Александерплац». Оба автора передают динамику, движение большого города за счет описания как больших людских потоков, так и транспорта, а также звуков города. Для ирландского писателя важно соединение урбанистического начала с природным, ведь часть событий происходит на побережье (1-й, 3-й и 13-й эпизоды). Другая параллель с архитектурой в прозе Дж. Джойса прослеживается в монолитности композиции, архитектоники текста. Подобно архитектору, автор создает грандиозный литературный проект, в котором части подчинены целому. Неискушенному читателю может показаться, что «Улисс» представляет собой набор разрозненных мыслей героев, ведь в поток сознания нередко вкрапляются случайные на первый взгляд элементы. Однако при полном прочтении произведения становится очевидно, что все они связаны между собой, как удаленные друг от друга кирпичики одного и того же здания.

Заметны в романе «Улисс» и элементы киноэстетики. В этом контексте интересно, что писатель очень любил кинематограф и даже открыл с помощью своих итальянских друзей первый в Ирландии кинотеатр *The Cinematograph Volta*. Кинематографичность в литературе подразумевает активное использование таких приемов, как монтаж, крупный план, панорама, вольное обхождение со временем и обилие лексики сенсорной семантики (особенно визуальной). Роман «Улисс» нельзя назвать полностью кинематографичным в силу той роли, которую в нем играет «поток сознания», ведь передать мысли героев в объеме, сопоставимом с оригинальным текстом, вряд ли возможно. Однако в эпизодах, в которых автор делает акцент на внешние события, параллели с искусством кино очевидны (10-й эпизод). Даже в тех случаях, когда приоритет отдается размышлениям героев (3-й эпизод), присутствуют такие

компоненты киноязыка, как монтаж, крупный план и панорама. Знаменитые слова *ineluctable modality of the visible* [13, p. 45] 'неотменимая модальность зримого' [14, с. 39], открывающие эпизод «Протей», сигнализируют о том, что фокус сделан именно на том, что видит герой. Размышления Стивена перемежаются с картинками окружающей действительности, описанной автором предельно кинематографично. Что касается блумовских эпизодов, то кинематографический эффект в них реализуется в том числе и за счет наличия фигуры наблюдателя, *смотрящего, созерцающего*, воспринимающего мир *визуально*. Это важно, поскольку кино – вид искусства, непосредственно рассчитанный на зрительное восприятие. Погружая читателя в сознание Блума, Дж. Джойс дает возможность посмотреть на мир его глазами. Главный герой не чувствует себя своим среди ирландцев, которые постоянно дают ему понять, что он чужак (отец Блума был евреем). Все это приводит к тому, что Леопольд зачастую занимает позицию не непосредственного участника событий, а стороннего наблюдателя, внимательно следящего за происходящим. В романе «Улисс» подавляющее большинство информации о городе подается автором сквозь призму его сознания и зрения, таким образом формируется аналог видеоряда кинокартины.

Еще одно проявление поэтики синтеза в творчестве Дж. Джойса – полифония. В литературе модернизма немало примеров полифонического письма как в прозе (например, романах В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк»), так и в поэзии (поэме Т. С. Элиота «Бесплодная земля»). Интересны также примеры из издательской сферы, когда тексты разных авторов объединялись в книгу по полифоническому принципу. Например, знаменитая экспрессионистская поэтическая антология «Сумерки человечества» задумана К. Пинтусом как симфония, в которой каждый из 23 авторов будто исполняет отдельную партию в едином музыкальном произведении. Несмотря на наличие в романе «Улисс» ярко выраженных протагонистов, в книге присутствует большое количество героев, многие из которых высказываются, полемизируют, озвучивают свои идеи. Еще в романе «Портрет художника в юности» (*A Portrait of the Artist as a Young Man*, 1916) автор так обозначил свою задачу: *to forge in the smithy of my soul the uncreated conscience of my race* [15, p. 288] 'выковать в кузнице моей души несотворенное сознание моего народа' [16, с. 358]. Для этого в произведениях необходимо показать разные психологические типы, что возможно только при разветвленной системе персонажей, при этом речь идет не просто о «массовке»: для полифонической прозы исключительно важно не только показать разных героев, а передать их неповторимый уникальный голос, встроенный в общий хор. Так, в 10-м эпизоде под названием «Блуждающие скалы» автор дает панорамную картину Дублина: мы видим передвижение как главных героев, так и второстепенных персонажей по улицам города в одно и то же время (около трех часов дня), слышим их мысли. Дж. Джойс стремится дать слово всем значимым персонам этого эпизода, иногда на уровне лаконичной реплики, иногда более развернуто. Соединяя голоса разных людей в единый хор, автор рисует коллективный образ ирландцев начала XX в.

Концепция личности и авторская стратегия создания персонажей в романах «Улисс» и «Поминки по Финнегану» также соответствуют идее синтеза. Одна из причин интереса к образу Одиссея кроется в его универсальности, полифункциональности: это царь и скиталец, муж и любовник, отец и сын. Подобным стал и новый Одиссей – Леопольд Блум. Автор называет его *Everyman or Noman* 'Всякий или Никто', подчеркивая универсальность образа. В 15-м эпизоде герой вообще переживает серию трансформаций, сближающих его с разными историческими личностями. В итоге получается синтезированный образ человека. Героя романа «Поминки по Финнегану» называют *Here Comes Everybody* 'А вот и Всякий'. Специфика создания образа остается прежней: *Here Comes Everybody* одновременно и личность, и человек, похожий на других. На примере его жены Анны Ливии Плурабелль заметно, что писатель идет еще дальше, прибегает к гибридизации, объединяя в образе героини человеческое и природное. Она описана так, что предстает и обычной дублинской женщиной, и рекой Лиффи, и в некоторых фрагментах текста границы, позволяющие различать эти две ипостаси, максимально стерты: *Well, arundgirond in a waveney lyne aringarouma she pattered and swung and sidled, dribbling her boulder through narrowa mosses... nistling to hear for their tiny hearties, her arms encircling Isolabella* [17, p. 209] 'Что ж, вкрудавкрур, аромарна волномью болтала сигала сбегала, гаалькой бия чрезо мшиса тесниндол... чутчайшею во янцзыцах, Изолабеллу обьяв' [18]. Очевидно, что движения героини повторяют ход волн реки, а объятие Изолабеллы (вариант имени дочери *Here Comes Everybody* и Анны Ливии Плурабелль) – материнский жест. Портрет женщины соткан из названий разных рек мира: *narrowa* в данном случае может читаться и как *narrow* 'узкий', и как *Narva* 'река Нарва'. Эта особенность отражена в переводе К. Беляева, использовавшего в данном фрагменте текста другие потамонимы (*янцзыцах, обьяв*).

В последнем романе Дж. Джойса заметна гибридизация не только на телесном уровне, но и на уровне сознания героев. П. Парриндер оспаривает расхожую интерпретацию романа «Поминки по Финнегану» как сна Иервикара: *The dream, however, cannot be definitely allocated to any individual member of*

the Chapelizod family; it seems to bear the multiple imprints of HCE, of Shem and Shaun and Issy, and even of ALP. Moreover, it incorporates matter which no Chapelizod innkeeping family dreaming according to Freud's rules could ever have succeeded in encompassing. If it is a dream (something which is far easier to assert than to prove) then it is an archetypal dream of Everyman, constructed out of the Jungian «collective unconscious» rather than the personal symbolism analysed by Freud [19, p. 215] ‘Этот сон, однако, невозможно приписать ни одному члену семьи из Чепелизода; в нем многое от *Here Comes Everybody*, Шема, Шона и Исси, даже Анны Ливии. Более того, он включает события, которые, согласно Фрейдю, никакой спящей семье чепелизодского трактирщика не суждено пережить. Если это сон (что проще декларировать, чем доказать), то это архетипический сон Обывателя, сконструированный скорее по образцу юнгианского «коллективного бессознательного», чем на основе индивидуальных символов, анализируемых Фрейдом’. Получается, что даже сон не индивидуальный, а синтезированный. В нем присутствуют отголоски снов разных людей, это своего рода коллективный сон человечества.

Эксперимент Дж. Джойса органично вписывается в контекст эпохи, так как гибридная образность – важная составляющая поэтики синтеза в разных видах модернистского искусства. Прием гибридизации был особенно продуктивен в изобразительном искусстве – живописи и графике. Так, С. Дали создавал оптические иллюзии на основе соединения разных образов («Галлюциногенный тореадор», «Галатея сфер»). Часть сюрреалистических образов-гибридов М. Эрнста основана на коллажной технике («За облаками», «Китайский соловей»). В джойсовском тексте можно выделить разные варианты гибридизации. Речь идет не только о персонажах, но и о способе создания неологизмов на основе морфем разных языков. В прозе автора выделяются образы-гибриды (Анна Ливия Плюрабелль) и слова-гибриды (многочисленные неологизмы). Что касается последних, то они могут быть достаточно прозрачными по смыслу (например, *homogenius* ‘homogenous + genius’, *sabboath* ‘sabbath’, *Dbln* ‘Dublin’) или предельно сложными для восприятия и адекватной интерпретации. Новаторские словоформы Дж. Джойса не просто стали фактом литературы, но и привлекли внимание ученых. Так, знаменитый неологизм *chaosmos* вошел в понятийный аппарат постмодернистской философии: «В постмодернистском контексте понятие ‘хаосмос’ интерпретируется уже не просто как контаминация ‘хаоса’, ‘космоса’ и ‘осмоса’, – хаос мыслится как чреватый космосом, и возможность этой космизации (упорядочивания) реализуется в актах переходов его из одного осмотического состояния в другое: бытие ризомы как реализующее себя посредством осцилляции между этими состояниями (по формулировке Делеза и Гваттари, ‘меж-бытие, интермеццо’)» [20]. Он также актуален для синергетики как междисциплинарной исследовательской стратегии.

Примеры подобного словотворчества можно найти у Льюиса Кэрролла и Бориса Виана. Для обозначения таких неологизмов приняты термины *portmanteau word* (в переводе с английского языка означает ‘слово-бумажник’) и *mot-valise* (в переводе с французского языка означает ‘слово-чемодан’). Они похожи на джойсовские словоформы, также созданные с помощью лексической контаминации. Первая строфа знаменитого стихотворения «Бармаглот» (*Jabberwocky*) из книги «Алиса в Зазеркалье» практически полностью состоит из придуманных Льюисом Кэрроллом слов, за исключением служебных: *Twas brillig, and the slithy toves // Did gyre and gimble in the wabe; // All mimsy were the borogoves, // And the mome raths outgrabe* [21, p. 28] ‘Варкалось. Хливкие шорьки // Пырлялись по наве, // И хрюкотали зелюки, // Как мюмзики в мове’ [22, с. 122]. В силу узнаваемости грамматических конструкций читатели могут визуализировать этот образ, и каждая трактовка такого текста субъективна. Дж. Джойс избирает аналогичный подход: его неологизмы подчинены правилам английского языка и вплетены в условно англоязычный текст. Отличие от текста Льюиса Кэрролла заключается в том, что в романе «Поминки по Финнегану» гибридных слов огромное количество, что значительно затрудняет прочтение, к тому же в пределах лексемы соединены морфемы разных языков, и это еще больше зашифровывает значение. Стоит отметить и неоднородность текста романа: некоторые его фрагменты ясны по смыслу (например, начало), другие же слишком насыщены причудливыми неологизмами и вследствие этого практически недоступны для понимания. У. Эко подчеркивает философскую емкость новаторских словоформ в последнем романе писателя: «От приятия (и, более того, от умножения) плюральности – к единящей душе, управляющей всем: “Финнеганов помин”⁵ осуществляет это указание, становясь своей собственной поэтикой; невозможно уяснить себе значение того или иного слова и его отношений со всеми прочими, если не иметь в виду возможное целостное объяснение всего тома. И все же каждое слово проясняет смысл книги, каждое слово задает некую перспективу взгляда на книгу и направление, ведущее к одному из возможных пониманий книги. Кажется, эта ситуация на эстетическом уровне осуществляется

⁵ Название последнего романа Дж. Джойса в переводе А. Ковалева звучит как «Финнеганов помин». В данной статье используется более распространенный русскоязычный вариант – «Поминки по Финнегану».

учением Кузанца о *complicatio*⁶: в каждой вещи актуализируется все, и все содержится в каждой вещи; всякая вещь предстает в конце концов некоей перспективой взгляда на универсум и его *стяжением* (*contractio*)» [6, с. 375–377]. Таким образом, джойсовские словоформы отражают специфику всего текста в миниатюре: в них таятся потенциальные смыслы, нуждающиеся в расшифровке, подобно тому, как по всему произведению рассеяны многочисленные шифры и загадки. В романе «Улисс» автор также обращается к такому способу словообразования, как словослияние (словостяжение), однако там значение получившихся лексем в большинстве случаев весьма прозрачно и способствует реализации музыкального эффекта: *hoofthuds lowringing in the baking causeway* [13, p. 213] ‘глухозвук стучопыт по раскаленным булыжникам’ [14, с. 160].

В жанровом отношении «Улисс» также представляет собой яркий пример синтеза. Глобальный замысел писателя невозможно было реализовать в рамках какого-то одного жанра. «Улисс» одновременно философский, психологический и социально-бытовой роман, роман-миф, роман-странствие и др. Охарактеризовать жанровую специфику произведения «Поминки по Финнегану» – более сложная задача. Однако очевидно, что этому тексту присущи черты и философского романа, так как автор вкладывает в него множество смыслов, и романа-мифа, о чем свидетельствуют, например, фигура легендарного Финна, мифологема смерти и воскресения, обыгранная даже в названии, и многие другие мифологические мотивы. Говоря о специфике романа, переводчик С. С. Хоружий выделил ключевые составляющие жанра: «Языкотворчество, деформация и экстраполяция языка – последний важнейший аспект романа, и первый по своей роли в его судьбе. Если перечислять все такие аспекты, то надо будет сказать: “*Поминки по Финнегану*” – роман *словотворческий, мифологический и комический*. И главным для восприятия оказывается именно первое, ибо оно возводится автором в такую небывалую степень, что приводит к прямой невозможности чтения и понимания книги» [7, с. 433]. Кроме жанрового синтеза, Дж. Джойс прибегает и к синтезу родов литературы. Безусловно, «Улисс» – произведение прозаическое. Однако в нем есть поэтические вставки (17-й эпизод), а 15-й эпизод под названием «Цирцея» представляет собой полноценное драматургическое произведение. Несмотря на формальную принадлежность к прозе, 3-й и 11-й эпизоды предельно поэтичны: автор передает эмоции Стивена и Блума, переживания и предельное напряжение героев, что скорее характерно для лирических текстов.

Стилистически роман также неоднороден, так как, начиная с 7-го эпизода, автор прибегает к определенной манере повествования. Благодаря «поэтике выжженной земли», когда последовательно эксплуатируются и исчерпываются возможности разнообразных литературных техник, Дж. Джойсу удается соединить в романе и разные смысловые пласты. Каждый прием выбран не случайно, а соответствует содержанию того или иного эпизода. Так, передать идею эпизода «Циклопы» уместно было с помощью стилистики гиперперечней, а происходящее в редакции газет в эпизоде «Эол» – посредством лаконичных заметок. «Улисс» – своеобразная энциклопедия приемов модернистского письма, прямые аналоги которой сложно найти даже в модернистской литературе.

Одно из проявлений поэтики синтеза в модернистском искусстве – создание гезамткунстверков (нем. *Gesamtkunstwerk*). Это синтетические художественные произведения, которые невозможно однозначно отнести к какому-то одному виду искусства. В качестве примера можно привести серию гуашей немецкой художницы Ш. Саломон «Жизнь? Или театр?». Это произведение изобразительного искусства, однако не меньшую роль в нем играет литературная составляющая, текст. В работе также есть аналог музыкальной дорожки (для многих гуашей автор указывает музыкальное сопровождение), композиция же подчеркнута драматургична. В прямом смысле слова роман «Улисс» не является гезамткунстверком, однако можно выделить некоторые элементы такового. В 17-м эпизоде присутствуют партитура и текст песни, именно этот фрагмент романа фактически принадлежит другому виду искусства.

В романах «Улисс» и «Поминки по Финнегану» Дж. Джойс активно использует поэтику симультанности. М. А. Петров освещает разные аспекты этого явления, а также утверждает, что слово *симультанный* в некоторых контекстах является синонимом слова *синтетический*. По мнению ученого, симультанность – это и презентация художниками разных событий в конкретный момент времени, и соединение разнородных элементов, и стремление «к универсализации языка искусства, созданию арт-объектов, охватывающих не только разные виды творчества (существующие в режиме интермодальности), но и базирующиеся на синестезийных и синсемийных практиках» [8, с. 7–8]. У Дж. Джойса симультанность присутствует на разных уровнях текста. Она находит описание хронотопа, так как прием гиперлокализации позволяет автору сконденсировать события и переживания всей жизни героев за один день («Улисс») или одну ночь («Поминки по Финнегану»). Она также проявляется в использовании таких модернистских приемов, как коллаж, предполагающий соединение разнообразных

⁶В переводе с латинского языка означает ‘сворачивание’ – понятие, которое ввел в философию Николай Кузанский.

элементов, мультиперспектива, с помощью которой читатель видит героя сразу в разных ракурсах, как на картинах П. Пикассо. В 15-м эпизоде присутствует литературный аналог мультиперспективы: Леопольд Блум предстает здесь на разных стадиях своей жизни, в разных ипостасях. Его метаморфозы, перевоплощения в разных людях лишь усиливают эффект. Кроме того, в этом драматургическом эпизоде действуют практически все важные персонажи романа. Дж. Джойс будто выводит их на симультанную сцену, которая использовалась в театре разных эпох (средневековых мистериях, экспрессионистском театре начала XX в.). Важно и то, что в этом кульминационном эпизоде за счет панорамной картины, обилия действующих лиц и актуализации значимых событий из жизни героев синтезированы все смыслы романа.

Заключение

Таким образом, в стремлении к глобальному осмыслению мира и человека Дж. Джойс обращается к соответствующей его замыслу поэтике синтеза. Именно она позволяет объединить разнородные элементы в систему, обобщить обширную информацию в пределах текста, разработать и воплотить в романах «Улисс» и «Поминки по Финнегану» концепцию универсального человека (*Everyman or Noman* Блум и *Here Comes Everybody* Иервикер). Такие ее проявления, как синтез искусств, жанров и родов литературы в произведении, полифония, художественные приемы синтетической природы, синтетический язык, симультанность, помогают автору смоделировать цельный художественный универсум. Масштабный эксперимент ирландского писателя созвучен поискам представителей разных направлений модернизма, целью которых было расширение границ искусства и представлений о специфике творческого процесса и роли художника. Дж. Джойс значительно обновляет язык литературы, включая в тексты ведущие авангардные приемы, характерные не только для искусства слова (коллаж, мультиперспективу, монтаж, гибридную образность и др.). Обогащение литературного языка за счет средств музыки, живописи, графики, кинематографа, архитектуры и других видов искусства позволяет говорить об интермедиальном характере прозы Дж. Джойса, что может стать предметом дальнейших исследований в области как литературоведения, так и других гуманитарных наук. Его произведения отличаются философской глубиной и вместе с тем рассчитаны не только на интеллектуальное, но и на чувственное восприятие, доказательством чему служит обилие сенсорной образности (слуховых, обонятельных, вкусовых, тактильных и зрительных образов). Синтетический подход к созданию произведений стал причиной того, что автор является культовой фигурой искусства XX в. Не зря роман «Улисс» неоднократно называли евангелием модернизма: разработки Дж. Джойса в области поэтики текста стали ориентиром для последующих поколений писателей во всем мире и все еще остаются актуальным вектором литературоведческих исследований.

Библиографические ссылки

1. Marcus L. *The tenth muse. Writing about cinema in the modernist period*. Oxford: Oxford University Press; 2008. 584 p.
2. Hanaway-Oakley C. *James Joyce and the phenomenology of film*. Oxford: Oxford University Press; 2017. 158 p.
3. Smyth G. *Music and sound in the life and literature of James Joyce: Joyces Noyses*. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 331 p.
4. Хрущёва НА. Поминки по фуге: музыкальные стратегии Джеймса Джойса. *Opera musicologica*. 2012;1(11):47–61.
5. Пулина ЕЛ. Звукопись эпизода «Сирены» в романе Дж. Джойса «Улисс»: новые слова и способы их межъязыкового транспонирования. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007;1:72–81.
6. Эко У. *Поэтики Джойса*. Коваль А, переводчик. Санкт-Петербург: Симпозиум; 2003. 496 с.
7. Хоружий СС. «Улисс» в русском зеркале. В: Джойс Дж. *Избранное. Том 2*. Хинкис ВА, Хоружий СС, Богословская-Боброва МП, переводчики. Москва: ТЕРРА; 1997. с. 361–558.
8. Петров МА. *Симультанность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы*. Москва: Индрик; 2010. 176 с.
9. Ламеко НВ. *Хаосмос Джеймса Джойса как мультистабильная система (синергетическая природа художественного феномена)*. Минск: РИВШ; 2006. 172 с.
10. Ламеко НВ. Поэтика симультанности в творчестве Дж. Джойса и П. Пикассо. *Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология*. 2019;1:164–170.
11. Ламеко НВ. Элементы киноэстетики в романе Джеймса Джойса «Улисс». *Вестник БДУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика*. 2015;1:18–22.
12. Ушакова ОМ. Модернизм: о границах понятия. *Вестник Пермского университета*. 2010;6(12):109–114.
13. Joyce J. *Ulysses*. Glasgow: Flamingo; 1994. 940 p.
14. Джойс Дж. *Улисс*. Хинкис ВА, Хоружий СС, переводчики. Санкт-Петербург: Симпозиум; 2000. 830 с.
15. Joyce J. *A portrait of the artist as a young man*. London: Penguin; 1996. 288 p.
16. Джойс Дж. *Портрет художника в юности*. Богословская МП, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2000. 378 с.
17. Joyce J. *Finnegans Wake*. London: Penguin; 2000. 628 p.
18. Беляев К. «Поминки по Финнегану»: апология перевода. *Союз писателей* [Интернет]. 2000 [процитировано 5 декабря 2021 г.];2. Доступно по: https://studylib.ru/doc/3978255/perevod_fragmenta_finnegans_wake.
19. Parrinder P. *James Joyce*. Cambridge: Cambridge University Press; 1984. 262 p.

20. Можейко МА. Хаосмос. В: Грицанов АА, Можейко МА, редакторы. *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2001. с. 937–938. Совместно с издательством «Книжный Дом».
21. Carroll L. *Through the looking glass*. London: Penguin; 1994. 176 p.
22. Кэрролл Л. *Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье*. Демурова НМ, переводчик. Москва: Наука; 1978. 360 с.

References

1. Marcus L. *The tenth muse. Writing about cinema in the modernist period*. Oxford: Oxford University Press; 2008. 584 p.
2. Hanaway-Oakley C. *James Joyce and the phenomenology of film*. Oxford: Oxford University Press; 2017. 158 p.
3. Smyth G. *Music and sound in the life and literature of James Joyce: Joyces Noyces*. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 331 p.
4. Khrushcheva NA. [Fugue's Wake: Musical strategies of James Joyce]. *Opera musicologica*. 2012;1(11):47–61. Russian.
5. Pulina EL. [Phonetic devices of the «Sirens» in James Joyce's «Ulysses»: new words and ways of their interlingual transposition]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007;1:72–81. Russian.
6. Eco U. *Le poétique di Joyce*. Milan: Bompiani; 1994. 171 p.
Russian edition: Eco U. *Poetiki Dzhoisa*. Koval' A, translator. Saint Petersburg: Symposium; 2003. 496 p.
7. Khoruzhiy SS. «Ulyss» v russkom zerkale [«Ulysses» in Russian mirror]. In: Joyce J. *Izbrannoe. Tom 2* [Selected works. Volume 2]. Khinkis VA, Khoruzhiy SS, Bogoslovskaya-Bobrova MP, translators. Moscow: TERRA; 1997. p. 361–558. Russian.
8. Petrov MA. *Simul'tannost' v iskusstve. Kul'turnye smysly i paradoksy* [Simultaneity in arts. cultural senses and paradoxes]. Moscow: Indrik; 2010. 176 p. Russian.
9. Lameka NU. *Khaosmos Dzheimsa Dzhoisa kak mul'tistabil'naya sistema (sinergeticheskaya priroda khudozhestvennogo fenomena)* [James Joyce's chaosmos as a multistable system (synergetic nature of the artistic phenomenon)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2006. 172 p. Russian.
10. Lameka NU. [Poetics of simultaneity in James Joyce's and Pablo Picasso's works]. *Vestnik MGLU. Seriya 1. Filologiya*. 2019;1:164–170. Russian.
11. Lameka NU. [Cinematic devices in James Joyce's novel «Ulysses»]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filologija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2015;1:18–22. Russian.
12. Ushakova OM. Modernizm: on the limits of the term. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2010;6(12):109–114. Russian.
13. Joyce J. *Ulysses*. Glasgow: Flamingo; 1994. 940 p.
14. Joyce J. *Uliss* [Ulysses]. Khinkis VA, Khoruzhiy SS, translators. Saint Petersburg: Simpozium; 2000. 830 p. Russian.
15. Joyce J. *A portrait of the artist as a young man*. London: Penguin; 1996. 288 p.
16. Joyce J. *Portret khudozhnika v yunosti* [A portrait of the artist as a young man]. Bogoslovskaya MP, translator. Saint Petersburg: Azbuka; 2000. 378 p. Russian.
17. Joyce J. *Finnegans Wake*. London: Penguin; 2000. 628 p.
18. Belyaev K. «Finnegans Wake»: an apology for translation. *©oyuz pisatelei* [Internet]. 2000 [cited 2021 December 5]:2. Available from: https://studylib.ru/doc/3978255/perevod_fragmenta_finnegans_wake. Russian.
19. Parrinder P. *James Joyce*. Cambridge: Cambridge University Press; 1984. 262 p.
20. Mozhejko MA. [Khaosmos]. In: Gritsanov AA, Mozhejko MA, editors. *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; 2001. p. 937–938. Co-published by the «Knizhnyi Dom». Russian.
21. Carroll L. *Through the Looking Glass*. London: Penguin; 1994. 176 p.
22. Carroll L. *Priklyucheniya Alisy v strane chudes. Skvoz' zerkalo i chto tam uvidela Alisa, ili Alisa v Zazerkal'e* [Alice's adventures in Wonderland. Through the mirror and what Alice saw there, or Alice through the Looking Glass]. Demurova NM, translator. Moscow: Nauka; 1978. 360 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021.
Received by the editorial board 17.12.2021.

УДК 81'42

СПОСОБЫ РАЦИОНАЛЬНОГО УСИЛЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ОПИСАНИЕ И ОЦЕНКА)

Т. Н. САВЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты дескриптивно-нормативного анализа проблемы рационализации гуманитарной аргументативной практики. На материале русско- и белорусскоязычных текстов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, выявляются и систематизируются способы интенсификации рационального воздействия в письменном дискурсе гуманитарных наук. Средства рационального усиления аргументации дифференцируются на трех уровнях анализа дискурса: структурном, репрезентационном и метатекстовом. Установлено, что в качестве приемов структурного усиления выступают систематизация изложения, использование сложных аргументативных структур, а также применение особых способов структурирования аргументации (повтор, градация и период). Показано, что репрезентационное усиление аргументации осуществляется вербально путем логико-смыслового акцентирования (языковой маркировки конститuentов аргументации, ее форм, схем, структур; расстановки логических акцентов с помощью языковых интенсификаторов; введения в дискурс средств интеллектуальной оценки) и невербально за счет различных форм визуализации (таблицы, схемы, графики, рисунки, фотографии и пр.). Отмечено, что метатекстовая рационализация происходит с помощью типографических средств (шрифтовое варьирование, подчеркивание, разные типы скобок, символические обозначения, верти-

Образец цитирования:

Савчук ТН. Способы рационального усиления аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук (описание и оценка). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;1:16–29.

For citation:

Savtchouk TN. Methods for rational strengthening of argumentation in the written discourse of human sciences (description and evaluation). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;1:16–29. Russian.

Автор:

Татьяна Николаевна Савчук – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры прикладной лингвистики филологического факультета.

Author:

Tatiana N. Savtchouk, doctor of science (philology), docent; professor at the department of applied linguistics, faculty of philology.
tatyana.s77@list.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2646-3543>

кальные и горизонтальные пробелы и др.). Воздействующий эффект указанных приемов объясняется их способностью системно представить аргументативное содержание, а также сформировать рациональную эстетику научного продукта, отвечающую ожиданиям воспринимающего субъекта письменного гуманитарного дискурса. Подчеркивается, что условия эффективности разноуровневых средств рационализации определяются их типологической принадлежностью и объективностью их критического анализа предусматривает учет широкого контекста и ситуативных факторов. Делается вывод, что значимую роль в усилении аргументативного воздействия научной публикации играет кооперация автора статьи и редакции научного издания.

Ключевые слова: аргументация; рациональное воздействие; аргументативная структура; аргументативный вербализатор; письменная научная коммуникация; дискурс гуманитарных наук.

СПОСАБЫ РАЦЫЯНАЛЬНАГА ЁЗМАЦНЕННЯ АРГУМЕНТАЦЫІ Ў ПІСЬМОВЫМ ДЫСКУРСЕ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК (АПІСАННЕ І АЦЭНКА)

Т. М. САЎЧУК^{1}*

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прадстаўлены вынікі дэскрыптыўна-нарматыўнага аналізу праблемы рацыяналізацыі гуманітарнай аргументатыўнай практыкі. На матэрыяле руска- і беларускамоўных тэкстаў, апублікаваных у рэцэнзуемых навуковых выданнях, выяўляюцца і сістэматызуюцца спосабы інтэнсіфікацыі рацыянальнага ўздзеяння ў пісьмовым дыскурсе гуманітарных навук. Сродкі рацыянальнага ўзмацнення аргументацыі дыферэнцыруюцца на трох узроўнях аналізу дыскурсу: структурным, рэпрэзентацыйным і метатэкставым. Устаноўлена, што ў якасці прыёмаў структурнага ўзмацнення выступаюць сістэматызацыя выкладу, выкарыстанне складаных аргументатыўных структур, а таксама прымяненне асаблівых спосабаў структуравання аргументацыі (паўтор, градацыя і перыяд). Паказана, што рэпрэзентацыйнае ўзмацненне аргументацыі ажыццяўляецца вербальна шляхам логіка-сэнсавага акцэнтавання (моўнай маркіроўкі канстытуентаў аргументацыі, яе форм, схем, структур; расстаноўкі лагічных акцэнтаў з дапамогай моўных інтэнсіфікатараў; увядзення ў дыкурс сродкаў інтэлектуальнай ацэнкі) і невербальна за кошт розных форм візуалізацыі (табліцы, схемы, графікі, малюнкi, фатаграфіі і інш.). Адзначана, што метатэкставая рацыяналізацыя адбываецца з дапамогай друкарскіх сродкаў (шрыфтавае вар'іраванне, падкрэсліванне, розныя тыпы дужак, сімвалічныя пазначэнні, вертыкальныя і гарызантальныя прабелы і інш.). Пэўны прагматычны эффект названых прыёмаў тлумачыцца іх здольнасцю сістэмна прадставіць аргументатыўны змест, а таксама сфарміраваць рацыянальную эстэтыку навуковага прадукту, якая адпавядае чаканням рэцыпіента пісьмовага гуманітарнага дыскурсу. Падкрэсліваецца, што ўмовы эфектыўнасці рознаўзроўневых сродкаў рацыяналізацыі вызначаюцца іх тыпалагічнай прыналежнасцю і аб'ектыўнасць іх крытычнага аналізу прадугледжвае ўлік шырокага кантэксту і сітуацыйных фактараў. Робіцца выснова, што значную ролю ва ўзмацненні аргументатыўнага ўздзеяння навуковай публікацыі адыгрывае кааперацыя аўтара артыкула і рэдакцыі навуковага выдання.

Ключавыя словы: аргументацыя; рацыянальнае ўздзеянне; аргументатыўная структура; аргументатыўны вербализатор; пісьмовая навуковая камунікацыя; дыкурс гуманітарных навук.

METHODS FOR RATIONAL STRENGTHENING OF ARGUMENTATION IN THE WRITTEN DISCOURSE OF HUMAN SCIENCES (DESCRIPTION AND EVALUATION)

T. N. SAVTCHOUK^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article presents the results of a descriptive and normative analysis of the problem of rationalising of humanitarian argumentative practice. Based on the material of Russian and Belarusian language texts published in peer-reviewed scientific journals, methods of intensifying rational influence in the written discourse of the humanities are identified and systematised. The means of rational strengthening of argumentation are differentiated at three levels of discourse analysis:

structural, representational, and metatextual. It has been established that the methods of structural strengthening are: systematisation of presentation; the use of complex argumentative structures; the use of special methods of structuring the argumentation (repetition, gradation, period). It is shown that the representational strengthening of argumentation is carried out verbally and non-verbally. Verbal methods are the following: logical-semantic accentuation (linguistic marking of the constituents of argumentation, its forms, schemes, structures; logical accents using language intensifiers; introduction of means of intellectual assessment into discourse). Non-verbal intensification is carried out due to various forms of visualisation (tables, diagrams, graphs, drawings, photographs, etc.). It is noted that metatextual rationalisation occurs with the help of typographic means (font variation, underlining, different types of brackets, symbolic designations, vertical and horizontal spaces, etc.). The influencing effect of these techniques is explained by their ability to present systematically argumentative content, as well as to form a rational aesthetics of a scientific product that meets the expectations of the perceiving subject of written humanitarian discourse. It is emphasised that the conditions for the effectiveness of multi-level means of rationalisation are determined by their typological affiliation and that the objectivity of their critical analysis involves taking into account a wide context and situational factors. It is concluded that the cooperation of the author of the article and the editorial office of the scientific publication plays a significant role in enhancing the argumentative impact of a scientific publication.

Keywords: argumentation; rational impact; argumentative structure; argumentative verbaliser; written scientific communication; discourse of the humanities.

Введение

Характерным признаком научного дискурса, аргументативного по своей природе, выступает приоритет рациональности. Это означает, что в достижении перлокутивного эффекта научной аргументации (принятии адресатом пропонируемой точки зрения) доминантная роль отводится логико-лингвистическим средствам – таким, которые способны воздействовать на сознание и подконтрольны ему. Данная установка полностью согласуется с пониманием рациональности (разумности) субъектов научной коммуникации (аргументации) как способности пропонента осмысленно создавать аргументативный текст и способности реципиента критически оценивать аргументацию (см., например, [1–3]). Результат этой оценки служит показателем степени эффективности аргументативной деятельности. Отсюда естественное стремление исследователя-аргументатора рационально усилить обоснование.

Предполагается, что способы усиления аргументативного воздействия зависят от того, в каком социально-коммуникативном контексте оно осуществляется. Интерес в этом плане представляет дискурс гуманитарных наук, обладающий специфической научной рациональностью. Имплицитность (невывраженность) аргументативных конструкций, совмещение их с квазиаргументативными структурами (нарративы, объяснения, комментарии, уточнения), нефиксированность конститuentов аргументации (тезис и доводы), непоследовательность их вербализации, субъективная оценочность – все эти свойства гуманитарного дискурса отдают его от дискурса научного, затрудняют анализ и оценку научно-гуманитарной продукции (подробно см., например, [3, с. 100–117]). В такой ситуации актуализируется проблема рационализации гуманитарной аргументативной практики. Данная проблема включает ряд важных вопросов: какие средства рационального усиления аргументации применимы в научном гуманитарном дискурсе? каковы возможные способы их систематизации? каков их прагматический потенциал? каковы критерии их оценки?

Несмотря на очевидную значимость, указанные вопросы до настоящего времени не входили в проблемное поле лингвоаргументологических исследований, тем более не становились предметом специального обсуждения представителями иных языковедческих дисциплин. В рамках различных интеллектуальных направлений затрагиваются лишь отдельные аспекты, касающиеся усиления рациональной составляющей научно-гуманитарной коммуникации. Так, в работах по науковедению при рассмотрении общих требований к научному дискурсу и отдельным его жанрам фиксируются некоторые оценочные критерии рациональности [4–6]. Функциональная специфика вербальных средств, участвующих в оформлении научного рассуждения и так или иначе выступающих в роли показателей аргументирования, рассматривается в дискурсивной стилистике [7–9]. Способы неязыкового представления информации, релевантные для науки, изучаются в контексте проблем социальной семиотики [10] и невербальной (визуальной) семиотики [11–14]. Комплекс средств несловесного аргументирования в различных коммуникативных пространствах выступает объектом визуальной и мультимодальной аргументации [15–17]. Анализ источников, в той или иной степени связанных с темой данной статьи, позволяет получить важные, но фрагментарные сведения, нуждающиеся в целостной – аргументологической – интерпретации.

Лингвоаргументологический подход к исследованию приемов рационализации дискурса гуманитарных наук был впервые представлен в авторской – конвергентной – теории (см. [3]), при этом рассмотрение рационального усиления аргументации, квалифицированного как особая тактика, не входило в круг центральных теоретических задач. Представляется, что на данном этапе обозначенная проблема приобрела особую актуальность, именно поэтому мы фокусируем на ней исследовательское внимание. Масштабирование проблемы влечет за собой углубление ее анализа, совершенствование первоначальной типологии, уточнение интерпретаций при расширении корпуса фактических данных. Предпринимаемые исследовательские действия нацелены на то, чтобы выявить, типологизировать и оценить приемы, способствующие рациональному усилению аргументативного воздействия в письменном дискурсе гуманитарных наук.

Материалы и методы исследования

Источником эмпирического материала послужили русско- и белорусскоязычные статьи по социологии, психологии, культурологии, лингвистике и журналистике, опубликованные в 2001–2021 гг. в рецензируемых научных изданиях.

Данное исследование развивает конвергентную концепцию, а значит, является междисциплинарным и совмещающим описательное и нормативное измерения аргументации. Интеграция дескриптивного и критического подходов достигается за счет привлечения соответствующих методов: описания, контекстуального и функционального анализа, с одной стороны, а также синонимических (структурных и семантических) преобразований, реконструкции и пропозиционального анализа – с другой.

Результаты и их обсуждение

Общим основанием для рационального усиления научной аргументации выступает принцип рациональной эффективности, в соответствии с которым «убедительность (доказательность) обоснования обеспечивается системностью структурирования, точностью, ясностью изложения, целесообразностью коммуникативного поведения» [3, с. 192]. В результате исследования установлено, что способы интенсификации аргументативного воздействия в письменной гуманитарной научной практике различаются на трех уровнях анализа аргументативного дискурса: структурном, репрезентационном и мета-текстовом.

1. **Структурная рационализация** аргументирования предусматривает выбор определенных приемов построения научного дискурса. Эти приемы группируются нами с учетом их участия в следующих процедурах: 1) общей организации аргументативного текста; 2) формировании аргументативных конструкций; 3) создании специфических видов аргументативных структур.

1.1. Усилению рационального воздействия аргументации способствует **систематизация изложения**, которая проявляется в продуманном структурировании текста, соответствии его определенному плану. Это положение следует из требований к жанру научной статьи, предусматривающих «наличие жесткой структурной заданности» [5, с. 7], «выверенную аналитическую работу и оптимальное структурирование информации» [6, с. 63]. Признание данных нормативных критериев находит отражение в редакционной политике большинства современных научных журналов, обязывающей авторов структурировать свои тексты. В одних случаях предлагается использовать простейший вариант композиционного членения с выделением стандартных разделов (как, например, в научных журналах Белорусского государственного университета): *Введение, Материалы и методы исследования (Теоретические основы исследования), Результаты и их обсуждение, Заключение*¹. В других ситуациях авторам предоставляется право самостоятельно выбирать способы структурной организации статей и формулировки названий их составных частей (разделов, подразделов и др.).

При оценке структуры научной статьи важно учитывать, какой вид плана (простой или сложный) используется. Так, если раздел *Результаты и их обсуждение* (совпадающий, как правило, с основной частью статьи) не имеет внутренней дифференциации, это не приводит к усилению воздействующего эффекта, на который рассчитан аргументативный текст. В свою очередь, соответствие изложения сложному плану (выделение пунктов, подпунктов в указанном разделе) интенсифицирует рациональное воздействие, поскольку создает впечатление последовательной и глубокой проработки проблемы (за счет детализации внутренних связей между аспектами проблемы). Это отвечает потребности адресата научного текста в системном восприятии информации (сообщения): в научно-гуманитарной практи-

¹Здесь наблюдается очевидная корреляция с универсальной (трехчастной) композиционной схемой, разработанной в античной риторике.

ке (как в любой убеждающей речи) «хорошо продемонстрированная логика служит самостоятельным аргументом»² [4, с. 14].

Отметим следующую закономерность: отсутствие структурирования негативно сказывается на восприятии научной публикации (аргументации), однако наличие структурных частей в аргументативном тексте не гарантирует его качество (не служит его показателем). Здесь важно учитывать, что оценка научной аргументации не ограничивается формальными критериями, а предполагает анализ содержательного наполнения выделенных в тексте частей (пунктов плана). Показательно в этом контексте мнение Г. Г. Хазагерова: «Широко понимаемая логичность – лучшая защита от фактов. Можно быть сколь угодно последовательным, не касаясь неудобных вопросов (альфа и омега демагогии), но можно быть последовательным, не касаясь вообще никаких вопросов (ноу-хау пустословия, лептологии)... Логичность нисколько не противоречит банальности, а симметрия успешно камуфлирует последнюю» [4, с. 15]. Полностью разделяя эту точку зрения, уточним лишь понятие логичности: в приведенной цитате логичность понимается не широко, а, напротив, узко – как внешняя логика (последовательность формы изложения). Логичность же в широком (точнее, адекватном) смысле предусматривает соблюдение основных законов логики и, соответственно, определенность, последовательность, непротиворечивость, обоснованность (см. подробнее [18, с. 130–158]).

Наш исследовательский опыт дает основание утверждать, что примеры того, как внешняя (формальная) «логичность» прикрывает отсутствие новых научных идей (разного рода «банальности»), а также «камouflрует» псевдонаучные рассуждения, можно обнаружить без труда, пожалуй, в любом научном издании, даже с ненулевым импакт-фактором (см., например, ВТГУ-1).

1.2. Еще одним способом рационализации гуманитарного дискурса служит **использование сложных аргументативных структур** – подчинительной, сочинительной, множественной (их характеристику см. в [19, р. 73–92]). Участие комплекса посылок в формировании аргументативных конструкций увеличивает их убеждающий потенциал. Такой воздействующий эффект демонстрирует следующий пример:

(1) Для развития информационного общества необходимо расширять горизонтальные и сетевые структуры (Т). Они **открывают новые возможности для инициативы каждого гражданина** ($A_1 = T_1$), а это огромный ресурс для среднего и малого бизнеса (A_2), **для того, чтобы новые идеи не только быстро рождались, но и быстро реализовывались** (A_3) (ВМУ-2, с. 11).

Автор статьи по журналистике в примере (1) для поддержки основного тезиса использует несколько доводов (отмечены нижними индексами переменных), относящихся к подчинительной и сочинительной структурам³.

1.3. Рациональное усиление достигается за счет **применения особых способов структурирования аргументации**. Для их обозначения мы вводим следующие термины по аналогии с названиями риторических фигур: аргументативный повтор, аргументативную градацию и аргументативный период (см. [3, с. 172–174; 20]). Эти приемы «выделяются на фоне стандартных конструкций и связаны с возможностью комбинирования конститuentов аргументации – тезиса и доводов – внутри сложных структур» [20, с. 188].

Аргументативный повтор – многократное повторение одного и того же тезиса и (или) довода в разных формах.

(2) **Без специальных заняткаў** (Т) адносіны да падзей мінулага пачынаюць **пагаршацца...** (A_1) **Без карэкцыйна-педагагічных заняткаў** (Т) узровень самаацэнкі **зніжаецца...** (A_2) **Пра неабходнасць карэкцыйна-педагагічнай работы** (Т) **сведчыць і адзначанае пагаршэнне без спецыяльных мерапрыемстваў** (Т) у сферы сяброўскіх узаемаадносін (A_3) (ВБДПУ, с. 49).

Этот фрагмент статьи по психологии представляет собой прагматическую разновидность каузальной аргументации. В примере (2) имеет место четырехкратное повторение тезиса *Необходна праводзіць карэкцыйна-педагагічную работу са старшакласнікамі з цяжкімі парушэннямі маўлення*. Кроме того, используется трехчленная сложная (сочинительная) структура. Благодаря такому построению аргументирующего рассуждения его воздействие интенсифицируется.

Аргументативная градация – расположение доводов сложной аргументации в порядке усиления их значимости. Этот прием характерен для регрессивной формы аргументации (тезис предшествует

²Положение, согласно которому важную роль в убедительности рассуждения (в частности, публичной речи) играет его построение (композиционная соразмерность, пропорциональность частей, симметрия изложения), рассматривается как общее место теории и практики ораторского искусства.

³Структурные отношения в аргументативном дискурсе идентифицируются благодаря языковым маркерам (вербализаторам). Для их выделения здесь и далее используется полужирный шрифт.

аргументам) и предполагает наличие репрезентационных вариантов. Общее представление об аргументативной градации дают следующие структурные схемы (примеры использования градационных структурных моделей в различных контекстах см. в [20]): рус. Т, *поскольку* А₁, А₂, *а главное* А₃; Т *не потому, что* А₁ *или* А₂, *и даже не потому, что* А₃, *дело в том, что* А₄; бел. Т *па той прычыне, што* А₁ *і* А₂, *звыш таго* А₃; Т, *наколькі* А₁ *або* А₂, А₃, А₄, *а ў канчатковым выніку* А₅.

Аргументативный период – конструкция, репрезентирующая определенный ритм мысли аргументатора. Она включает комплекс доводов, расположенных, как правило, в градационном порядке. Финальный довод, соответствующий кульминационной точке аргументации, сопровождается представлением пропонируемого тезиса. Эта структура применяется в случае прогрессивного построения аргументации (тезис следует за аргументами), что отражается в следующих моделях: рус. *Учитывая тот факт, что* А₁, *а также то обстоятельство, что* А₂, *можно прогнозировать* Т; бел. А₁, А₂, А₃, *Усё гэта сведчыць аб* Т. Аргументативный период характеризуется вариативностью (см. [20]).

2. Способы репрезентационного усиления аргументации дифференцируются в зависимости от того, каким образом кодируется содержание аргументативного дискурса. В письменной научно-гуманитарной коммуникативной практике манифестация обоснования происходит в двух формах – вербальной (словесной) и невербальной (визуальной), что позволяет говорить о применении в научных текстах соответствующих способов интенсификации убеждающего воздействия.

2.1. На вербальном уровне рациональное усиление аргументации осуществляется посредством *логико-смыслового акцентирования* – языкового выделения, подчеркивания тех элементов высказывания, которые семантически (концептуально) значимы с точки зрения аргументатора. Для гуманитарного дискурса характерно использование трех групп акцентирующих приемов.

Во-первых, это *вербальная маркировка конституентов аргументации, ее форм, схем, структур, стратегий, тактик*. Пропонент научной аргументации должен быть заинтересован в максимальной точности (адекватности) восприятия и понимания своего сообщения реципиентом. С этой целью в дискурс вводятся разного рода аргументативные вербализаторы. Так, для объективации тезиса в регрессивно оформленных рассуждениях употребляются языковые конструкции, прагматическая сила которых обеспечивается прямым выражением коммуникативного намерения аргументатора: рус. *Наша точка зрения заключается в том, что...*; *Я собираюсь обосновать тезис о том, что...*; *В статье выдвигается гипотеза о том, что...*; *Мы придерживаемся следующей теоретической позиции...*; бел. *Мы вылучылі наступны тэзіс...*; *Тэза маіх нататкаў...*; *Гіпотэзай з'яўляецца меркаванне аб тым, што...* и т. п.

Для маркировки тезиса в аргументации прогрессивной формы применяются языковые модели с обобщающим значением: рус. *На основании полученных результатов можно сделать следующий вывод...*; *Обобщая все сказанное выше, можно констатировать (заклчить), что...*; *Таким образом (итак), можно сделать вывод о том (утверждать), что...*; бел. *Дадзеныя вынікі дазваляюць зрабіць выснову пра...*; *Такім чынам, мы прыйшлі да высновы, што...*; *Такім чынам, можна канстатаваць (сцвярджаць), што...*; *Такім чынам, праведзенае даследаванне дае нам падставу сцвярджаць, што...* и т. п.

Рационализации аргументирования способствует эксплицитное обозначение разных видов логико-прагматических связей в рамках аргументативных схем (классификационных, причинно-следственных, фактуальных, регулятивных) и структур (см. примеры (1) – (6)). Явным усиливающим потенциалом обладают маркеры иерархии доводов внутри сложных структур аргументации: рус. *как... так и... а главное; не только... но прежде всего; не просто... а почти; с одной стороны, это может быть обусловлено... с другой... и, наконец; во-первых... во-вторых... в-третьих... и, наконец; в первую очередь (прежде всего)... далее... наконец (в итоге)*; бел. *як... так і... а таксама; не толькі... але і; не проста... а зусім; акрамя таго, што... таксама; не столькі... колькі... больш таго; па-першае... па-другое... у рэшце рэшт (зрэшты); у першую чаргу (перш за ўсё)... далей... і ў выніку* и др.

Рациональное воздействие становится особенно интенсивным при сочетании в одном аргументативном контексте вербализаторов разных видов. Это демонстрируют следующие фрагменты дискурса:

(3) *Возвышение шаблонности до уровня универсальной ценности губительно не только для управленческой культуры, но и для культуры в целом. Она служит основанием для стандартизации мышления и восприятия любых отклонений, независимо от их содержания и потенциала, в качестве недопустимых, ненормальных и неприличных. В результате реальное развитие заменяется его симулякрами. В условиях провинциальных регионов эта тенденция стимулируется косностью социокультурной среды, которая многократно усилилась в последние десятилетия в результате деградации культуры и образования, причины которой связаны, в том числе, и с бюрократизацией этих сфер* (НИК, с. 108).

В примере (3) маркируются каузальная (негативно-оценочная) схема аргументации, все виды сложных структур (сочинительная, множественная, подчинительная), градация аргументов, регрессивная и прогрессивно-регрессивная формы обоснования, стратегия подтверждения (обращение к реальности), тактика сближения с адресатом (рациональное объяснение).

(4) *Адрозненні ў магчымасцях валодання падобнымі тэхналогіямі **вызначаюцца сёння паняццем інфармацыйнай, або лічбавай, няроўнасці, якая разумеецца як новы від сацыяльнай дыферэнцыяцыі. У глабальным кантэксце дадзеная дыферэнцыяцыя здольна выклікаць няроўнасць паміж людзьмі, краінамі і рэгіёнамі свету ў сферы найноўшых тэхналагічных распрацовак, што ў сваю чаргу прывядзе да далейшага паглыблення эканамічнай і сацыяльнай няроўнасці і ў выніку – да росту нестабільнасці як у асобных дзяржавах, так і ў свеце ў цэлым*** (ВНАНБ-2, с. 8).

В примере (4) вербализуются дефинитивная и причинно-следственная схемы обоснования, подчинительная и сочинительная структуры, регрессивная форма аргументации, подтверждающая тактика – апелляция к реальности.

Интеллектуальному усилению аргументации способствует экспликация познавательного, логического и фактического статуса суждений за счет введения маркеров модальностей – эпистемической (рус. *установлено, известно, показывает, демонстрирует, подтверждает, свидетельствует, доказывает, подтверждение, свидетельство, доказательство*; бел. *пацвярджае, сведчыць, даказвае, пацверджанне, сведчанне, доказ* и др.) и алетической (рус. *обусловлено, очевидно, не случайно, закономерно, ясно, понятно, действительно, достоверно*; бел. *абумоўлена, відавочна, заканамерна, зразумела, не выпадкова, сапраўды* и др.). Естественно, что интенсивность аргументативного воздействия возрастает в случае совмещения в одной конструкции нескольких типов вербализаторов, как в примерах (5) и (6).

(5) *Стремление российской власти ограничить журналистику в ее действиях **подтверждает гипотезу о сохранении, как и в советские времена, жесткой вертикальной подчиненности. Кроме того, это свидетельствует о недостатке информации, которая циркулирует в политической системе, следовательно, о несовершенстве самой системы*** (ВСПБУ-1, с. 122).

(6) *Пасля навучання 75 % (старшакласнікаў)... **прадэманстравалі сфарміраванасць сацыяльна значных станоўчых жыццёвых мэт, што з'яўляецца сведчаннем гатоўнасці прыняць актыўны ўдзел у грамадскім жыцці. Гэта пацвярджаецца і з'яўленнем у большасці ўпэўненасці ў рэальнасці далейшай асобнай і прафесійнай самарэалізацыі, чаму будзе садзейнічаць адсутнасць пасля навучання ў 60 %... пачуцця віны за свае ўчынкi...*** (ВБДПУ, с. 47).

Необходимо отметить, что любые языковые средства, имеющие отношение к логике и ее основным формам (понятие, суждение, умозаключение), устойчиво ассоциированные с логикой и логичностью, так или иначе воздействуют на сознание воспринимающего субъекта научной аргументации, на оценку им степени доказательности (убедительности) аргументативного высказывания (текста). Это положение следует из риторической предпосылки: «яркая экспликация логических связей» убеждает адресата [4, с. 14]. Рационально-логическая сущность аргументативных вербализаторов очевидна. Примечательно, что эта характеристика закреплена и в стилистической парадигме: подобные языковые единицы традиционно рассматриваются как показатели «подчеркнутой логичности и связности» научного текста, его «когезии и когерентности». В современной (дискурсивной) стилистике они квалифицируются как «дискурсивные маркеры, обеспечивающие связность текста» (об этом см. в [7, с. 66–67]). Стоит также отметить, что подходы к анализу и систематизации таких языковых единиц в стилистике и аргументативной лингвистике принципиально различны.

Следует обратить внимание на то, что с нормативной точки зрения наличие вербальных индикаторов аргументации в научном рассуждении не имеет прямой корреляции с качеством обоснования, это лишь формальный показатель логичности дискурса. Рациональное воздействие усиливается только в тех случаях, когда вербализаторы адекватно отражают мыслительные операции, производимые аргументирующим субъектом (как, например, в (5)). В других же ситуациях (например, в (6)) такой эффект не наблюдается: присутствие языковых маркеров создает видимость логичности, однако фиксируемые вербально логико-смысловые связи, с точки зрения интерпретатора, неочевидны. Чтобы устранить возникшие сомнения, реципиенту необходимо произвести более глубокий критический анализ рассуждения. Это предполагает дополнительные интеллектуальные затраты и, соответственно, затрудняет аргументативное взаимодействие.

Вторым способом вербальной рационализации аргументирования служит **расстановка логических акцентов** с помощью смысловых усилителей. Эту функцию выполняют частицы (рус. *только, лишь, именно*; бел. *толькі, менавіта, іменна*) и образованные с их участием устойчивые языковые структуры (рус. *только если; только в (том) случае, если (когда); тогда (и только тогда), когда; только (лишь)*

при условии; лишь тогда; бел. толькі тады; толькі ў тым выпадку, калі; менавіта адсюль вынікае; менавіта таму; менавіта з гэтага (і) пачынаецца и т. п.).

В научном дискурсе эти языковые образования направляют внимание адресата на значимые по мнению аргументирующего субъекта аспекты содержания речи. Кроме того, они маркируют сильную каузальную связь – эквивалентность, выступая формальными показателями логической истинности. Эту функцию выполняют конструкции с некоторыми частицами (рус. *только, лишь*; бел. *толькі*), что демонстрируют примеры (7) и (8).

(7) ...Жертвой манипуляции человек может стать **лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе, манипуляция состоялась** (ВМУ-1, с. 31).

(8) Чалавецтва здольнае развівацца **толькі ў тым выпадку, калі яно задаецца пытаннем адносна магчымасці пашырэння сваёй пазнавальнай прасторы, неабходным механізмам чаго заўсёды выступала навука. Менавіта яна стварае новыя веды, рэагуе на іх сацыяльную запатрабаванасць** (ВНАНБ-1, с. 5).

Заметим, что сходная трактовка данного вида языковых интенсификаторов аргументации отражается в работах по дискурсивной стилистике. В частности, М. П. Котюрова и Е. А. Баженова рассматривают частицы *только, лишь* как «дискурсивы», которые способствуют «фокусированию внимания читателя на актуальных моментах содержательно-фактуальной информации высказывания» и выражают таким образом «рационально-критическую направленность мышления...» [9, с. 69–70].

К третьей группе приемов, используемых в гуманитарных текстах для вербального усиления аргументации, мы относим **введение в дискурс средств интеллектуальной (рациональной) оценки**. В этой роли употребляются выражения, содержащие стандартные аксиологические акцентуаторы: рус. *большое (особое, принципиальное) значение, важная задача, ключевая роль, надежный критерий, существенная характеристика*; бел. *вялікае значэнне, істотная акалічнасць, значнае месца, відавочна выяўлены, грунтоўна распрацавана* и др.

Больший воздействующий эффект достигается благодаря включению в аргументирующее рассуждение клишированных конструкций, в состав которых входят адъективные и адвербиальные лексемы, выражающие высокую степень качества (рус. *очень важный факт, весьма показательно, особенно негативно*; бел. *вельмі актуальны, надзвычай важная роля, велізарны вопыт, вызначальны момант* и т. п.), в том числе суперлативные формы (рус. *важнейшая особенность, сложнейшая задача, наиболее эффективно*; бел. *найважнейшы аспект, адна са складанейшых праблем* и др.), а также образно-оценочные акцентуаторы (рус. *яркая иллюстрация, мощные эффекты, судьбоносная задача, весомый аргумент*; бел. *яркі прыклад, вострая праблема, яскрава сведчыць, выразна адлюстроўваецца* и др.).

Определение статуса подобных языковых единиц как рациональных интенсификаторов базируется не только на сделанных нами теоретических обобщениях фактуальных данных. Подтверждающие доводы можно также найти в проведенных ранее исследованиях, в частности публикациях В. И. Шаховского, касающихся категории эмотивности (см., например, [21]). Ученый заявляет о специфичности прагматики эмотивной лексики в научной прозе, ссылаясь при этом на результаты докторской диссертации Н. М. Разинкиной, полученные на материале английского языка еще в 1979 г., согласно которым в научном дискурсе «происходит угнетение эмотивного значения и его превращение в штампованное средство выражения авторской субъективной оценки» [21, с. 165]. Подчеркивается, что в научных текстах эмотивы «не являются эмоциональными интенсивами, их эмоциональная ответственность в этих текстах “затухает”...» [21, с. 165]. Стоит заметить, что в иной методологической перспективе высказывается альтернативное мнение: например, М. П. Котюрова рассматривает подобные языковые единицы в ряду средств выражения «психологичности» научного текста (см. [8]). Противоречие между этими двумя точками зрения нейтрализуется, если принять во внимание экстралингвистическую обусловленность прагматики вербальных знаков в дискурсе.

Аргументативный потенциал каждого вербального усилителя устанавливается с опорой на контекст и ситуацию. В качестве значимых квалификационных факторов целесообразно учитывать в первую очередь регулярность, частотность, степень концентрации в рассуждении (тексте). Приведенные выше языковые модели привычны для гуманитарного дискурса. В силу повторяемости они приобретают структурную и смысловую устойчивость и, соответственно, статус дискурсивных клише. Многие из них воспринимаются как фразеологизированные выражения и пополняют корпус научных идиом, специфических для гуманитаристики.

Применение языковых средств, усиливающих аргументацию, регулируется правилом компетентного употребления аргументативных вербализаторов: используемые в обосновании языковые маркеры должны коррелировать с теми видами аргументативных связей, структур, отношений, которые они обозначают (см. [3, с. 204–209]). В противном случае запланированный эффект не достигается. Несовпадение семантики вербальных маркеров аргументации их прагматической роли приводит к дезориентации воспринимающего субъекта, «направляющегося по ложному пути», в результате чего возникает ошибка, которую мы назвали ложной навигацией. Одно из наиболее частых ее проявлений – использование фиктивных вербализаторов, т. е. употребление маркеров аргументации при фактическом отсутствии репрезентируемых ими значений.

Псевдовербализаторами могут оказаться разные типы языковых единиц с аргументативной семантикой – показатели тезиса, аргументов, схем аргументации и др. Их дисфункциональность особенно отчетливо проявляется в конструкциях с индикаторами каузации (в широком понимании), или «логического следования»: рус. *таким образом, следовательно, из этого следует, поэтому, потому, по этой причине*; бел. *такім чынам, з гэтага вынікае, таму, наколькі, бо* и т. п. Приведем несколько иллюстраций.

(9) *Изучение языка и речевых структур всегда происходило в тесной связи с контекстом их употребления... и потому контекстуализация может и должна рассматриваться как условие текстуальности*⁴ (ВТГУ-2, с. 83).

В примере (9) индикатор следования употребляется при фактическом отсутствии данного типа отношений: из дескриптивного суждения ошибочно выводится нормативное.

(10) *Аднак замест паняцця «менталітэт» ён [Карл Мангейм] выкарыстоўваў роднаснае яму паняцце «стыль мыслення»... Атаясамленне гэтых двух паняццяў наўрад ці магчыма, бо К. Мангейм акцэнтуюе ўвагу толькі на кагнітыўнай кампаненце стылю мыслення, у той час як паняцце ментальнасці, ці менталітэту, з'яўляецца больш шырокім...* (ВНАНБ-3, с. 17).

В примере (10) маркер каузации соединяет части объясняющего рассуждения, которые в действительности не связаны отношениями причинности.

(11) *Сучаснае развіццё адукацыі цесна звязана з хуткім развіццём навукі і тэхнікі, навейшымі інфармацыйнымі тэхналогіямі. І любая прафесійная адукацыя павінна быць не толькі якаснай, але і адпавядаць патрабаванням сацыяльнай, палітычнай і эканамічнай рэальнасці, арыентавацца на запатрабаванні практыкі* (ВБДУ, с. 103).

В примере (11) показатель градационных отношений не выполняет свою функцию: представленное наполнение аргументативной модели свидетельствует о том, что здесь имеют место одноуровневые (пояснительные) отношения.

Псевдовербализация может сочетаться с неадекватным акцентированием.

(12) *Одним из средств, обеспечивающих автору возможность эффективно реализовать стоящие перед ним задачи взаимодействия с профессиональным коллективом, являются ЭМС и ЭМВ [эпистемические модальные слова и выражения]. Они открывают дискурсивное пространство вежливой некатегоричной аргументации... Именно поэтому можно сказать, что критическое оценивание содержания чужих утверждений разворачивается в научной письменной коммуникации в ограниченно-уступительном модусе* (ВСПБУ-2, с. 602).

В примере (12) представлена конструкция с двойным усилением: употребление вербализаторов тезиса и каузальной связи совместно с логическим акцентуатором призвано максимально интенсифицировать аргументацию. Однако, как показывает анализ, данные маркеры используются фиктивно: заявленная точка зрения в действительности не следует из приведенных посылок.

В ситуациях, подобных примерам (10)–(12), рациональное усиление аргументации не происходит. Более того, имеет место противоположный эффект: обнаружение несоответствия логических связей и репрезентирующих языковых структур ослабляет аргументативное воздействие.

2.2. Для рациональной поддержки обоснования в письменном дискурсе используются, наряду с вербальными, также **несловесные (визуальные) формы представления конститuentов аргументации**.

В рамках социальной семиотики отмечается, что к настоящему времени «социальная наука выработала свои весьма специфические формы визуализации полученных ею научных результатов, коренным образом отличающиеся от знаковых средств, используемых в естественных, точных и технических

⁴Следует отметить, что в данном примере пропущенный фрагмент рассуждения не релевантен для проводимого анализа и не влияет на его результат. То же относится к примерам (10) и (12).

науках» [10, с. 42]. Это утверждение представляется релевантным для всего спектра социально-гуманитарных наук. Невербальные компоненты аргументации включаются в научные гуманитарные тексты в виде таблиц, схем, графиков, рисунков, фотографий и пр. Несмотря на широкую представленность визуальных средств в письменной научной коммуникации, они до сих пор не исследовались в аргументологическом аспекте. В отсутствие разработанных аналитических процедур, применимых к такого рода семиотическим единицам в гуманитаристике, предложим авторский подход к их интерпретации.

На наш взгляд, параметры анализа и критерии оценки визуальных элементов аргументативного дискурса целесообразно определять исходя из их прагматической роли. В соответствии с авторской концепцией, в письменном гуманитарном дискурсе визуальные средства выполняют две функции. Во-первых, они могут использоваться в составе аргументативных конструкций в качестве конститuentов аргументации (репрезентантов тезиса и (или) аргументов). Как правило, в научных текстах визуальные доводы формируют схемы аргументации. В частности, они широко применяются в разных типах классификационных схем, например дефинитивных: фото, рисунки, формулы выступают в роли так называемых остенсивных определений (через показ, демонстрацию). Для схем, основанных на отношениях род – вид, целое – часть, характерно визуальное представление результатов систематизации научных объектов (классификаций и типологий). Визуальные доводы являются неизменными компонентами фактуальных схем: обобщающих (табличный способ представления примеров, количественных (статистических) данных), подтверждающих (иллюстрации в виде рисунков, фото, графиков, диаграмм и пр.), аналогических (сопоставление объектов анализа (тех или иных явлений и ситуаций) с привлечением всевозможных визуальных приемов). Визуализироваться могут также каузальные связи в рамках причинно-следственных схем обоснования.

Вторая функция невербальных компонентов связана с их применением в качестве аргументативного ресурса: они поясняют, уточняют словесные доводы, создавая дополнительную поддержку аргументации. Для этого в гуманитарных текстах задействуются все названные выше приемы визуализации, которые позволяют аргументатору достичь конкретности, наглядности изложения и, соответственно, сделать обоснование более убедительным для адресата.

В любом случае представляется очевидным, что подключение дополнительного – визуального – канала передачи и восприятия информации призвано усилить воздействие на реципиента. Тем не менее установление прагматики несловесных единиц в научном дискурсе принципиально важно, поскольку это служит основанием для их критического анализа и оценки. Если визуальные компоненты выполняют собственно аргументативную функцию, то они подлежат оценке наравне с вербальными доводами. Это означает, что к ним применимы такие критерии, как достоверность, релевантность, достаточность, а также критические вопросы, тестирующие разные типы схем аргументации (см. [3, с. 69–95]).

Безусловное преимущество использования невербальных аргументов в научно-гуманитарной статье – возможность экономии текстового пространства. Это важно, поскольку отвечает современным тенденциям информационного обмена – стремлению коммуникантов «к сокращению текстового пространства при сохранении информационного поля (а иногда даже его увеличению)» [14, с. 188]. В научной коммуникации, для которой данный принцип особенно значим, нередко наблюдается обратное: за счет неоправданного применения несловесных элементов пространство текста увеличивается, а информативность снижается. Это происходит, если визуальные доводы выступают как самоцель, без учета требований к формированию аргументативных схем и структур. В таких случаях они дублируют словесные формулировки, в результате чего смысловая плотность текста уменьшается.

Если невербальным средствам отводится парааргументативная (вспомогательная) роль, то они должны подчиняться правилу целесообразности аргументативного ресурса: их введение в аргументацию должно быть стратегически оправданным. В противном случае вспомогательные (ресурсные) компоненты дискурса не выполняют свою функцию и квалифицируются как мнимая поддержка. Проявлениями этой тактической ошибки выступают избыточность, неуместность ресурса, а также его низкое качество (усложненность либо упрощенность) (см. [3, с. 211–214]).

Как показал анализ, далеко не всегда используемые в научно-гуманитарных текстах таблицы, схемы, графики и другие невербальные элементы способствуют уточнению, пояснению, конкретизации вербальной аргументации. Нередки случаи, когда несловесные компоненты выполняют в дискурсе исключительно декоративную функцию. Это происходит, если стремление автора научной статьи визуализировать результаты своего исследования опирается не столько на рационально-логические основания, сколько на психологические. Очевидно, что невербальные семиотические средства (в первую очередь формулы, схемы, диаграммы, таблицы и т. п.) создают впечатление точности, строгости, системности изложения, т. е. устойчиво ассоциируются с теми качествами, которые соответствуют представлениям о научности. Включение в аргументирующее рассуждение визуальных компонентов – один из простых

и проверенных способов повысить «градус научности» текста. Это своеобразный компенсаторный механизм, позволяющий гуманитаристике преодолевать свой «комплекс» на фоне точных наук.

Говоря о репрезентационных способах усиления аргументации с нормативной точки зрения, необходимо учитывать, что экспликация логических связей «может диктоваться собственно коммуникативными соображениями (педалирование логических связей для облегчения понимания), а может являться самоценной категорией. Причем ценность ее, как это ни странно звучит, – эстетическая» [4, с. 14]. Это утверждение в равной мере справедливо по отношению и к вербальным, и к невербальным приемам объективации аргументативных структур. Следует иметь в виду, что немотивированное применение рассмотренных приемов служит признаком квазинаучности гуманитарных текстов. В любом случае оценка должна производиться с учетом контекста и коммуникативной ситуации.

3. На **метатекстовом уровне** рациональное усиление научной аргументации осуществляется за счет разного рода **типографических средств, участвующих в оформлении печатного речевого продукта**. Значительная их часть относится к метаграфемике – вспомогательной функционально-адаптивной системе письменной сферы коммуникации, объединяющей неязыковые семиотические единицы (см. [11–14]). Необходимо заметить, что в современной коммуникативной ситуации под влиянием устной речи, а также благодаря стремительному инновационно-техническому развитию письменный печатный текст становится важнейшей формой нелинейного взаимодействия участников дискурса. Эта функция обеспечивается применением различных каналов коммуникативной связи, в том числе метаграфематических, или метаграфических⁵. Специалисты отмечают, что «метаграфическое оформление текста является одним из способов упаковки смысла, который отправитель включает в акт коммуникации» [14, с. 186].

В научном дискурсе, как и в других сферах социальной практики, метаграфические единицы прагматически нагружены, т. е. задействованы в реализации определенных тактико-стратегических задач коммуницирующих субъектов. Естественно, что характерная для аргументативной коммуникации прагматическая установка на убеждение так или иначе предполагает использование метаграфических средств. Усилению рационального воздействия аргументации в гуманитарных научных текстах способствуют, в частности, многообразные приемы супраграфемике, такие как шрифтовое варьирование (выделение полужирным, курсивом, разрядкой; изменение размера и типа шрифта), подчеркивание, разные типы скобок, символических обозначений (в том числе в составе маркированных и нумерованных списков) и др. Для организации пространства научной статьи традиционно применяются вертикальные и горизонтальные пробелы. Кроме того, в проанализированных научных публикациях были отмечены также внутритекстовая рубрикация, анонсирование и выноски.

Стоит заметить, что использование названных ресурсов типографики специфично для каждого научного журнала: репертуар средств, а также способы их комбинирования определяются коммуникативным стилем издания. Большинство типографических инструментов общеупотребительны: они зафиксированы во всех журналах, послуживших источником фактического материала. Однако выявлены и такие приемы, которые не имеют широкого распространения и характерны лишь для нескольких изданий. Речь, в частности, идет об анонсировании и выносках, которые практикуются в отечественном журнале «Беларуская думка», а также в российском издании «Национальный психологический журнал». Суть названных приемов типографики заключается в обособлении отдельных фрагментов текста, содержащих значимую в определенном аспекте информацию. Обособленные сегменты размещаются в препозиции по отношению к основному тексту либо локализируются в других частях текстового пространства (чаще центральной). Как правило, это сопровождается супраграфическим акцентированием: шрифтовым, символическим и пр.

Примечательно, что в научных публикациях невербально акцентируются те смысловые фрагменты, которые выступают в роли тезиса и (или) доводов аргументации. Это обуславливает значительный прагматический потенциал типографических ресурсов в плане интенсификации аргументативного воздействия.

Не вызывает сомнений, что «рациональное использование метаграфических средств делает письменный текст более мотивированным и прагматически выразительным» [13, с. 188]. Это особенно важно для научных текстов, рассчитанных на критический анализ, который опирается на адекватную реконструкцию заложенной (закодированной) в тексте информации. Невербальные акцентуаторы фокусируют внимание реципиента на аргументативных доминантах рассуждения и создают когнитивные опоры для их восприятия, понимания и запоминания, причем такая метатекстовая обработка («мета-

⁵Понятийная система в данной области пока не сформирована – выбор терминов определяется индивидуальными предпочтениями исследователей (ср., например, [11–14]).

графическая аранжировка», по выражению Н. Л. Шубиной) в равной степени значима в отношении как вербальных, так и визуальных компонентов аргументативного дискурса.

Рассмотрение метатекстовых приемов рационализации аргументирования в критическом измерении показывает, что отнюдь не все они достигают того прагматического эффекта, на который рассчитаны. В случаях необдуманного применения средства метаграфематики отвлекают (рассеивают) внимание адресата, что неизбежно приводит к смысловым искажениям и потерям, соответственно, рационального усиления аргументации не происходит. Полученные результаты схожи с выводом, сделанным Н. Л. Шубиной в рамках невербальной семиотики: «...немотивированное использование метаграфем ведет к усложнению языкового механизма, к искажению передаваемой информации и, как следствие, к непониманию» [13, с. 189].

Опыт научной публикационной деятельности позволяет утверждать, что выбор метаграфических инструментов и в целом метатекстовое (типографическое) представление публикации в значительной степени обусловлены форматом научного издания, в том числе типографскими ресурсами. В такой ситуации необходимо соблюдать паритет интересов автора и редакции: стремиться по возможности сохранять авторскую индивидуальность ученого (аргументативный стиль исследователя). Это особенно важно для гуманитариев в современных условиях стандартизации научной продукции.

Заключение

В целях интенсификации рационального воздействия в письменном русско- и белорусскоязычном дискурсе гуманитарных наук применяются структурные, репрезентационные и метатекстовые механизмы, коррелирующие с определенными уровнями анализа аргументирования.

В качестве средств структурного усиления выступают систематизация изложения, использование сложных аргументативных структур (подчинительной, сочинительной, множественной) и особых способов структурирования аргументации (аргументативного повтора, аргументативной градации, аргументативного периода).

Репрезентационное усиление аргументации осуществляется вербально и невербально. Функцию вербальной рационализации выполняет логико-смысловое акцентирование: языковая маркировка конститuentов аргументации, ее форм, схем, структур, стратегий, тактик; расстановка логических акцентов с помощью языковых интенсификаторов; введение в дискурс средств интеллектуальной (рациональной) оценки. Для невербальной поддержки обоснования используются различные формы визуализации, участвующие в формировании аргументативных конструкций либо аргументативного ресурса: таблицы, схемы, графики, рисунки, фотографии и др.

Метатекстовая рационализация происходит за счет комплекса участвующих в оформлении печатного речевого продукта типографических средств, значительная часть которых относится к метаграфематике: шрифтовое варьирование, подчеркивание, разные типы скобок, символических обозначений, вертикальные и горизонтальные пробелы и др.

Использование в письменном гуманитарном дискурсе приемов, усиливающих рациональное воздействие, отвечает требованиям научной аргументации и отражает специфику гуманитарной лингвокреативной деятельности. Данные приемы в той или иной степени влияют на когнитивные процессы (внимание, восприятие, понимание и др.), актуализируют интеллектуально-логические доминанты мышления, способствуют системности представления аргументативного содержания и, таким образом, рациональной поддержке аргументации. Применение в письменной коммуникации рассмотренных интенсифицирующих механизмов создает впечатление компетентности аргументатора и, кроме того, соответствует эстетическим ожиданиям адресата – его представлению о том, как должна выглядеть качественная научная продукция.

Необходимым условием прогнозируемого прагматического эффекта разноуровневых средств рационализации служит целесообразность включения их в научный текст. Злоупотребление такого рода приемами, равно как их недостаточность либо отсутствие, а также неоправданное их использование рассматриваются как проявления квазинаучности, ослабляющие аргументативное воздействие. Важно подчеркнуть, что для каждого типа интенсификаторов аргументации применяется специфический аналитический инструментарий и объективность критического анализа предусматривает опору на широкий контекст и учет ситуативных факторов.

Значимую роль в усилении аргументативного воздействия научной публикации играет кооперация автора статьи и редакции научного издания. Только согласованное компетентное участие заинтересованных сторон позволяет рассчитывать на оптимальное использование всего комплекса рационализирующих ресурсов и создание качественного научного продукта, обладающего интеллектуальной (рациональной) эстетикой – свойством, необходимым для успешной реализации прагматики аргументирования в письменном дискурсе гуманитарных наук.

Сокращения

ВБДПУ – Зайцаў І. С. Удасканалванне працэсу сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі старшакласнікаў з цяжкімі парушэннямі маўлення // Вестн. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2005. № 1. С. 47–50; **ВБДУ** – Басава Г. І. Журналісцкая адукацыя ў сістэме павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў: прыярытэты і перспектывы // Вестн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2011. № 2. С. 103–105; **ВМУ-1** – Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2005. № 1. С. 29–54; **ВМУ-2** – Засурский Я. Н. Информационное общество в России: парадоксы элитарного Интернета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2001. № 6. С. 4–13; **ВНАНБ-1** – Лазарэвіч А. А. Ад інавацый у навуцы да інавацый у грамадстве // Вестн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2007. № 1. С. 4–9; **ВНАНБ-2** – Лазарэвіч А. А. Інфармацыйныя пагрозы сучаснасці // Вестн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2010. № 1. С. 5–11; **ВНАНБ-3** – Навумаў Д. І. Значэнне менталітэту ў генезісе палітычнай культуры беларусаў // Вестн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2002. № 4. С. 17–18; **ВСПБУ-1** – Вертешин А. И. Российская журналистика периода новейшей трансформации – властная система или служение политической власти? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2005. Вып. 4. С. 114–124; **ВСПБУ-2** – Нефёдов С. Ф. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610; **ВТГУ-1** – Баркович А. А. Русско-белорусская межязыковая интерференция и трасянка: компьютерно-опосредованная верификация и научная рефлексия // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 69. С. 5–28; **ВТГУ-2** – Нефёдов С. Ф., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 83–97; **НИК** – Бабинцев В. П. «Антиинтеллигенция» и «неинтеллигенция» в структуре работников умственного труда // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 5. С. 106–114.

Библиографические ссылки

1. Blair JA. Argumentation as rational persuasion. *Argumentation*. 2012;26(1):71–81. DOI: 10.1007/s10503-011-9235-6.
2. van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. Argumentation theory. In: van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht: Springer; 2014. p. 1–49. DOI: 10.1007/978-90-481-9473-5.
3. Савчук ТН. *Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе*. Минск: БГУ; 2018. 279 с.
4. Хазагерев ГГ. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс. *Социологический журнал*. 2010;2:5–21.
5. Беляева ЛН, Шубина НЛ. Научная статья как объект экспертной оценки. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2014;172:5–12.
6. Чернявская ВЕ. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики). *Жанры речи*. 2016;1:56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.
7. Резанова ЗИ, Когут СВ. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2016;1(39):62–79. DOI: 10.17223/19986645/39/6.
8. Котюрова МП. О модели «качество научного текста» (к уточнению понятия «логичность – психологичность»). *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2019;5(1):6–15. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15.
9. Котюрова МП, Баженова ЕА. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020;64:63–75. DOI: 10.17223/19986645/64/5.
10. Щербин ВК. Меметика как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:40–47.
11. Баранов АН, Паршин ПБ. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемыки. В: Березин ФМ, Безменова НА, Лузина ЛГ, составители. *Проблемы эффективности речевой коммуникации*. Москва: ИНИОН; 1989. с. 41–115.
12. Баранов АН, Паршин ПБ. О метаязыке описания визуализаций текста. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2018;17(3):6–15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
13. Шубина НЛ, Антошинцева МА. *Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации*. Санкт-Петербург: ПетроПресс; 2005. 291 с.
14. Шубина НЛ. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки»*. 2009; 97:184–192.
15. Blair JA. Probative norms for multimodal visual arguments. *Argumentation*. 2015;29:217–233. DOI: 10.1007/s10503-014-9333-3.
16. Godden D. Images as arguments: progress and problems, a brief commentary. *Argumentation*. 2015;29:235–238. DOI: 10.1007/s10503-015-9345-7.
17. Groarke L. Going multimodal: what is a mode of arguing and why does it matter? *Argumentation*. 2015;29:133–155. DOI: 10.1007/s10503-014-9336-0.
18. Ивин АА. *Логика*. Москва: ФАИР-ПРЕСС; 2001. 320 с.
19. van Eemeren FH, Grootendorst R. *Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective*. Hillsdale: Erlbaum; 1992. 236 p.
20. Савчук ТН. Особые приемы структурирования аргументации в дискурсе гуманитарных наук. В: Кураш СБ, редактор. *Текст. Язык. Человек*. Мозырь: Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина; 2019. с. 185–189.
21. Шаховский ВИ. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва: URSS; 2009. 204 с. Совместно с издательством «Либроком».

References

1. Blair JA. Argumentation as Rational Persuasion. *Argumentation*. 2012;26(1):71–81. DOI: 10.1007/s10503-011-9235-6.
2. van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. Argumentation theory. In: van Eemeren FH, Garssen B, Krabbe ECW, Snoeck Henkemans AF, Verheij B, Wagemans JHM. *Handbook of argumentation theory*. Dordrecht: Springer; 2014. p. 1–49. DOI: 10.1007/978-90-481-9473-5.
3. Savtchouk TN. *Argumentaciya v russko- i belorusskoyazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse* [Argumentation in the Russian and Belarusian language scientific and humanitarian discourse]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 279 p. Russian.
4. Hazagerov GG. The meaninglessness of scientific discourse as an objective process. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2010;2:5–21. Russian.
5. Belyaeva LN, Shubina NL. Scientific article as an object of peer review. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2014;172:5–12. Russian.
6. Schernyavskaya VE. Research article as a verbalization of a new scientific result (based on linguistics). *Zhany rechj*. 2016;1:56–64. Russian. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.
7. Rezanova ZI, Kogut SV. Functioning of discourse markers in a scientific text: ethnocultural and discursive determinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2016;1(39):62–79. Russian. DOI: 10.17223/19986645/39/6.
8. Kotyurova MP. On the model «quality of scientific text» (to clarify the concept of «consistency – psychological»). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 2019;5(1):6–15. Russian. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-6-15.
9. Kotyurova MP, Bazhenova EA. Particles-discourses in the aspect of critical thinking of a journalist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2020;64:63–75. Russian. DOI: 10.17223/19986645/64/5.
10. Shcherbin VK. Memetics as a new interdisciplinary science and the branch of social semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:40–47. Russian.
11. Baranov AN, Parshin PB. [Influence capability of variation in the field of metagraphemics]. In: Berezin FM, Bezmenova NA, Luzina LG, compilers. *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii* [Problems of the effectiveness of speech communication]. Moscow: INION; 1989. p. 41–115. Russian.
12. Baranov AN, Parshin PB. Towards the metalanguage for describing text visualizations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. 2018;17(3):6–15. Russian. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1.
13. Shubina NL, Antoshinceva MA. *Vspomogatel'nye semioticheskie sistemy v ustnoi i pis'mennoi kommunikatsii* [Auxiliary semiotic systems in oral and written communication]. Saint Petersburg: PetroPress; 2005. 291 p. Russian.
14. Shubina NL. Text's non-verbal semiotics: field of linguistic knowledge. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena. Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki»*. 2009;97:184–192. Russian.
15. Blair JA. Probative norms for multimodal visual arguments. *Argumentation*. 2015;29:217–233. DOI: 10.1007/s10503-014-9333-3.
16. Godden D. Images as arguments: progress and problems, a brief commentary. *Argumentation*. 2015;29:235–238. DOI: 10.1007/s10503-015-9345-7.
17. Groarke L. Going multimodal: What is a mode of arguing and why does it matter? *Argumentation*. 2015;29:133–155. DOI: 10.1007/s10503-014-9336-0.
18. Ivin AA. *Logika* [Logic]. Moscow: FAIR-PRESS; 2001. 320 p. Russian.
19. van Eemeren FH, Grootendorst R. *Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective*. Hillsdale: Erlbaum; 1992. 236 p.
20. Savtchouk TN. Special techniques for structuring argumentation in the discourse of the humanities. In: Kurash SB, editor. *Tekst. Yazyk. Chelovek* [Text. Language. Human]. Mozyr: Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin; 2019. p. 185–189. Russian.
21. Shakhovskii VI. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorisation of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Moscow: URSS; 2009. 204 p. Co-published by the «Librokom». Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2021.
Received by the editorial board 24.11.2021.

УДК 811.161.3'0'373.45

ГЕРМАНИЗМЫ В СТАРОБЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ СТАРОПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СТАРОУКРАИНСКОМ И СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н. Г. ПРИГОДИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются исконные германизмы, которые заимствовались старобелорусским языком на протяжении XIV–XVIII вв. как непосредственно из германских языков, так и через старопольский язык, приводятся параллели соответствующих единиц в староукраинском и старорусском языках. Исходя из предварительных результатов международного проекта «Мигрирующие слова: пути немецких заимствований из польского в восточнославянские языки» (руководитель – профессор Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого Герд Хентшель), определяются количественные и временные параметры заимствования таких слов, их распространение в памятниках старобелорусской письменности на материале картотеки и непосредственно 37 выпусков издания «Гістарычны слоўнік беларускай мовы». Обращается внимание на возможность заимствования германизмов старорусским языком через посредничество старобелорусского языка, указывается на необходимость дальнейшего исследования места и роли германизмов в лексическом составе современного белорусского литературного языка в связи с подготовкой многотомного издания нового толкового словаря.

Ключевые слова: старобелорусский язык; межъязыковые контакты; германизмы; прямое заимствование; старопольский язык; староукраинский язык; старорусский язык; иноязычные заимствования в современном белорусском литературном языке.

ГЕРМАНІЗМЫ Ў СТАРАБЕЛАРУСКАЙ МОВЕ НА ФОНЕ СТАРАПОЛЬСКОЙ МОВЫ І ІХ АДЛЮСТРАВАННЕ Ў СТАРАЎКРАІНСКАЙ І СТАРАРУСКАЙ МОВАХ

М. Р. ПРЫГОДЗІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца спрадвечныя германізмы, якія запазычваліся старабеларускай мовай на працягу XIV–XVIII стст. як непасрэдна з германскіх моў, так і праз старапольскую мову, прыводзяцца паралелі адпаведных адзінак у стараўкраінскай і старарускай мовах. Выходзячы з папярэдніх вынікаў міжнароднага праекта «Мігрыруючыя словы: шляхі нямецкіх запазычанняў з польскай ва ўсходнеславянскія мовы» (кіраўнік – прафесар Альдэнбургскага ўніверсітэта імя Карла фон Асецкага Герд Генцэль), вызначаюцца колькасныя і часавыя параметры такіх слоў, іх распаўсюджанне ў помніках старабеларускага пісьменства на матэрыяле картатэкі і непасрэдна 37 выпускаў выдання «Гістарычны слоўнік беларускай мовы». Звяртаецца ўвага на магчымасць запазычвання германізмаў ста-

Образец цитирования:

Прыгодзіч МР. Германізмы ў старабеларускай мове на фоне старапольскай мовы і іх адлюстраванне ў стараўкраінскай і старарускай мовах. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія.* 2022;1:30–39.

For citation:

Pryhodzich MR. Germanisms in the Old-Belarusian language against the background of the Old-Polish language and their reflection in the Old-Ukrainian and Old-Russian languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;1:30–39. Belarusian.

Автор:

Николай Григорьевич Пригодич – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета.

Author:

Mikalai R. Pryhodzich, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
mik197@tut.by

раускай мовай праз пасярэдніцтва старабеларускай мовы, указваецца на неабходнасць далейшага даследавання месца і ролі германізмаў у лексічным складзе сучаснай беларускай літаратурнай мовы ў сувязі з падрыхтоўкай шматтомнага выдання новага тлумачальнага слоўніка.

Ключавыя словы: старабеларуская мова; міжмоўныя кантакты; германізмы; прамое запазычванне; старапольская мова; стараўкраінская мова; стараруская мова; іншамоўныя запазычванні ў сучаснай беларускай літаратурнай мове.

GERMANISMS IN THE OLD-BELARUSIAN LANGUAGE AGAINST THE BACKGROUND OF THE OLD-POLISH LANGUAGE AND THEIR REFLECTION IN THE OLD-UKRAINIAN AND OLD-RUSSIAN LANGUAGES

M. R. PRYHODZICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the original Germanisms borrowed by the Old-Belarusian language during the 14th–18th centuries both directly from the Germanic languages and through the Old-Polish language, the parallels of the corresponding units in the Old-Ukrainian and Old-Russian languages are analysed. Based on the preliminary results of the international project called «Migrating words: ways of German borrowings from Polish to East Slavic languages» (project leader is Professor of the Carl von Ossietzky University of Oldenburg Gerd Hentschel), quantitative and temporal parameters of borrowing such words, their distribution in the monuments of Old-Belarusian writing on the material of the card index and directly 37 issues of «Historical dictionary of Belarusian language» are determined. Attention is drawn to the possibility of borrowing Germanisms by the Old-Russian language through the mediation of the Old-Belarusian language, the need for further research of the place and role of Germanisms in the lexical composition of the modern Belarusian literary language in connection with the preparation of a multi-volume edition of a new explanatory dictionary is indicated.

Keywords: Old-Belarusian language; interlanguage contacts; Germanisms; direct borrowing; Old-Polish language; Old-Ukrainian language; Old-Russian language; foreign borrowings in the modern Belarusian literary language.

Уводзіны

Працэс запазычвання іншамоўных слоў на працягу ўсёй гісторыі развіцця беларускай мовы адбываўся па-рознаму і непасрэдна залежаў ад сукупнасці многіх фактараў сацыяльна-эканамічнага і культурнага характару. Часта тая ці іншая назва запазычвалася разам з рэаліяй або паняццем, якое яна намінавала, іншым разам – у выніку дзеяння тэндэнцыі да лаканічнасці і моўнай эканоміі, калі запазычанае слова адносілася да безэквівалентнай лексікі, а ў мове-рэцэптарах не было аднаслоўнай назвы рэаліі і яе значэнне перадавалася апісальна. Па-рознаму засвойваліся іншамоўныя словы ў жывой народнай гаворцы і літаратурна-кніжным пісьменстве, колькасца нераўнамерна яны прадстаўлены ў лексікаграфічных крыніцах розных эпох, у сферы спецыяльнай тэрміналогіі і інш. Шмат якія з запазычанняў на пэўных этапах моўнай гісторыі выходзілі з ужытку, выцясяліся ўласнамоўнымі лексічна-граматычнымі адпаведнікамі-неалагізмамі, асобныя з сучасных запазычанняў паўторна вярталіся ў беларускую мову з рускай. Некаторыя запазычванні, асабліва ў першыя два дзесяцігоддзі XX ст., свядома ўводзіліся навукоўцамі і літаратарамі ў беларускую мову. Яны выконвалі раней і выконваюць цяпер у ёй не толькі чыста намінацыйную функцыю, але і з’яўляюцца важным лексіка-стылістычным сродкам [1, с. 13]. Па падліках А. М. Булыкі, толькі ў старабеларускай мове зафіксавана каля 4000 самастойных лексічных адзінак іншамоўнага паходжання. Калі ж сюды дадавіць каля 6000 дэрыватаў, то «агульны лік слоў, звязаных сваім паходжаннем з іншамоўным каранясловам, склаў на завяршальным этапе функцыянавання старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы каля 10 000 лексічных адзінак» [2, с. 31].

Навуковае лінгвістычнае асэнсаванне іншамоўных слоў у беларускай мове пачалося толькі ў другой палове XIX ст., і звязана яно з іменем акадэміка Я. Ф. Карскага. Менавіта ў манаграфіі «Беларусь» (1903) ён прывёў значны спіс слоў, што прыйшлі ў беларускую мову з іншых моў пераважна дзякуючы польскаму пасярэдніцтву. У главе V «Белорусы вместе с литовцами под властью Польши. Наплыв разных иностранных слов в белорусское наречие» ён пісаў наступнае: «Немецкие слова отчасти могли быть позаимствованы и самостоятельно у немцев, тогда как белорусы иногда соприкасались с ними непосредственно; кой-какие слова могли зайти от немцев к белорусам и через посредство евреев, о чем речь после...» [3, с. 6].

Пры гэтым Я. Ф. Карскі вылучыў і «слова иностранные, зашедшие в белорусское наречие при посредстве польского языка:

- ба́ киръ: набакиръ набекрень, пол. **nabakier** из н.-нем. **bakker** (Карлов., 25).
балея большая лохань для мытья белья, пол. **baleja, balja** из н.-нем. **Balje**.
ба́лька – ба́лька балка, пол. **belka** из нем. **Balken**.
«...» ба́хонъ каравай хлеба, пол. **bochen** из нем. **Bache**.
бра́га гуща, остающаяся после выварки водки, известный напиток, пол. **braha** из нем. **Brühe** (Мацен., С. SL., 20).
браковáць, пол. **brakować** от **brac** из нем. **Brack**.
бры́жи кружева, известным образом сшитые, пол. **bryży** из нем. **Brise, Preis, Preise** (Карлов., 69).
брушты́нь и буршты́нья нтарь, пол. **bursztyn** из нем. **Bernstein**.
бры́ка, бры́чка, пол. **bryka, bryczka**, быть может, из народного нем. **Barutsche, Birutsche**, которое в свою очередь из ср.-лат. **Birota** (Карлов., 69).
брукъ камен. мостовая, пол. **bruk** из нем. **Brucke**.
бу́лка белый хлеб, пол. **bulka** из нем. **Beule** (ср. Карлович, 75).
ва́га вес, пол. **waga** из ст. в.-нем. **Wāga**.
ва́рта караул, пол. **warta** из нем. **Warte**.
ва́рты стоящий, пол. **wart** из нем. **Wart**.
во́рчикъ, пол. **orczyk** из нем. **Ortscheit** (Миклошич (Denkschr., XXXVIII, 7) допускает возможность и восточного происхождения: **orče k, urče k, určik**.
га́къ крюк, пол. **hak** из нем. **Hacken**.
га́лы ягодицы, пол. **galy** из нем. **Galle**.
га́ндэль торговля, мена, пол. **handel** из нем. **Handel**.
гвалть крик, пол. **gwalt** из нем. **Gewalt**, при посредстве евр. **giwalt**.
ге́бэль пол. **hebel** из нем. **Hobel**.
герць, ге́рчикъ знаток, плут, прогерцьваць, проматывать, польское старое **here, harc**, из нем. **her zu**. Slownik, II, 16.
гра́барь землекоп, пол. **grabarz** из нем. **Gräber**.
грунтъ почва, пол. **grunt** из нем. **Grund**.
дахъ крыша (не соломенная), пол. **dach** из нем. **Dach**.
дежа́ (дзежа́), пол. **dzieża**. Карлович (144) ставит в связь с народ. нем. **Döse**, а также Dose. Такого же взгляда и Брюкнер (149). С. i jeż., 68.
дра́бы кости, пол. **drab**, нем. **Treppe**, прежн. **Trappe**.
дротъ проволока, пол. **drut** из **drot**, нем. **Dragt**.
друкъ, друка́рь, друка́рня печатня, набойная и т. д., пол. **druk, drukarz, drukarnia** – все из нем. **Druck**.
дзя́коваць благодарить, переделка пол. **dziękować**; поляки, по Брюкнеру (С. i jeż., 45), образовали свое слово под влиянием нем. **danken** и чешск. **Děkowati**» [3, с. 6–7].

Варта адзначыць, што першыя лексікаграфічныя фіксацыі запазычаных слоў у беларусаў і ўкраінцаў адносяцца да канца XVI ст., калі ў Вільні ў 1596 г. быў надрукаваны слоўнік Лаўрэнція Зізанія «Лексис сиречь реченія вькратце събранны и из словенскаго языка на простый рускій діялектъ истолкованы Л. З.». У рээстравай частцы слоўніка пададзена 1061 слова, у тлумачальнай – больш за 2000. Гэты слоўнік пазней цалкам увайшоў у выданне Памвы Бярынды «Лексикон славеноросский» (1653).

Некаторыя запазычаныя словы зафіксаваны ў першым навуковым даследаванні аб беларускай мове – артыкуле Канстанціна Калайдовіча «О белорусском наречии»¹, у канцы якога аўтар падаў «Краткий словарь белорусского наречия» з 67 слоў. Сярод іх знаходзім наступныя лексемы: *гвалт* – насиліе (з ням. *gewalt*), *ковалок* – кусок (з пол. *kawalek*), *лхтар* – подсвечник (з ням. *Licht* ‘свеча’), *мур* – каменное строение (з лат. *murus*, з ням. *mauer*, у пол. *mur*).

Значная колькасць іншамоўнай лексікі прадстаўлена ў выданні І. І. Насовіча «Словарь белорусского наречия» (1870) і іншых (нешматлікіх) слоўніках XIX ст.

Аднак сапраўднае філалагічнае даследаванне іншамоўных запазычанняў у беларускай мове пачалося ў першым выпуску манаграфіі Я. Ф. Карскага «Беларусы». Можна адзначыць таксама, што ў 1920–30-я гг. з’явіліся невялікія артыкулы і нататкі аб этымалогіі беларускіх слоў, рабіліся спробы ахарактарызаваць асобныя групы запазычанняў з іншых моў. Сістэмна гэта работа стала весціся

¹Калайдовіч К. О белорусском наречии // Тр. о-ва любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. 1822. Ч. 1. С. 67–80.

толькі ў канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг. у сувязі з планами падрыхтоўкі гістарычнага слоўніка беларускай мовы, выданне якога завяршылася ў 2017 г. Фактычна першапраходцам у вывучэнні іншамойнай лексікі ў гэты перыяд стаў прафесар А. І. Жураўскі, назіранні якога над рознымі групамі лексічных запазычанняў былі абагулены ў раздзеле «Запазычаная лексіка ў старабеларускай мове» калектыўнай манаграфіі «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» [4]. У другой палове XX ст. да актыўнага вывучэння запазычанняў далучыўся А. М. Булыка [гл., напрыклад, 5].

Што тычыцца вывучэння непасрэдна германізмаў, то яно адбывалася ў сувязі з даследаваннем запазычанняў у цэлым. Колькасныя падлікі лінгвістаў, напрыклад, засведчылі, што ў мове старабеларускага пісьменства **германізмы** займалі *трэцюю пазіцыю*, саступаючы **паланізмам** і **лацінізмам**. Выразна акрэсліліся і два шляхі пранікнення гэтай лексікі: у выніку прамых кантактаў носьбітаў беларускай мовы з нямецкім і часткова яўрэйскім насельніцтвам і праз пасрэдніцтва польскай мовы.

На працягу апошняй трэці XX – пачатку XXI ст. у навуковым друку з’явілася значная колькасць работ, прысвечаных германізмам. Былі абаронены кандыдацкія дысертацыі, апублікаваны цыклы артыкулаў па гісторыі германізмаў як у старабеларускай мове, так і ў мове мастацкіх твораў сучасных аўтараў, прааналізаваны германізмы ў фальклорна-дыялектных запісах XIX – першай паловы XX ст.

Адзначым таксама, што пытанні запазычвання германізмаў ва ўсходнеславянскіх мовах былі прадметам абмеркавання на тэматычным блоку «Мігрыруючыя словы: германізмы ва ўсходнеславянскіх мовах, якія маюць адпаведнікі ў польскай мове» (мадэратар – прафесар Герд Генчэль) Міжнароднага кангрэса славістаў [6]. Гісторыі даследавання германізмаў у беларускай мове прысвечана таксама манаграфічна-бібліяграфічнае выданне «Германізмы ў беларускай мове» [7].

Вынікі і іх абмеркаванне

Словы германскага паходжання сталі пранікаць у беларускую мову параўнальна рана. Маючы фактычна цэнтральнаеўрапейскае геаграфічнае становішча, «займаючы самы крайні заходні абшар усходнеславянскай тэрыторыі, беларусы, натуральна, у першую чаргу ўспрымалі лексічныя запазычання, якія ішлі з захаду» [4, с. 84]. Адным з самых ранніх дакладна датаваных помнікаў старабеларускага пісьменства, у якім была зафіксавана пэўная колькасць слоў іншамойнага паходжання, у тым ліку германізмаў, з’яўляецца так званая Дагаворная грамата смаленскага князя Мсціслава Давыдавіча з Рыгай і Гоцкім берагам 1229 г. (далей – Грамата 1229 г.). Яна адносіцца да ліку дзяржаўных юрыдычна-гандлёвых дакументаў і ўтрымлівае дагавор паміж смаленскімі, віцебскімі, полацкімі і «лацінскімі» (нямецкімі) купцамі з Рыгі і Гоцкага берага (Готланда). Да нашага часу дайшлі дзве рэдакцыі граматы – рыжская і готландская, кожная ў трох спісах, складзеных на Гоцкім беразе і ў Смаленску. У грамаце, напісанай на мясцовай гаворцы (свабоднай ад уплыву царкоўнаславянскай мовы), прадстаўлены многія важнейшыя фанетычныя, марфалагічныя, сінтаксічныя і лексічныя рысы «будучай беларускай мовы» [8].

У гэтых граматах даследчыкі адзначаюць запазычаныя словы нямецкага (*мыто* ‘пошліна’, *фоготъ* ‘суддзя’), скандынаўскага (*тиоунъ* ‘службовая асоба пры князях, баярах, епіскапах’) і цюркскага (*ногата* ‘грашовая адзінка, роўная адной дваццатай грыўні’) паходжання.

Што тычыцца слоў *мыто* (...з гочкога берага до смольнеска без мыта), *тиоунъ* (аже тиоунъ оуслышитъ) і *ногата* (*ногата смольнеская*) [9, с. 34–36], то іх паходжанне не выклікае сумненняў. Сапраўды, лексема *мыто* ўзыходзіць да старажытнаверхнянямецкага *Mūta* ‘пошліна за правоз тавараў праз мяжу’, *тиоунъ* – да старажытнаісландскага ‘слуга’, *ногата* – гэта запазычанне з цюркскіх моў, дзе яно абазначала адпаведную грашовую адзінку.

Складаней атрымліваецца з лексмай *фоготъ*, у навуковай літаратуры яе паходжанне безапеляцыйна звязваецца з нямецкай мовай (у слоўніку да першага тома выдання «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы» яно этымалагізуецца нямецкім *Vogt* ‘суддзя’. Картагэка ж гістарычнага слоўніка беларускай мовы гэту лексему не фіксуе, паколькі Грамата 1229 г. у лік першакрыніц не трапіла. У слоўніках нямецкай мовы слова мае стылістычную памету «гіст.» і падаецца ў значэнні ‘намеснік, кіраўнік, фогт’. Такім чынам, у гэтых Граматы 1229 г. адлюстравалася, на нашу думку, форма *фоготъ* як унармаваны графіка-фанетычны варыянт – рыса тагачаснай беларускай мовы.

Сведчаннем фанетыка-арфаграфічнай адаптацыі германізма *Bischof* (ад грэч. *episkopos*) можна лічыць і форму *пискоупъ* (*пискоупъ ризкии*), якая ў далейшым у помніках старабеларускага пісьменства будзе дамінаваць на фоне *быскопъ*, *быскупъ* [10, с. 8–10].

Акрамя адзначаных вышэй запазычанняў, у гэтых Граматы 1229 г. адлюстравалася яшчэ адно слова іншамойнага паходжання – *товаръ* (*възьмъть латиньскыи товаръ; а что погынетъ от того товара...*). Даўняе агульнаславянскае запазычанне з цюркскіх моў (параўн.: тур. *tavar* ‘свойская рагатая жывёла, скаціна’, тое ж у татарскай і туркменскай мовах) першапачаткова мела значэнне ‘скаціна’, пазней –

‘маёмасць, дабро’ > ‘уласнасць’ > ‘усялякі тавар’. У тэксе Граматы 1229 г. гэта слова мае абагуленае значэнне ‘прадукт працы, выраблены для абмену, продажу’ [1, с. 14].

І калі ў ранніх помніках беларускага пісьменства германізмы сустракаюцца нячаста, то ў беларускай літаратурна-пісьмовай мове XIV–XVIII стст. адбываецца актыўнае запазычванне слоў германскага паходжання.

Разглядзім **германізмы ў старапольскай і старабеларускай мовах**. Узаемадзеянне старабеларускай і старапольскай моў назіраецца на працягу ўсёй гісторыі станаўлення і развіцця беларускага пісьменства старажытнага перыяду. Асабліва інтэнсіўнымі гэтыя кантакты былі ў XVI–XVII стст., калі ў Вялікім Княстве Літоўскім (пазней Рэчы Паспалітай) фактычна на роўных у розных сферах жыццядзейнасці выкарыстоўваліся абедзве мовы. І толькі ў выніку пастановы Варшаўскага сойма 1696 г. адзінай дзяржаўнай мовай стала польская.

Што тычыцца германскіх моў, то самае ранняе ўзаемадзеянне з імі ў старабеларускім пісьменстве назіраецца ў 1229 г., калі быў заключаны дагавор Смаленска з Рыгай і Гоцкім берагам. Пранікненне германізмаў на першапачатковым этапе дыктавалася як выключна юрыдычнымі акалічнасцямі (неабходнасцю семантычнай трактоўкі асобных тэрмінаў і паняццяў), так і паступовым засваеннем беларусамі новых прадметаў і прылад працы, раней не вядомых мясцоваму насельніцтву. Значная роля ў працэсе засваення германскай лексікі ў беларускай мове належыць старапольскай мове.

Фактычным матэрыялам для прыведзеных ніжэй звестак (табл. 1, 2) паслужылі створаныя ў выніку працы над згаданым міжнародным праектам спецыяльныя слоўнікі-картатэкі германізмаў у старабеларускай, стараўкраінскай і старарускай мовах. Зразумела, што прыведзены матэрыял пакуль не можа прэтэндаваць на ўсебаковую рэпрэзентатывнасць, яго можна лічыць гіпатэтычным вынікам папярэдняга аналізу гісторыі ранніх германізмаў у аналізаваных мовах.

Табліца 1

Раннія германізмы ў старабеларускай мове на фоне старапольскай мовы і іх часовае адлюстраванне ў стараўкраінскай і старарускай мовах

Table 1

Early Germanisms in the Old-Belarusian language against the background of the Old-Polish language and their time reflection in the Old-Ukrainian and Old-Russian languages

№ п/п	Лексічная адзінка і яе значэнне ў старабеларускай мове	Старапольская мова	Стараўкраінская мова		Стараруская мова	
			XIV–XV стст.	XVI–XVII стст.	XI–XVII стст.	XVIII ст.
1	Бунць (1538): 1) бунт, мяцеж (1566); 2) гурт, натоўп (1538); 3) пучок, кіпа, стос (1625)	1746	–	1635	1648	1700
2	Вартовати (1541): 1) злоўжываць (1541); 2) вартаваць (1608); 3) пільнавацца чаго-небудзь (пачатак XVI ст.); 4) чакаць з’яўлення чаго-небудзь (1598)	1572	–	1616	–	–
3	Вахмістрь (1682): 1) ахоўнік, вахмістр	1764	–	–	1598	1703
4	Галгарь (1631): 1) вадасховішча	1631	–	–	–	–
5	Гуртомь (1588): 1) оптам (1640); 2) гуртам, натоўпам (1588); 3) сумесна, разам (1696)	1773	–	1567	–	Гурт (1763)
6	Декарь (1563): значэнне няяснае	1650	–	–	–	–

Працяг табл. 1
Continuation table 1

№ п/п	Лексічная адзінка і яе значэнне ў старабеларускай мове	Старапольская мова	Стараўкраінская мова		Стараруская мова	
			XIV–XV стст.	XVI–XVII стст.	XI–XVII стст.	XVIII ст.
7	Дуналь (1685): 1) вялікі (тоўсты) цвік з вушкам Дынель (1689): 1) кручок на канцы дышля	1757 –	–	–	–	–
8	Жакгель (1480 г. – канец XV ст.): 1) парус, ветразь	1532	–	1575	–	–
9	Инкгеръ (1620 г. – пачатак XVII ст.): 1) малодшы сын сярэдневяковага памешчыка	1874	–	–	Юнкоръ (1722) Юнкеръ (1734)	Юнкеръ (1720)
10	Камердинеръ (1713): 1) камердынер	1810	–	–	–	1707
11	Кипа (1445): 1) мера тавараў, кіпа	1784	–	1550	1489	1697
12	Кипка (1686): 1) невялікія жалезныя начоўкі	1953	–	–	–	–
13	Клепачъ (1516): 1) Чаканшчык манеты; 2) Мясовая манета (1685)	1861	–	–	–	–
14	Кресь I (1511*): 1) лінія, мяжа, граніца (пачатак XVII ст.); 2) канец, заканчэнне (сярэзіна XVII ст.); 3) <i>перан.</i> канец жыцця (1588); 4) <i>перан.</i> мэта, канечны пункт шляху (пачатак XVII ст.); 5) <i>перан.</i> кульмінацыйны пункт (1615); 6) вызначаны тэрмін (1590); 7) <i>перан.</i> лінія абароны (сярэзіна XVII ст.); 8) шрам, рубец (1699)	1792	–	Криса (1613)	Креска (1550)	–
15	Норский (1509): 1) галандскае сукно (г. Наардэн)	1723	–	–	Норский (1588)	–
16	Обшлягъ (1566) Абшлягъ (1602): 1) абшлаг	1791	–	–	Обшлагъ (1711)	Опшлаг (1703)
17	Ратманъ (1387–1389): 1) член Рыжскага магістрата ў XII–XV стст.	1848	–	–	Ратман (1284)	1798
18	Ратуша (1445, 1385*): Ратушь (1486)	1462	Ратушный (1496)	Ратушь (1559)	Ратушь (1648)	Ратуша (1699)
19	Риса (пачатак XVI ст. – 1520 г.): 1) рыса, лінія	1737	–	–	–	–
20	Слесакъ (1686): 1) ружэйны затвор (адзін прыклад)	1841	–	–	–	–
21	Стага (1686) Штага (1699): 1) штаг	1861 –	–	–	–	–

Працяг табл. 1
Continuation table 1

№ п/п	Лексічная адзінка і яе значэнне ў старабеларускай мове	Старапольская мова	Стараўкраінская мова		Стараруская мова	
			XIV–XV стст.	XVI–XVII стст.	XI–XVII стст.	XVIII ст.
22	Сталвага (1692) (адзін прыклад): 1) стальвага	1778	–	–	–	–
23	Сталь (пачатак XVI ст. – 1520 г.): 1) сталь	1579	–	1565	1625	1697
24	Сталюга (1686): 1) сталюга	1857	–	–	–	–
25	Стынка (1697): 1) сняток (рыба)	1810	–	–	Снетки (1574)	–
26	Стюрман (1440, 1385*) Стырмань (1627) Стырникь (1582): 1) стырnavы (кормчий)	1555	–	–	Стюрман (1566)	Стирман (1696)
27	Фертмаршалокь (1710): 1) военачальнік аграда нямецкіх наёмнікаў	1803	–	–	Фелтмаршаль** (1620)	Фельдмаршелк (1700)
28	Фора (1589): 1) плата фурману за перавозку грузаў	1868	–	–	–	–
29	Фризь I (канец XV ст. – 1480 г.*) Фрызь (1580): 1) прадстаўнік германскага племені Фризь II (канец XVI – пачатак XVII ст.) Тризь (1489) Фрезь (1580): 1) конь-цяжкавоз, ламавік	Не зафіксавана 1564	–	–	–	–
30	Цаля (1526) (адзін прыклад): 1) цаля	1685	–	Цаль (1594)	Цоль (1709) Цоль (1725)	–
31	Цына (1498) Цынь (1511) Цина (1510) Цинь (1539) Цень (1545): 1) цынк, вырабы з цынку	1776	–	–	–	Цина (1718) Цинк (1738)
32	Шалеванье (1681) (адзін прыклад): 1) шалыванне	1847	–	–	–	–
33	Скалва (1330*) Шаля (1653)	Szala (1490)	–	Шаля (1606)	Скалва (1263)	Шалка (1711)
34	Шанокь (1571) Шанка (1713, 1692*): 1) старажытная мера сыпкіх рэчываў	1657	–	–	–	–
35	Шахта (1517): 1) шахта	1764	–	–	Шахта (1645)	–
36	Шпілька (1598): 1) шпілька, іголка, калючка	Szpil (1700)	–	Шпиль (1649)	–	–
37	Шрубцнокь (1577): 1) ціскі з вінтавым заціскам	1863	–	–	–	–

Заканчэнне табл. 1
Ending table 1

№ п/п	Лексічная адзінка і яе значэнне ў старабеларускай мове	Старапольская мова	Стараўкраінская мова		Стараруская мова	
			XIV–XV стст.	XVI–XVII стст.	XI–XVII стст.	XVIII ст.
38	Шрубштакъ (1616): 1) ціскі	1690	–	–	–	–
39	Штурмгабъ (1567): 1) штурмавы шлем з грэбнем і заслонай для вачэй	1841	–	–	–	–
40	Штурмъ I (1567): 1) шторм	–	–	1565	1609	1696
	Штурмъ II (1627): 1) штурм	Sztorm (1934)	–	–	–	–

*Гіпатэтычны год фіксацыі слова. **Форма слова дрэнна расчытаецца ў крыніцы.

Табліца 2

Прыклады германізмаў, што фіксуюцца толькі ў старабеларускай і старапольскай мовах

Table 2

Germanisms recorded only in the Old-Belarusian and Old-Polish languages

№ п/п	Лексічная адзінка	Час першай фіксацыі ў беларускай мове	Час першай фіксацыі ў польскай мове
1	Декаръ	1563	1650
2	Дуналь (дынель)	1685 1689	1757 –
3	Кипка	1686	1953
4	Клепачъ	1516	1861
5	Риса	1520	1737
6	Слесакъ	1686	1841
7	Стага (штага)	1686 1699	1861 –
8	Сталвага	1692	1778
9	Сталюга	1686	1857
10	Фора	1589	1868
11	Фризь I	1480	*
	Фризь II	1580	1564
	Фризь	1489	–
	Фрезъ	1580	–
12	Шанокъ	1571	1657
13	Шрубцнокъ	1577	1863
14	Шрубштакъ	1616	1690
15	Штурмгабъ	1567	1841
16	Штурмъ (шторм)	1627	1934
	Штурмъ (штурм)	1567	Магчыма ёсць ва ўкраінскай і рускай мовах

*Час фіксацыі слова невядомы.

Заклучэнне

Сярод 416 германізмаў у помніках старабеларускага пісьменства XIV–XVII стст. 40 адзінак зафіксаваны на 50 і больш гадоў раней, чым яны з’явіліся ў старапольскай мове. Такія словы можна разглядаць як непасрэдныя запазычаныя з нямецкай мовы.

Адначасова ў старапольскай і старабеларускай мовах зафіксаваны 93 лексічныя адзінкі (табл. 3).

Табліца 3

Адначасовая фіксацыя германізмаў у старабеларускай і старапольскай мовах

Table 3

Simultaneous fixation of Germanisms in Old-Belarusian and Old-Polish languages

Час фіксацыі слова	Колькасць слоў
XIV – мяжа XIV–XV стст.	5
XV – мяжа XV–XVI стст.	16
XVI – мяжа XVI–XVII стст.	53
XVII – пачатак XVIII ст.	19

Запозычаны старапольскай мовай раней, чым яны з’явіліся ў помніках старабеларускага пісьменства, 283 моўныя адзінкі. Гэта можа сведчыць аб польскім пасрэдніцтве.

Што тычыцца сучаснай беларускай мовы, то, паводле «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», у шасці кнігах налічваецца каля 500 германізмаў з адпаведнікамі ў польскай мове, а гэта амаль 73 % ад іх агульнай колькасці. З улікам наяўнасці больш за 400 германізмаў у «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» можна меркаваць, што іх колькасць у старабеларускай мове павінна быць як мінімум у два разы большай (800 ці нават 1000 адзінак) [11, с. 173]. Іншая справа, што далёка не ўсе яны па розных прычынах трапілі ў картатэку «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы», паколькі пры яе стварэнні ў 1960-я гг. многія словы адсутнічалі ў помніках, даступных аўтарам на момант падрыхтоўкі картатэкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Прыгодзіч АА. Нямецкая мова як крыніца лексічных запозычанняў. *Человек в социокультурном измерении*. 2020;1:12–18.
2. Булыка АМ. Лексіка іншамоўнага паходжання як крыніца гістарычнага слоўніка беларускай мовы. *Мовознавство*. 2015;2:30–36.
3. Карский Е. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности (вытрымкі). У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Германізмы ў беларускай мове*. Мінск: БДУ; 2015. с. 6–17.
4. Баханькоў АЯ, Жураўскі АІ, Суднік МР, рэдактары. *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка; 1970. 339 с.
5. Булыка А. Германізмы ў старабеларускай мове. *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук*. 1974;2:76–85.
6. Генчель Г. Мигрирующие слова: германизмы в восточнославянских языках, имеющие соответствия в польском языке. В: Соколович Д, Милошевич С, уредніцы. *Международни конгрес слависта: тезе и резимеи; 20–27 август 2018 г.; Београд, Србија. Том 1. Лезик*. Београд: Чигоја штампа; 2018. с. 289–293.
7. Прыгодзіч МР, рэдактар. *Германізмы ў беларускай мове*. Мінск: БДУ; 2015. 303 с.
8. Анічэнка УВ. Дагаворная грамата смаленскага князя Мсціслава Давыдавіча з Рыгай і Гоцкім берагам 1229 г. У: Міхневіч АЯ, рэдактар. *Беларуская мова. Энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 1994. с. 173.
9. Анічэнка УВ, Вярхоў ПВ, Жураўскі АІ, Рамановіч ЯМ, складальнікі. *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Частка 1*. Мінск: Выдавецтва АН БССР; 1961. 539 с.
10. Жураўскі АІ, рэдактар. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Выпуск 2. Биець – Варивный*. Мінск: Навука і тэхніка; 1983. 320 с.
11. Прыгодзіч М. Польская мова як пасярэдніца запозычвання слоў нямецкага паходжання ў помніках старабеларускага пісьменства (папярэднія заўвагі). У: Багдановіч ІЭ, Свістунова МІ, рэдактары. *Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Зборнік артыкулаў у гонар прафесара Э. Смолкавай*. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ; 2016. с. 170–173.

References

1. Pryhodzich AA. German language as a source of lexical borrowings. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2020;1:12–18. Belarusian.
2. Bulyka AM. [Vocabulary of foreign language origin as a source of the historical dictionary of the Belarusian language]. *Movoznavstvo*. 2015;2:30–36. Belarusian.
3. Karskii E. [Belarusians. Introduction to the study of language and folk literature (excerpts)]. In: Pryhodzich MR, editor. *Germanizmy w belaruskaj move* [Germanisms in the Belarusian language]. Minsk: Belarusian State University; 2015. p. 6–17. Russian.
4. Bahan'kow AJa, Zhurawski AI, Sudnik MR, editors. *Gistarychnaja leksikalogija belaruskaj movy* [Historical lexicology of the Belarusian language]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1970. 339 p. Belarusian.

5. Bulyka A. [Germanisms in the Old-Belarusian language]. *Vesci Akadziejii navuk Belaruskaj SSR. Seryja gramadskih navuk*. 1974;2:76–85. Belarusian.
6. Hentschel G. [Migrating words: Germanisms in East Slavic languages that have correspondences in Polish]. In: Sokolovich D, Miloševih S, editors. *Mebunarodni kongres slavista: teze i rezimei; 20–27 avgust 2018 g.; Beograd, Srbija. Tom 1. Jezik* [International congress of Slavista: these and summary; 2018 August 20–27; Beograd, Serbia. Volume 1. Jezik]. Beograd: Chigoja stamp; 2018. p. 289–293. Russian.
7. Pryhodzich MR, editor. *Germanizmy w belaruskaj move* [Germanisms in the Belarusian language]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 303 p. Belarusian.
8. Anichjenka UV. [The Treaty of Smolensk prince Mstislav Davydovich with Riga and the Gothic coast in 1229]. In: Mihnevich AJa, editor. *Belaruskaja mova. Jencyklapedyja* [Belarusian language. Encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja Petrusja Browki; 1994. p. 173. Belarusian.
9. Anichjenka UV, Vjarhow PV, Zhurawski AI, Ramanovich JaM, compilers. *Hrjestamatyja pa gistoryi belaruskaj movy. Chastka I* [A textbook on the history of the Belarusian language. Part 1]. Minsk: Vydavectva Akademii navuk BSSR; 1961. 539 p. Belarusian.
10. Zhurawski AI, editor. *Gistarychny slownik belaruskaj movy. Vypusk 2. Биець – Варивный* [Historical dictionary of the Belarusian language. Issue 2. Биець – Варивный]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1983. 320 p. Belarusian.
11. Pryhodzich M. [Polish language as a mediator of borrowing words of German origin in the monuments of Old-Belarusian writing (preliminary remarks)]. In: Bagdanovich IE, Svistunova MI, editors. *Belaruska-pol'skija mownyja, litaraturnyja, gistarychnyja i kul'turnyja suvrazi. Zbornik artykulaw u gonar profesara Je. Smulkovaj* [Belarusian-Polish linguistic, literary, historical and cultural ties. Collection of articles in honor of professor E. Smulkova]. Minsk: Publishing Centre of Belarusian State University; 2016. p. 170–173. Belarusian.

Артыкул наступіў у рэдкалегію 24.01.2022.
Received by the editorial board 24.01.2022.

СЕМАНТИКО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ 'БЕСПОКОЙСТВО, ТРЕВОГА' В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В. И. КОРНАКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются ономаσιологические особенности семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. Выделяются следующие различающиеся по типу мотивированности и степени идиоматичности классы: 1) фонетически мотивированные неидиоматичные наименования; 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования; 3) образно мотивированные идиоматичные наименования; 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования; 5) синхронно полностью немотивированные высоко идиоматичные наименования. Наблюдается тенденция к мотивированности лексем и фразем с семантикой 'беспокойство, тревога'. В сопоставительном аспекте анализируется объем ономаσιологических классов как в рамках лексико-фразеологических корпусов, так и в границах лексических и фразеологических подкорпусов. Отмечается различие ономаσιологической структуры лексических составов семантических полей 'беспокойство, тревога' в синтетических и аналитических языках. Фразеологические составы полей в исследуемых языках, как и сами поля, являются схожими в ономаσιологическом плане. Анализируется корреляция между типами значений (понятийные – эмотивные) номинативных единиц и их ономаσιологическими характеристиками. Прослеживается связь между номинативной функцией языковой единицы и ее ономаσιологическим типом: понятийные значения актуализируются по большей части покомпонентно мотивированными неидиоматичными лексемами, эмотивная семантика выражается ассоциативно-образно мотивированными идиоматичными номинативными единицами, преимущественно фраземами.

Ключевые слова: лексема; фразема; мотивированность; идиоматичность; аналитические языки; синтетические языки; понятийное значение; эмотивное значение.

СЕМАНТИКА-АНАМАСІЯЛАГІЧНАЯ СВОЕАСАБЛІВАСЦЬ ЛЕКСІКА-ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ПОЛЯ 'НЕСПАКОЙ, ТРЫВОГА' Ў РУСКАЙ, БЕЛАРУСКАЙ, АНГЛІЙСКОЙ І НЯМЕЦКАЙ МОВАХ

В. І. КАРНАКОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца анамасіялагічныя асаблівасці семантычнага поля 'неспакой, трывога' ў рускай, беларускай, англійскай і нямецкай мовах. Вылучаюцца наступныя розныя паводле тыпаў матываванасці і ідыяматычнасці класы: 1) фанетычна матываваныя неідыяматычныя найменні; 2) пакампанентна матываваныя неідыяматычныя найменні; 3) вобразна матываваныя ідыяматычныя найменні; 4) часткова (па звязанаму кампаненту) нематываваныя ідыяматычныя найменні.

Образец цитирования:

Корнакова В.И. Семантико-ономаσιологическое своеобразие лексико-фразеологического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2022;1:40–52.

For citation:

Kornakova V. I. Semantic-onomasiological peculiarity of the lexico-phraseological field 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;1:40–52. Russian.

Автор:

Виктория Ивановна Корнакова – старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Viktoria I. Kornakova, senior lecturer of the department of the English language for natural science faculties, faculty of social and cultural communications.
kornakovaviktoria3@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1007-0259>

ных і ідыяматычных найменні; 5) сінхронна цалкам немагаваня высока ідыяматычных найменні. Назіраецца тэндэнцыя да магаванасці лексем і фразем з семантыкай ‘неспакой, трывога’. У супастаўляльным аспекце аналізуецца аб’ём аномасіялагічных класаў як у межах лексіка-фразеалагічных карпусоў, так і ў межах лексічных і фразеалагічных падкарпусоў. Адзначаецца адрозненне аномасіялагічнай структуры лексічных саставаў семантычных палёў у сінтэтычных і аналітычных мовах. Фразеалагічныя склады палёў у даследуемых мовах, як і самі палі, з’яўляюцца падобнымі ў аномасіялагічным плане. Аналізуецца карэляцыя паміж тыпамі значэнняў (паняцыйныя – эматыўныя) намінаўных адзінак і іх аномасіялагічнымі характарыстыкамі. Прасочваецца сувязь паміж намінаўнай функцыяй моўнай адзінкі і яе аномасіялагічным тыпам: паняцыйныя значэнні актуалізуюцца па большай частцы пакампанентна магаванымі неідыяматычнымі лексемамі, эматыўная семантыка перадаецца асацыятыўна-вобразна магаванымі ідыяматычнымі намінаўнымі адзінкамі, пераважна фраземамі.

Ключавыя словы: лексема; фразама; ідыяматычнасць; магаванасць; аналітычныя мовы; сінтэтычныя мовы; паняцыйнае значэнне; эматыўнае значэнне.

SEMANTIC-ONOMASIOLOGICAL PECULARITY OF THE LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD ‘ANXIETY’ IN THE RUSSIAN, BELARUSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

V. I. KORNAKOVA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article considers the onomasiological features of the semantic field ‘anxiety’ in the Russian, Belarusian, English and German languages. Five classes of different types of motivation and idiomaticity are distinguished within the field: 1) phonetically motivated non-idiomatic names; 2) component-by-component motivated non-idiomatic names; 3) figuratively motivated idiomatic names; 4) partially (by a bound component) non-motivated and idiomatic names; 5) synchronously completely non-motivated highly idiomatic names. In all four languages, there is a tendency towards motivation of lexemes and phrasemes with the semantics of ‘anxiety’. The volume of onomasiological classes is compared both within the framework of whole semantic fields and within their lexical and phraseological sectors. There is a difference in the onomasiological structure of the lexical sectors of the semantic field ‘anxiety’ in synthetic and analytical languages. Phraseological sectors of the fields in four languages, as well as the fields themselves, are similar in onomasiological terms. The correlation between the types of meanings (cognitive vs emotional) of nominative units and their onomasiological characteristics is analysed. The studied material reveals the connection between the nominative function of a linguistic unit and its onomasiological type: conceptual meanings are expressed mainly by component-by-component motivated non-idiomatic lexemes, emotive semantics – by figuratively motivated idiomatic nominative units, mainly phrasemes.

Keywords: lexeme; phraseme; idiomaticity; motivation; analytical languages; synthetic languages; cognitive meaning; emotional meaning.

Введение

В лингвистике проблема соотношения формы и содержания языковых единиц является дискуссионной. Выяснение типов мотивированности и идиоматичности языковых знаков – важная задача ономазиологии. Проблематика настоящего исследования связана с актуальностью разработки и применения интегральных ономазиологических классификаций, адекватных для лексики и фразеологии одновременно. В данной статье приводятся результаты эмпирической проработки типологии, предложенной М. С. Гутовской. Сопоставительное изучение ономазиологических характеристик лексических и фразеологических единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках еще не проводилось, что обуславливает новизну настоящего исследования.

Подробнее рассмотрим мотивированность и идиоматичность как ономазиологические характеристики языковых единиц. В современном понимании принципы **мотивированности** и произвольности языкового знака восходят к идеям Ф. де Соссюра. Используя термины «означающее» (акустический образ) и «означаемое» (понятие), швейцарский лингвист постулирует произвольность как один из фундаментальных принципов языка: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен» [1, с. 70]. Ф. де Соссюр акцентирует внимание на звукоподражаниях, которые могли бы служить доказательством того, что выбор означающего не всегда произволен. Тем не менее лингвист приводит

доводы в пользу своей изначальной теории о произвольности связи означающего и означаемого: а) звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка; б) число звукоподражаний весьма ограничено; в) «войдя в язык, они [звукоподражания] в большей или меньшей степени попадают под действие фонетической, морфологической и всякой иной эволюции, которой подвергаются и все остальные слова (ср. фр. *pigeon* ‘голубь’, происходящее от народнолатинского *pipio*, восходящего, в свою очередь, к звукоподражанию), – очевидное доказательство того, что звукоподражания утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще, который, как уже указывалось, немотивирован» [1, с. 72]. Кроме того, ученый отмечает, что произвольность языковых знаков неабсолютна и зависит от характера мотивированности: «Только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же знаков обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным различной степени: знак может быть относительно мотивированным» [1, с. 131]. Степень мотивированности языкового знака коррелирует со степенью сложности его компонентной структуры и очевидностью смысла единиц низшего уровня.

В. В. Левицкий считает, что «в языке должна существовать тенденция к мотивированности отношений между формой и содержанием лексических и грамматических единиц» [2, с. 26]. Однако в разных языках эта тенденция проявляется с разной силой, причем существование крайностей в данном случае исключено: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все» [1, с. 133].

Сегодня в лингвистике существуют несколько классификаций типов мотивированности номинативных единиц. Так, например, В. Г. Гак разделяет мотивированность на внешнюю, или абсолютную (фонетическую), и внутреннюю, или относительную (морфологическую и семантическую) [3, с. 34]. С. Ульман разграничивает три типа мотивированности: 1) фонетическую, при которой звуковая структура наименования изоморфна структуре обозначаемого предмета или явления; 2) морфологическую, носящую относительный характер и проявляющуюся в единицах, состоящих из двух и более сегментов с собственными лексическими и грамматическими значениями; 3) семантическую, характерную для единиц со значениями, которые образованы путем метафоризации буквальных значений слов [4]. Отталкиваясь от особенностей структуры и содержания языкового знака, И. С. Торопцев акцентирует внимание на трех способах мотивировки: подражании, признаке и содержании [5].

Лингвисты также отмечают, что границы между классами слов, проявляющих тот или иной тип мотивированности, и немотивированными лексемами не являются непроходимыми, в особенности при диахроническом рассмотрении. Ф. де Соссюр отмечал, что «появление фактора времени способно создать лингвистике особые затруднения» [1, с. 81], поскольку время накладывает свой отпечаток на связь означаемого и означающего. Т. Р. Кияк утверждает, что степень мотивированности изменяется в связи с эволюционированием значений слов [6, с. 104]. В. Матезиус акцентирует внимание на том, что с изменением объектов внешней реальности означающие их наименования могут переставать восприниматься как мотивированные и переходить в разряд немотивированных. Это обусловливается тем, что «по той или иной причине носители языка утрачивают способность разлагать такие слова на части с четким значением» [7, с. 452].

Идиоматичность номинативной единицы находится в обратной зависимости от ее мотивированности. Так, А. И. Смирницкий отмечает, что «всякий момент идиоматичности в каком-либо образовании... ограничивает мотивированность его строения и может сводить его на нет» [8, с. 88]. Н. Б. Мечковская постулирует, что идиоматичность (как большая или меньшая смысловая неразложимость соединения лексем) противостоит таким свойствам языка, как системность, регулярность и мотивированность знаков [9].

В лингвистической литературе наблюдается определенное расхождение в терминах, употребляемых для обозначения одного и того же языкового феномена: идиоматичность, нерегулярность построения означающего и (или) означаемого выражения [10; 11], переинтерпретация [12], фразеологичность [13].

Исследования вопроса о невыводимости общего значения номинативной единицы из значений ее компонентов проводились как на лексическом, так и на фразеологическом материале.

Работы по идиоматичности лексических единиц в основном связаны со словообразовательным аспектом [14–16]. Анализируя идиоматичность производных слов, О. П. Ермакова определяет ее как «невыводимость некоторой части значения производного формально выделяемыми в нем частями»¹.

В исследованиях по фразеологии идиоматичность зачастую постулируется как конституирующий признак фразем. О. С. Ахманова выделяет идиоматичность в качестве параметра разграничения фразеологических единиц и свободных словосочетаний. По мнению О. С. Ахмановой, у фразем «цельность номинации довлеет над структурной раздельностью» [17, с. 189].

¹Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.01. М., 1977. С. 17.

Под идиоматичностью В. Н. Телия понимает переосмысление всего лексико-грамматического состава словосочетания. Выделяя идиоматичность в качестве конститутивного признака фразеологизмов, исследователь говорит о том, что она может быть полной и частичной. В процессе идиообразования словосочетания метафорически трансформируются во фраземы на основе подобию того смысла, на котором строится номинативный замысел, и того, что обозначается сочетанием в его «буквальном» значении и включено в определенную структуру знания о мире – некоторый «сценарий», или «фрейм» [18].

Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, идея идиоматичности сводится к трем базовым факторам: переинтерпретации, непрозрачности и усложнению способа указания на денотат. Переинтерпретация означает, что выражение, у которого есть прямое значение, понимается в переносном смысле, при этом прямое и переносное значения связаны между собой метафорическими отношениями. Непрозрачность выражения проявляется в двух случаях: когда в языке нет правила, согласно которому можно беспрепятственно вычислить значение выражения (в этом случае без обращения к этимологии факт переинтерпретации установить невозможно), и когда выражение содержит отсутствующие в словаре компоненты, значение которых никак не восстанавливается носителями языка. Переинтерпретация – это взгляд на идиоматичное выражение с точки зрения его порождения, а непрозрачность – с точки зрения восприятия оборота, поэтому эти два фактора зачастую являются взаимосвязанными. Усложнение способа указания на денотат – это любое выражение, которое существует в языке наряду с более простым и стандартным наименованием сущности. Каждый из трех факторов может реализоваться как сам по себе, так и в сочетании с другими факторами, в большинстве случаев тесно взаимодействуя между собой [12, с. 27–50].

И. А. Мельчук определяет идиоматичное словосочетание как конструкцию, в которую «входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписывать переводной эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться так же и без остальных элементов и имеет тогда другой перевод» [19, с. 76]. Под переводным эквивалентом лингвист понимает лексическое значение слова – компонента фраземы. Данное значение в случае идиом имеет неузуальный (специфический) характер. И. А. Мельчук использует для обозначения этого феномена термин «единичный перевод». Говоря о концепции И. А. Мельчука, Н. Н. Амосова вводит также термин «внутриязыковая перифраза» [20, с. 71]. Бесспорными плюсами теории И. А. Мельчука (данная концепция определения идиоматичности применяется в настоящей работе) являются идея о градуальной природе свойства идиоматичности и исключение из исследования субъективного фактора. Последнее достигается за счет обращения при работе с фраземами к лексикографическим источникам, что исключает фактор лингвистической догадки ученого.

Опираясь на предложенный И. А. Мельчуком метод выявления идиоматичности посредством компонентного анализа фраземы, М. С. Гутовская подчеркивает необходимость учета контекста исходного словосочетания: «При соотнесении значения, реализуемого словом в составе фраземы, с узуальными значениями слова важно учитывать контекст исходного словосочетания – условия употребления многозначного слова, выделяющие одно из его значений как согласующееся со значениями других элементов словосочетания, – и принимать во внимание только то узуальное значение полисемантического слова, которое согласуется в семантическом контексте исходного словосочетания» [21, с. 84]. Анализ лексических, морфологических и синтаксических характеристик, входящих в словосочетание номинативных единиц, позволяет выявить реализуемое в данном контексте значение слова и, следовательно, верно определить степень идиоматичности фраземы.

Теоретические основы исследования

Поскольку идиоматичность и мотивированность являются взаимосвязанно-противопоставленными свойствами и имеют градуальную природу, при классификации номинативных единиц по этим признакам необходимо учитывать не только их крайние (абсолютные) проявления, но и промежуточные случаи. В настоящей работе для разделения номинативных единиц на группы по характеру мотивированности и степени идиоматичности применяется интегративная (учитывающая свойства как лексических, так и фразеологических единиц) классификация М. С. Гутовской. По характеру связи между означающим и означаемым мотивированные номинативные единицы разделяются на следующие группы: 1) единицы с фонетическим, покомпонентным и ассоциативно-образным способом мотивации; 2) частично (по связанному компоненту) немотивированные единицы; 3) полностью немотивированные единицы [21, с. 87].

Сопоставительное изучение ономазиологической структуры семантического поля ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках осуществлялось в несколько этапов.

1. Разделение конститuentов поля на следующие ономазиологические классы: 1) фонетически мотивированные неидиоматичные наименования; 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные

наименования; 3) образно мотивированные идиоматичные наименования; 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования; 5) синхронно полностью немотивированные высоко идиоматичные наименования.

2. Количественный анализ номинативных единиц, входящих в эти классы, для выявления рангов, присущих типам мотивированности и идиоматичности.

3. Толкование различий между лексикой и фразеологией с точки зрения ономазиологических свойств – особенностей представления семантики беспокойства, тревоги, а также межъязыковых сходств и различий с учетом морфологических типов языков.

4. Анализ количественной репрезентации типов значений (понятийное – эмотивное) номинативными единицами различных ономазиологических классов, а также проверка гипотезы М. С. Гутовской о преимущественном выражении понятийных значений покомпонентно мотивированными лексемами, а эмотивных значений ассоциативно-образно мотивированными номинативными единицами, в основном фраземами.

Общий объем исследования составил 1108 номинативных единиц различной частеречной принадлежности: 230 единиц русского (92 лексемы и 138 фразем), 344 единицы белорусского (98 лексем и 246 фразем), 255 единиц английского (92 лексемы и 163 фраземы), 279 единиц немецкого (74 лексемы и 205 фразем) языков.

В класс **фонетически мотивированных неидиоматичных номинативных единиц** входят лексемы и фраземы, содержащие звукоподражательные элементы: рус. *гудеть* ‘2. Подавать гудки (обычно в знак опасности, траура, начала, конца какого-л. мероприятия или работы и т. п.: о транспорте, предприятиях и т. п.)’ (БТС); бел. *бурчаць* ‘2. Выказваць незадавальненне або пагрозу, утвараючы глухія гукі (пра жывёл)’ (ТСБЛМ, с. 98); англ. *groan* ‘глубокий, печальный звук боли или огорчения’ (FD); нем. *stöhnen* ‘1. а. В случае боли, внезапного, сильного эмоционального стресса или приятного ощущения и т. п. выдохнуть с трудом с глубоким протяжным звуком’ (DW); рус. *аху (да) оху* ‘1. разг. Проявление чувства беспокойства, неудовольствия от постоянных хлопот’ (ФСРЛЯ, с. 16).

К **покомпонентно мотивированным неидиоматичным номинативным единицам** относятся словообразовательно мотивированные производные лексемы и предметно-логически мотивированные фраземы (обороты, значения которых выводятся из узуальных – прямых и переносных – значений их компонентов): рус. *страшный* ‘1. Вызывающий, внушающий чувство страха’ (БТС); бел. *жахлівы* ‘1. Які выклікае жах, вельмі страшны’ (ТСБЛМ, с. 199); англ. *concerned* ‘2. Обеспокоенный, встревоженный, озабоченный’ (FD); нем. *besorgt* ‘а. Обеспокоенный, встревоженный’ (DW); рус. *воздушная тревога* ‘тревога, сигнал об опасности с воздуха, о появлении противника в воздухе’ (ФСРЯ, с. 34); бел. *дзейнічаць на нервы* ‘раздражняць, злаваць, хваляваць каго-н.’ (СФБМ-1, с. 372); англ. *give sb the willies* ‘заставить кого-либо нервничать, напугать или обеспокоить’ (LID, p. 384); нем. *ein notwendiges Übel* ‘что-то неприятное, чего нельзя избежать’ (DRW, S. 539).

Класс **образно мотивированных идиоматичных номинативных единиц** образуют лексемы с переносным значением и фраземы с двуплановой семантикой (в составе таких оборотов присутствуют лексемы в неузуальных значениях, а фразама характеризуется наличием ассоциативной образности): рус. *тяжёлый* ‘7. разг. С трудом поддающийся воспитанию, воздействию; доставляющий много хлопот и волнений’ (БТС); бел. *паліць* ‘7. перан. трывожыць, мучыць’ (ТСБЛМ, с. 429); англ. *funeral* ‘4. разг. Источник беспокойства, забот’ (FD); нем. *Theater* ‘3. Чрезмерное, преувеличенное беспокойство, смятение, волнение’ (DW); рус. *красный как рак и покраснеть как рак* ‘о человеке, у которого от сильного волнения, смущения и т. п. прилила к лицу кровь (имеется в виду цвет вареного рака)’ (ФСРЯ, с. 237); бел. *баяцца як і бы чорт крыжа* ‘вельмі моцна (баяцца каго-, чаго-н.)’ (СФБМ-2, с. 902); англ. *wrap sb in cotton wool* ‘настолько сильно беспокоиться о ком-то, что вы относитесь к нему более осторожно, чем необходимо, и не позволяете ему делать то, что вы считаете опасным’ (LID, p. 70); нем. *aus dem Anzug springen* ‘быть взволнованным, рассерженным’ (DRW, S. 52).

Частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные номинативные единицы – это лексемы с уникальными элементами (радикаоидами и унификсами) и фраземы, имеющие в составе связанные, несвободные слова-компоненты: рус. *бояться* ‘1. Испытывать боязнь (о человеке или животном)’ (БТС) (связанный корень *-бо-*); бел. *ратаваць* ‘даваць ратунак, дапамогу ў цяжкім выпадку; пазбаўляць ад небяспекі’ (ТСБЛМ, с. 561) (связанный корень *-рат-*); англ. *anxious* ‘1. Беспокойный и опасующийся какого-либо сомнительного события, тревожный’ (FD) (связанный остаточный компонент *-anxi-/anxie-*, восходящий к праиндоевроп. корню **-angh-* ‘тугой, болезненно стянутый, мучительный’); нем. *Terror* ‘1. [Систематическое] распространение страха и ужаса посредством актов насилия (особенно для достижения политических целей)’ (DW) (связанный корень *-terr-*); рус. *поедом есть* ‘3. перен. Непрестанно мучить, терзать, доставлять беспокойство’ (ФСРЯ, с. 203); нем. *jmd. ist (wird) himmelangst* ‘очень бояться опасности или трудности, с которой трудно справиться’ (DRW, S. 352).

Класс **полностью немотивированных высоко идиоматичных номинативных единиц** формируют непроеизводные лексемы, фраземы, мотивированность которых не может быть истолкована с синхронной точки зрения: рус. *тревога* '1. Сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое какими-л. опасениями, страхом, неизвестностью' (БТС); бел. *страх* '1. Пачуццё і стан вельмі моцнага спалоху' (ТСБЛІМ, с. 629); англ. *worry* '1. Испытывать беспокойство по поводу чего-либо; беспокоиться' (FD); нем. *retten* '1. Устранить опасность или угрожающую ситуацию и таким образом уберечь от смерти, разрушения, потери, повреждения и т. п.' (DW); рус. *отвести душу* '2. Высказать кому-л. то, что наболело; поделиться своими переживаниями' (ФСРЯ, с. 74); бел. *труса святкаваць* 'баяцца, па-лохацца' (СФБМ-2, с. 528); англ. *give sb the third degree* (досл. 'дать кому-либо третью степень') 'задавать кому-то много вопросов, серьезных или угрожающих, чтобы получить от них информацию' (LID, p. 83); нем. *auf neunundneunzig sein* (досл. 'быть на девяносто девять') 'быть очень взволнованным, злым' (DRW, S. 535).

Результаты и их обсуждение

Ономасиологическая структура поля (с учетом мотивированности и идиоматичности номинативных единиц). Номинативные единицы с семантикой 'беспокойство, тревога' русского, белорусского, английского и немецкого языков образуют непрерывный континуум из следующих ономасиологических групп: 1) фонетически мотивированных неидиоматичных наименований; 2) неидиоматичных наименований с покомпонентной мотивированностью; 3) ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований; 4) частично (по связанному компоненту) немотивированных и идиоматичных наименований; 5) полностью немотивированных идиоматичных наименований.

Количественные данные о распределении в русском, белорусском, английском и немецком языках номинативных единиц с семантикой 'беспокойство, тревога' по ономасиологическим группам, различающимся по характеру мотивированности и степени идиоматичности, представлены в таблице.

Доля ономасиологических классов семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках (с учетом мотивированности и идиоматичности)

The proportion of the onomasiological classes of the lexical-phraseological field 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages (based on the criteria of motivation and idiomaticity)

Ономасиологическая группа		Русский корпус		Белорусский корпус		Английский корпус		Немецкий корпус	
		Количество	Доля, %	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %
<i>Всего</i>		230	100,0	344	100,0	255	100,0	279	100,0
Мотивированные обозначения	Фонетически мотивированные неидиоматичные наименования	1	0,4	2	0,6	1	0,4	0	0,0
	Покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования	56	24,4	79	23,0	70	27,5	55	19,7
	Ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования	143	62,2	232	67,4	152	59,6	200	71,7
	<i>Всего</i>	200	87,0	313	91,0	223	87,5	255	91,4
Немотивированные обозначения	Частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования	8	3,5	3	1,0	5	2,0	7	2,5
	Полностью немотивированные идиоматичные наименования	22	9,5	28	8,0	27	10,5	17	6,1
	<i>Всего</i>	30	13,0	31	9,0	32	12,5	24	8,6

Как видно из таблицы, в сфере номинативных единиц с семантикой ‘беспокойство, тревога’ доминируют мотивированные обозначения. Соотношение мотивированных и немотивированных номинаций составляет 7 : 1 в русском и английском языках и 10 : 1 в белорусском и немецком языках. Наименее продуктивным является фонетический тип мотивированности, а наиболее продуктивным – ассоциативно-образный.

Различия между лексикой и фразеологией с точки зрения ономаσιологических свойств мотивированности и идиоматичности. Лексические и фразеологические средства ономаσιологической организации семантического поля ‘беспокойство, тревога’ различны в русском, белорусском и немецком языках и совпадают в английском. Два доминирующих типа мотивированности (ассоциативно-образная и покомпонентная) имеют в лексике и фразеологии русского, белорусского и немецкого языков разный ранг.

В лексических подкорпусах белорусского и немецкого языков 1-е место занимают производные слова, или словообразовательно мотивированные неидиоматичные наименования, 2-е – ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные лексемы, 3-е – синхронно немотивированные непроизводные слова, 4-е – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные единицы. На 5-м месте в белорусском языке находятся фонетически мотивированные неидиоматичные наименования. В лексике русского языка 1-е место разделяют словообразовательно мотивированные неидиоматичные и ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования, на 2-м месте находятся полностью немотивированные непроизводные слова, на 3-м – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные единицы, на 4-м – фонетически мотивированные неидиоматичные лексемы. Лексический подкорпус английского языка (как и фразеологический) имеет следующую структуру: 1-е место занимают ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования, 2-е – покомпонентно мотивированные неидиоматичные, 3-е – полностью немотивированные идиоматичные, 4-е – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования.

Во фразеологических корпусах исследуемых языков на 1-м месте находятся фразеологические единства (образно-идиоматичные фраземы), за ними следуют фразеологические выражения (неидиоматичные обороты с предметно-логической мотивированностью), затем – фразеологические сращения (немотивированные идиомы), после идут фразеологические сочетания (фраземы, немотивированные и идиоматичные по связанному компоненту).

Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических разрядах семантического поля ‘беспокойство, тревога’ в русском языке представлено на рис. 1, в белорусском – на рис. 2, в английском – на рис. 3, в немецком – на рис. 4.

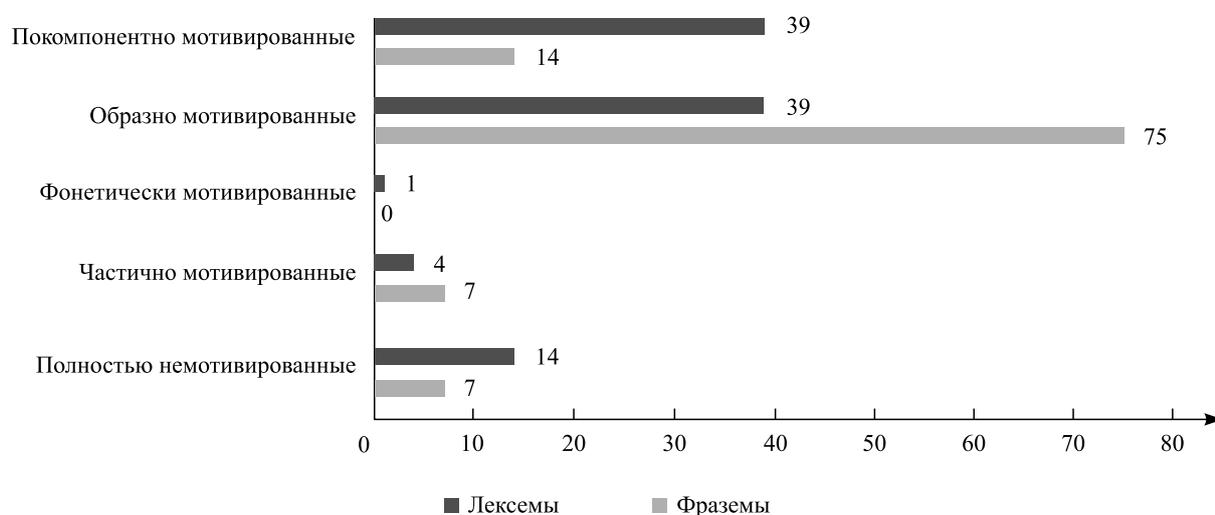

Рис. 1. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах русского семантического поля ‘беспокойство, тревога’, %

Fig. 1. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the Russian lexical-phraseological field ‘anxiety’, %

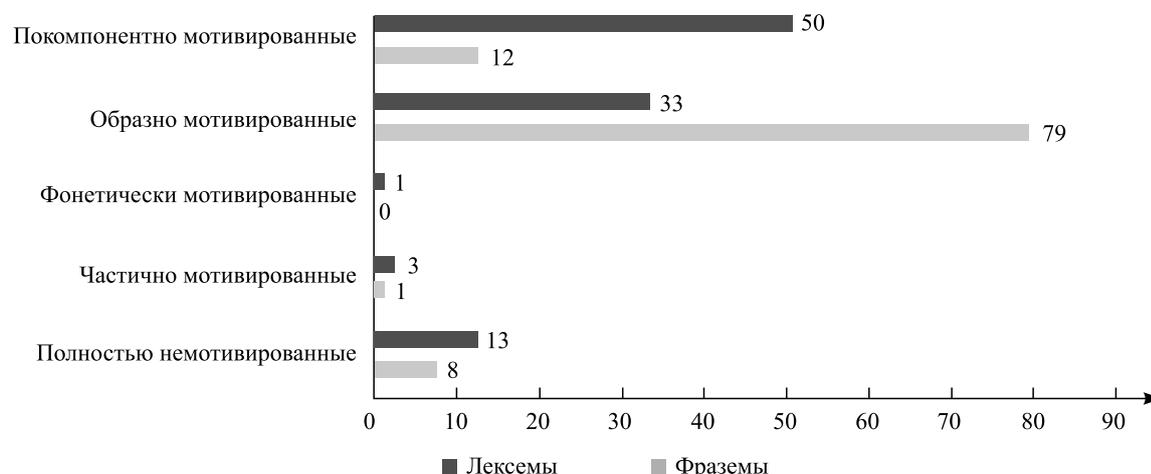

Рис. 2. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах белорусского семантического поля 'беспокойство, тревога', %

Fig. 2. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the Belarusian lexical-phraseological field 'anxiety', %

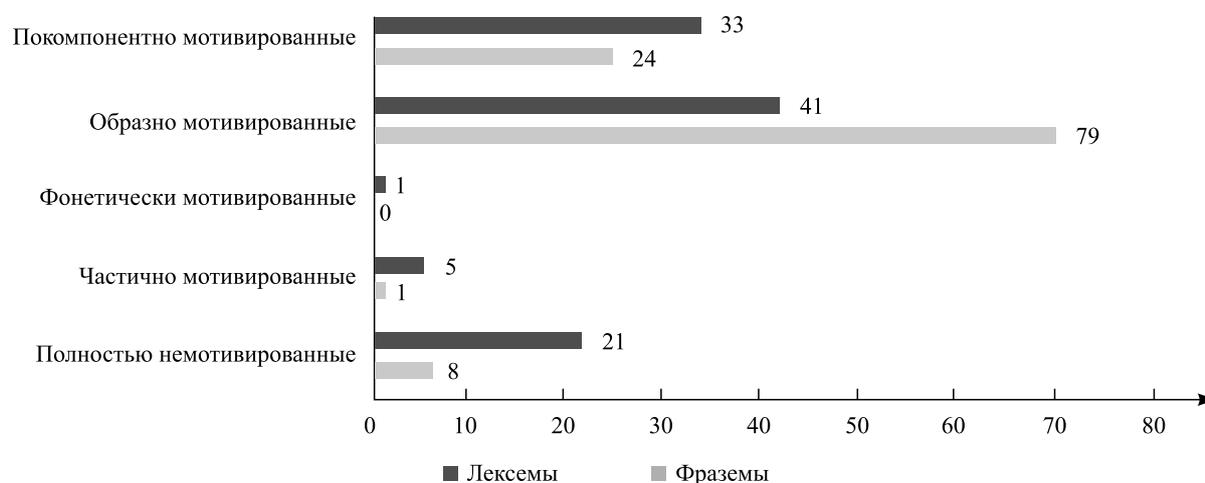

Рис. 3. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах английского семантического поля 'беспокойство, тревога', %

Fig. 3. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the English lexical-phraseological field 'anxiety', %

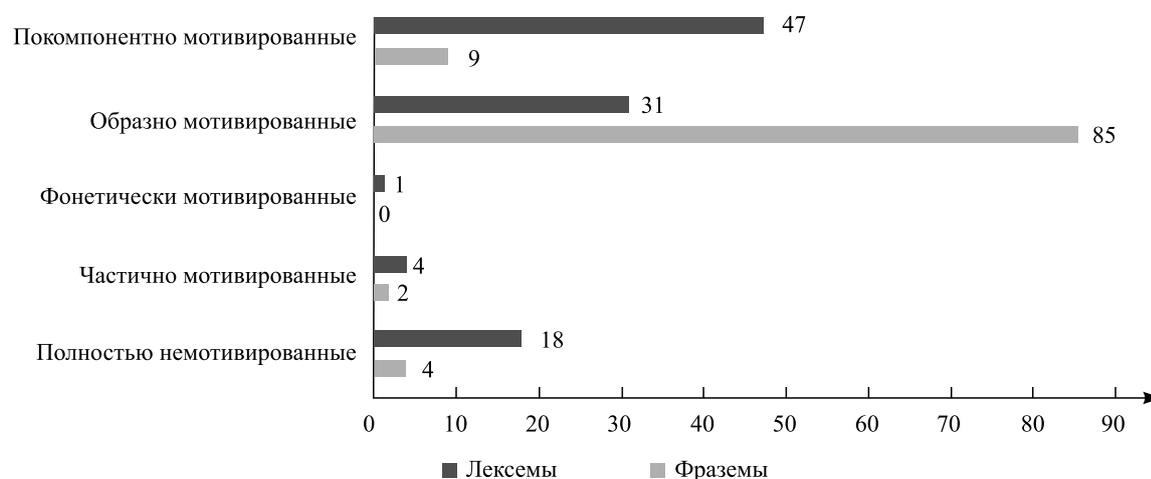

Рис. 4. Соотношение лексем и фразем в ономаσιологических классах немецкого семантического поля 'беспокойство, тревога', %

Fig. 4. The percentage of the lexemes and phrasemes in the onomasiological classes of the German lexical-phraseological field 'anxiety', %

Таким образом, просматривается тенденция к мотивированности **лексических** обозначений беспокойства, тревоги. Соотношение мотивированных и немотивированных лексических единиц в изучаемом поле составляет приблизительно 4 : 1 в русском и немецком языках, 5 : 1 в белорусском языке, 3 : 1 в английском языке. Способы мотивированности продуктивных лексем не совпадают и различаются по силе и очевидности. В русском языке выявлено равное количество покомпонентно мотивированных неидиоматичных лексем и ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований. В белорусском и немецком языках доминируют покомпонентно мотивированные неидиоматичные единицы: их в 1,5 раза больше, чем ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных лексем. В английском языке, напротив, количество ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований на 1/3 превышает число покомпонентно мотивированных неидиоматичных лексем.

Ономасиологическая структура лексики с семантикой ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках обладает тем не менее рядом сходных черт. В исследованных подкорпусах покомпонентно мотивированные лексем количественно доминируют над полностью немотивированными непроизводными единицами. Как отмечает М. С. Гутовская, «в преобладании производных лексем над непроизводными видится проявление устройства языка как многоуровневой системы, в которой единицы более высокого уровня складываются из единиц следующего за ним более низкого уровня, а количество единиц возрастает по направлению от нижнего к более высоким уровням: количество производных слов, созданных из двух и более морфем, превышает количество непроизводных слов, образованных из фонем (еще выше число фразем, представляющих собой сочетания слов)» [21, с. 106–107]. Отмечается также малая доля лексем, в составе которых присутствуют связанные компоненты, сравнительно быстро уходящие из языка ввиду ограниченности их употребления и словообразовательной непродуктивности. Небольшое количество фонетически мотивированных наименований объясняется снижением уровня продуктивности этого типа мотивированности языковых единиц по сравнению с периодом возникновения языков [22, с. 56; 23, с. 136].

Выявленные при исследовании лексических подкорпусов межъязыковые различия носят типологический характер. Степень мотивированности лексики коррелирует с морфологическими типами языков. Для синтетических языков характерна большая, чем для аналитических, мотивированность лексики. Это подтверждается рядом наблюдений. В языках синтетического строя (русском, белорусском и немецком) отмечается большая доля мотивированности лексики в целом (в русском и немецком языках мотивированных наименований, обозначающих беспокойство, тревогу, в 4 раза больше, чем немотивированных, а в белорусском – в 5 раз). Также в корпусах трех языков наблюдается преобладание лексем с высокой степенью мотивированности – покомпонентно мотивированных неидиоматичных наименований (39 % русского, 50 % белорусского и 47 % немецкого корпусов). Кроме того, наименьшие среди исследуемых языков показатели доли полностью немотивированных идиоматичных лексем выявлены в белорусском (13 %) и русском (14 %) языках. В немецком языке полностью немотивированные лексем составляют 18 % исследуемого корпуса, что говорит о сравнительно меньшей мотивированности поля. Полученные данные соотносимы с показателем индекса синтетичности (индекса Гринберга), который у немецкого языка существенно ниже (1,97), чем у русского (2,39).

В относящемся к аналитическому типу английскому языку доля мотивированных лексем ниже, чем в русском, белорусском и немецком языках (мотивированных наименований в 3 раза больше, чем немотивированных). Среди мотивированных единиц английского языка с семантикой ‘беспокойство, тревога’ преобладают ассоциативно-образные идиоматичные лексем (41 %), характеризующиеся меньшей, чем у покомпонентно мотивированных, степенью мотивированности. О меньшей степени мотивированности английских лексем с семантикой ‘беспокойство, тревога’ говорит и относительно высокий по сравнению с русским, белорусским и немецким языками удельный вес полностью немотивированных идиоматичных лексем (21 %).

Ономасиологическая структура русской, белорусской, английской и немецкой **фразеологии**, относящейся к семантическому полю ‘беспокойство, тревога’, совпадает. Во всех четырех исследованных подкорпусах доминируют мотивированные фраземы. Соотношение мотивированных и немотивированных фразеологических наименований беспокойства, тревоги составляет 9 : 1 в русском, 10 : 1 в белорусском, 13 : 1 в английском и 15 : 1 в немецком языках.

Среди мотивированных фразем с семантикой ‘беспокойство, тревога’ преобладают образно мотивированные идиоматичные фраземы (фразеологические единства). На их долю приходится 75 % русского, 79 % белорусского, 69 % английского и 85 % немецкого фразеологических подкорпусов.

Значительно меньше доля покомпонентно мотивированных фразем: 14 % русского, 12 % белорусского, 24 % английского и 9 % немецкого фразеологических подкорпусов. Стоит отметить наличие у подавляющего большинства рассмотренных фразеологических единиц данного класса некоторой

идиоматичности, которая появляется за счет реализации компонентами фраземы в ее составе метонимически и метафорически производных значений. Небольшая степень идиоматичности обуславливает наличие у фразем образности, создание подобия семантической двуплановости за счет многозначности слов-компонентов. Такие единицы занимают промежуточное положение между классами покомпонентно и образно мотивированных фразем.

Полностью немотивированные идиоматичные фраземы с семантикой 'беспокойство, тревога' немногочисленны. Их удельный вес составляет 7 % в русском, 8 % в белорусском, 6 % в английском и 4 % в немецком языках. Примечательно, что доля немотивированных единиц во фразеологии четырех языков гораздо меньше, чем в лексике. Полностью немотивированных фразем в русском и белорусском языках в 2 раза меньше, чем полностью немотивированных лексем, в английском языке в 3,5 раза, в немецком языке в 4,5 раза. Этот факт объясняется типологическими особенностями устройства номинативных единиц в языках. Русский, белорусский, английский и немецкий языки относятся к фузионному типу. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «в фузионном слове границы между морфемами неотчетливы, они как бы сплывались: иногда они проходят внутри звука... иногда некоторые части морфем вообще не просматриваются» [24, с. 73]. Тенденция к стиранию границ между морфемами приводит к процессам опрощения и переразложения, которые, в свою очередь, влекут за собой демотивацию и появление в языке непроемких основ. Утрате мотивированности фразем препятствует очевидная раздельнооформленность их компонентов.

Как и соответствующий ономазиологический тип лексем, частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные фраземы в рассматриваемых подкорпусах крайне малочисленны. Фраземы, содержащие компоненты с ограниченной синтагматикой, не обладают прозрачной образностью, малопонятны говорящим и, как следствие, постепенно выходят из употребления.

Корреляция номинативных функций языковых единиц и их ономазиологических типов. М. С. Гутовская в исследовании поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках выявила закономерность, которая свидетельствует о преимущественном выражении понятийных значений покомпонентно мотивированными лексемами, а эмотивных значений – ассоциативно-образно мотивированными номинативными единицами, преимущественно фраземами [21, с. 106–110].

Интересным показалось проверить сформулированную М. С. Гутовской закономерность на материале обозначений беспокойства, тревоги в русском, белорусском, английском и немецком языках.

Так, в исследуемых языках в семантическом поле 'беспокойство, тревога' доминируют эмотивные смыслы. Около 4/5 номинативных единиц поля каждого языка имеют эмотивное значение, причем как на лексическом, так и на фразеологическом уровнях. Подавляющее большинство единиц с эмотивным значением являются ассоциативно-образно мотивированными идиоматичными наименованиями. Доля образно мотивированных единиц составляет 80 % в русском, 81 % в белорусском, 72 % в английском и 86 % в немецком языках. Стоит отметить, что экспрессивно-оценочная функция более характерна для фразем, чем для лексем, и образно мотивированные фраземы заметно превосходят соответствующие лексемы по числу. Образно мотивированных фразем с эмотивной семантикой в русском, белорусском и английском языках в 3 раза больше, чем образных лексем, а в немецком языке в 4 раза.

В семантическом поле 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках предметно-понятийное содержание выражается лексикой. Среди лексем с понятийной семантикой доминируют покомпонентно мотивированные единицы (слова с производной основой). Их удельный вес составляет 65 % в русском, 72 % в белорусском, 49 % в английском и 63 % в немецком языках.

Сформулированная М. С. Гутовской гипотеза о преимущественном выражении понятийных значений покомпонентно мотивированными лексемами, а эмотивных значений – ассоциативно-образно мотивированными номинативными единицами, преимущественно фраземами, подтвердилась в рамках семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках.

Заключение

Мотивированность и идиоматичность – сущностные характеристики номинативных единиц. Эти ономазиологические свойства являются взаимнообратно зависимыми и имеют градуальную природу. Ономазиологическая структура семантического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках совпадает. Номинативные единицы с семантикой 'беспокойство, тревога' образуют континуум из пяти ономазиологических классов (в порядке убывания мотивированности, возрастания идиоматичности): 1) фонетически мотивированные неидиоматичные наименования (лексемы и фраземы, содержащие звукоподражательные элементы); 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования (словообразовательно мотивированные производные лексемы, предметно-логически мотивированные фраземы); 3) образно мотивированные идиоматичные наименования

(лексемы в переносных значениях, фраземы с двуплановой семантикой); 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (лексемы с уникальными элементами – радикасоидами и унификсами, фраземы, имеющие в своем составе связанные, несвободные слова-компоненты); 5) полностью немотивированные высоко идиоматичные наименования (непроизводные лексемы, фраземы, мотивированность которых не может быть истолкована с синхронной точки зрения).

В анализируемых языках наблюдается тенденция к мотивированности номинативных единиц. Соотношение мотивированных и немотивированных обозначений беспокойства, тревоги составляет 7 : 1 в русском и английском и 10 : 1 в белорусском и немецком языках. Наиболее продуктивным способом мотивированности является ассоциативно-образный. Доля ассоциативно-образно мотивированных идиоматичных наименований составляет около 3/5 от общего количества номинативных единиц, входящих в состав семантических полей.

Ономасиологическое структурирование семантического поля ‘беспокойство, тревога’ средствами лексики и фразеологии совпадает в английском языке и различается в русском, белорусском и немецком языках. Прослеживается схожесть структуры фразеологических подкорпусов всех четырех языков. Иерархическая упорядоченность ономасиологических классов в английском языке такова: 1) ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования (41 % лексем, 69 % фразем); 2) покомпонентно мотивированные неидиоматичные наименования (33 % лексем, 24 % фразем); 3) полностью немотивированные идиоматичные наименования (21 % лексем, 6 % фразем); 4) частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (5 % лексем, 1 % фразем). В лексике белорусского и немецкого языков 1-е место занимают словообразовательно мотивированные неидиоматичные наименования (50 и 47 % соответственно), 2-е – образно-идиоматичные мотивированные наименования (33 и 31 % соответственно), 3-е – синхронно немотивированные непроизводные наименования (13 и 18 % соответственно), 4-е – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (3 и 4 % соответственно), 5-е – фонетически мотивированные неидиоматичные наименования (1 % в белорусском). В лексике русского языка 1-е место разделяют словообразовательно мотивированные неидиоматичные и ассоциативно-образно мотивированные идиоматичные наименования (по 39 % лексем каждого класса), на 2-м находятся полностью немотивированные непроизводные наименования (14 %), на 3-м – частично (по связанному компоненту) немотивированные и идиоматичные наименования (4 %), на 4-м – фонетически мотивированные неидиоматичные наименования (1 %).

В ономасиологической структуре фразеологических корпусов русского, белорусского и немецкого языков на первом месте располагаются образно-идиоматичные фраземы (75; 79 и 85 % соответственно), за ними следуют неидиоматичные обороты с предметно-логической мотивированностью (14; 12 и 9 % соответственно), затем – полностью немотивированные идиомы (7; 8 и 4 % соответственно) и после – фраземы, немотивированные и идиоматичные по связанному компоненту (7; 1 и 4 % соответственно).

Различная ономасиологическая структура лексических подкорпусов русского, белорусского и немецкого, с одной стороны, и английского, с другой стороны, объясняется типологическими особенностями языков. Для синтетических языков (русского, белорусского и немецкого) характерны большая, чем для аналитических (английского), мотивированность лексики в целом и преобладание среди мотивированных единиц покомпонентно мотивированных неидиоматичных лексем.

Во всех четырех языках доля полностью немотивированных лексем выше, чем доля соответствующих фразем. Это объясняется тем, что в языках фузионного типа, к которым относятся русский, белорусский, английский и немецкий, наблюдается тенденция к демотивации слов, поскольку их морфемы очень тесно семантически и формально связаны между собой. Раздельнооформленность компонентов фраземы препятствует утрате мотивированности оборота в целом.

В русской, белорусской, английской и немецкой лексике и фразеологии с семантикой ‘беспокойство, тревога’ наблюдается очень малая доля частично (по связанному компоненту) немотивированных единиц. Связанные элементы имеют нечеткое значение, предельно узкую сочетаемость и постепенно уходят из языка. Фонетически мотивированные номинативные единицы крайне малочисленны в исследованных корпусах ввиду относительной непродуктивности этого способа мотивированности в современных языковых системах.

В семантическом поле ‘беспокойство, тревога’ в русском, белорусском, английском и немецком языках прослеживается связь между номинативной функцией языковой единицы и ее ономасиологическим типом. Понятийные значения актуализируются по большей части покомпонентно мотивированными неидиоматичными лексемами. Эмотивная семантика выражается ассоциативно-образно мотивированными идиоматичными номинативными единицами, преимущественно фраземами.

Сокращения

DRW – Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 4. Aufl. Berlin : Dudenverlag, 2013. 929 S. ; **DW** – Duden Onlinewörterbuch [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Datum der Bewerbung: 01.03.2020) ; **ED** – Online etymology dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 03.04.2021) ; **FD** – The free dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/dictionary.htm> (date of access: 01.03.2020) ; **LID** – Longman idioms dictionary. Harlow : Pearson Education Limited, 1998. 398 p. ; **БТС** – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 01.03.2020) ; **СФБМ-1** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Т. 1. А–Л / склад. І. Я. Лепешаў Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. 672 с. ; **СФБМ-2** – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Т. 2. М–Я / склад. І. Я. Лепешаў Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. 704 с. ; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. 2-е выд. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2002. 784 с. ; **ФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд. М. : Астрель, 2008. 878 с. ; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов М. : Медиа, 2008. 334 с.

Библиографические ссылки

1. де Соссюр Ф, Балли Ш, Сеше А. *Курс общей лингвистики*. Рут МЭ, редактор; Сухотин А, переводчик. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 1999. 432 с.
2. Левицкий ВВ. Фонетическая мотивированность слова. *Вопросы языкознания*. 1994;1:26–37.
3. Гак ВГ. *Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков)*. Москва: Международные отношения; 1977. 264 с.
4. Ульман С. Семантические универсалии. В: Успенский БА, редактор, переводчик. *Новое в лингвистике. Выпуск V. Языковые универсалии*. Москва: Прогресс; 1970. с. 250–299.
5. Торопцев ИС. Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка). *Ученые записки Орловского государственного педагогического института*. 1954;22:21–27.
6. Княк ТР. О видах мотивированности лексических единиц. *Вопросы языкознания*. 1989;1:98–107.
7. Матезиус В. Язык и стиль. В: Кондрашов НА, редактор. *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс; 1967. с. 444–523.
8. Смирницкий АИ. Значение слова. *Вопросы языкознания*. 1955;2:79–89.
9. Мечковская НБ. Классы идиом и их корреляты в механизмах диахронической фразеологии (на материале восточнославянских, словенского и польского языков). В: Лукашанец АА, редактор. *Мовознаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. Матэрыялы XIV Міжнароднага з'езда славістаў. Доклады беларускай дэлегацыі; 10–16 верасня 2008 г.; Охрыд, Македонія*. Минск: БГУ; 2008. с. 149–172.
10. Шанский НМ. *Фразеология современного русского языка*. Санкт-Петербург: Специальная литература; 1996. 192 с.
11. Melčuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, van der Linden E-J, Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.
12. Баранов АН, Добровольский ДО. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак; 2008. 656 с.
13. Панов МВ. *Позиционная морфология русского языка*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1999. 275 с. Совместно с издательством «Наука».
14. Улуханов ИС. Компоненты значения членимых слов. *Вопросы языкознания*. 1974;2:71–78.
15. Блинова ОИ. *Явление мотивации слов: лексикологический аспект*. Томск: Издательство Томского государственного университета; 1984. 191 с.
16. Кубрякова ЕС. *Основы морфологического анализа*. Москва: Наука; 1974. 319 с.
17. Ахманова ОС. *Очерки по общей и русской лексикологии*. Москва: Либроком; 2009. 296 с.
18. Телия ВН. Объем фразеологии и типы ее единиц. В: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1996. с. 56–83.
19. Мельчук ИА. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». *Вопросы языкознания*. 1960;4:73–80.
20. Амосова НН. *Основы английской фразеологии*. Москва: URSS; 2013. 216 с.
21. Гутовская МС. *Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках*. Минск: БГУ; 2019. 399 с.
22. Воронин СВ. *Основы фоносемантики*. Москва: Ленанд; 2006. 239 с.
23. Солнцев ВМ. *Язык как системно-структурное образование*. Москва: Недра; 1977. 341 с.
24. Мечковская НБ. *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*. Москва: Флинта; 2001. 312 с. Совместно с издательством «Наука».

References

1. de Saussure F, Bally Ch, Sechehaye A. *Cours de linguistique generale*. Paris: Payot; 1972. 510 p. Russian edition: de Saussure F, Bally Ch, Sechehaye A. *Kurs obshchei lingvistiki*. Rut ME, editor; Sukhotin A, translator. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1999. 432 p.
2. Levitskii VV. [Phonetic motivation of the word]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1994;1:26–37. Russian.
3. Gak VG. *Sopostavitel'naya leksikologiya (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Comparative lexicology (based on the French and Russian languages)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1977. 264 p. Russian.
4. Ullmann S. [Semantic universals]. In: Uspenskii BA, editor, translator. *Novoe v lingvistike. Vypusk V. Yazykovye universalii* [New in linguistics. Issue 5. Language universals]. Moscow: Progress; 1970. p. 250–299. Russian.

5. Toroptsev IS. [Lexical motivation (based on the material of the modern Russian literature language)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1954;22:21–27. Russian.
6. Kiyak TR. [On the types of motivation of lexical units]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1989;1:98–107. Russian.
7. Mathesius V. [Language and style]. In: Kondrashov NA, editor. *Pražskii lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow: Progress; 1967. p. 444–523. Russian.
8. Smirnitiskii AI. [The meaning of the word]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1955;2:79–89. Russian.
9. Mechkovskaya NB. [Classes of idioms and their correlates in the mechanisms of diachronic phraseology (on the material of the East Slavic, Slovenian and Polish languages)]. In: Lukashanec AA, editor. *Movaznavstva. Litaraturaznavstva. Fal'klarystyka. Matjeryjaly XIV Mizhnarodnaga z'ezda slavistaw. Daklady belaruskaj djelegacyi; 10–16 verasnja 2008 g.; Ohryd, Makedonija* [Linguistics. Literature. Folklore. 14th International congress of Slavists. Reports of the Belarusian delegation; 2008 September 10–16; Ohrid, Macedonia]. Minsk: Belarusian State University; 2008. p. 149–172. Russian.
10. Shanskii NM. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [The phraseology of the modern Russian language]. Saint Petersburg: Spetsial'naya literatura; 1996. 192 p. Russian.
11. Melčuk IA. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In: Everaert M, van der Linden E-J, Schenk A, Schreuder R, editors. *Idioms: structural and psychological perspectives*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1995. p. 167–232.
12. Baranov AN, Dobrovol'skii DO. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znack; 2008. 656 p. Russian.
13. Panov MV. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1999. 275 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
14. Ulukhanov IS. [Components of meaning of segmentable words]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1974;2:71–78. Russian.
15. Blinova OI. *Yavlenie motivatsii slov: leksikologicheskii aspekt* [Phenomenon of word motivation: lexicological aspect]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta; 1984. 191 p. Russian.
16. Kubryakova ES. *Osnovy morfologicheskogo analiza* [Basics of morphological analysis]. Moscow: Nauka; 1974. 319 p. Russian.
17. Akhmanova OS. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow: Librokom; 2009. 296 p. Russian.
18. Teliya VN. [The volume of phraseology and the types of its units]. In: *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and cultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1996. p. 56–83. Russian.
19. Melčuk IA. [On the terms of «regularity» and «idiomaticity»]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1960;4:73–80. Russian.
20. Amosova NN. *Osnovy angliiskoi frazeologii* [Fundamentals of English phraseology]. Moscow: URSS; 2013. 216 p. Russian.
21. Gutovskaya MS. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metazykovykh oboznachenii v russkom i angliiskom yazykakh* [Lexical-phraseological structure of the metalingual nominative field in the Russian and English languages]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 399 p. Russian.
22. Voronin SV. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Moscow: Lenand; 2006. 239 p. Russian.
23. Solntsev VM. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as system-structural formation]. Moscow: Nedra; 1977. 341 p. Russian.
24. Mechkovskaya NB. *Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics. Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta; 2001. 312 p. Co-published by the «Nauka». Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.10.2021.
Received by the editorial board 21.10.2021.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ НАПОЛНЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. Р. ТРЕТЬЯКОВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Ведущим принципом исследований в современной лингвистике является теория системной организации языка и, следовательно, всех его уровней. Статья посвящена специфике словообразовательной парадигмы как микросистемы, построенной на отношениях производности и способной функционировать в конкретной и типовой формах. Представлена типовая словообразовательная парадигма глаголов эмоционального состояния в русском языке. Выявлены критерии (окказиональность – узуальность, регулярность – нерегулярность) отнесения – неотнесения словообразовательных единиц к структуре типовой словообразовательной модели. Отмечен уникальный характер мутационного словообразования в рамках глагольного словопроизводства, чего, к примеру, нельзя сказать о субстантивной деривации. В результате сопоставления состава конкретной и типовой словообразовательных парадигм выделяются полная и неполная, избыточная и дефектная деривационные модели. Делается вывод о том, что типовая словообразовательная парадигма как абстрактная модель в рамках словообразования элементов определенной лексико-семантической группы определяет границы возможного, посредством типизации способствует устойчивости деривационной системы и одновременно за счет игнорирования асистемных элементов препятствует реализации скрытых потенциалов языка.

Ключевые слова: словообразовательная парадигма; дериват; префиксация; словообразовательное значение; словообразовательный тип.

ДА ПЫТАННЯ АБ ЛЕКСІКА-СЕМАНТЫЧНЫМ НАПАЎНЕННІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНАЙ ПАРАДЫГМЫ ДЗЕЯСЛОВАЎ ЭМАЦЫЙНАГА СТАНУ ў РУСКАЙ МОВЕ

Ю. Р. ТРЭЦЯКОВА^{1*}

^{1*)}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Вядучым прынцыпам даследаванняў у сучаснай лінгвістыцы з'яўляецца тэорыя сістэмнай арганізацыі мовы і, значыць, усіх яе ўзроўняў. Артыкул прысвечаны спецыфіцы словаўтваральнай парадыгмы як мікрасістэмы, пабудаванай на адносінах вытворчасці і здольнай выступаць у канкрэтнай і тыповай формах функцыянавання. Прадстаўлена тыповая словаўтваральная парадыгма дзеясловаў эмацыйнага стану ў рускай мове. Выяўлены крытэрыі (аказіянальнасць – узуальнасць, рэгулярнасць – нерегулярнасць) аднясення – неаднясення словаўтваральных адзінак у структуру тыповай словаўтваральнай мадэлі. Адзначаны ўнікальны характар мутацыйнага

Образец цитирования:

Третьякова ЮР. К вопросу о лексико-семантическом наполнении словообразовательной парадигмы глаголов эмоционального состояния в русском языке. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;1:53–61.

For citation:

Tretsiakova YuR. To the question about the lexico-semantic filling of the word-formation paradigm of emotional state verbs in the Russian language. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;1:53–61. Russian.

Автор:

Юлия Ромуальдовна Третьякова – аспирантка кафедры русской филологии филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Никитевич.

Author:

Yuliya R. Tretsiakova, postgraduate student at the department of Russian philology, faculty of philology.
tretsiakovayuliya@mail.ru

словаўтварэння ў рамках дзеяслоўнай словавытворчасці, чаго, напрыклад, нельга сказаць пра субстантыўную дэрывацыю. У выніку супастаўлення складу канкрэтнай і тыповай словаўтваральных парадыгм вылучаюцца поўная і няпоўная, залішняя і дэфектная дэрывацыйныя мадэлі. Робіцца выснова аб тым, што тыповая словаўтваральная парадыгма як абстрактная мадэль вызначае ў рамках словаўтварэння элементаў пэўнай лексіка-семантычнай групы межы магчымага, пры дапамозе тыпізацыі спрыяе тым самым ўстойлівасці дэрывацыйнай сістэмы і адначасова за кошт ігнаравання асістэмных элементаў перашкаджае рэалізацыі схаваных патэнцый мовы.

Ключавыя словы: словаўтваральная парадыгма; дэрыват; прэфіксацыя; словаўтваральнае значэнне; словаўтваральны тып.

TO THE QUESTION ABOUT THE LEXICO-SEMANTIC FILLING OF THE WORD-FORMATION PARADIGM OF EMOTIONAL STATE VERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Yu. R. TRETIAKOVA^a

*^aYanka Kupala State University of Grodno,
22 Ažeška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The guiding principle of the research in the field of language in modern linguistics is the theory of the systemic organisation of language and, consequently, of all its levels. This article is devoted to the word-formation paradigm as a microsystem built on the relations of derivation and capable of acting in specific and typical forms of functioning. The paper presents a typical derivational paradigm of emotional state verbs in Russian. Criteria (occasionality – usability, regularity – irregularity) of assignment – non-assignment of word-formation units to the structure of a typical word-building model were identified. The unique character of mutational word formation within the framework of verbal word production is noted, that, for example, cannot be said about substantive derivation. In the article complete and incomplete, redundant and defective derivational models are distinguished in accordance with the comparison of the composition of specific and typical derivational paradigms. It is concluded that a typical word-formation paradigm as a model dictates the possible limits within the framework of word formation of elements of a certain lexical-semantic group. Thereby it contributes to the stability of the derivational system by typing and, at the same time, prevents the implementation of the hidden potentialities of the language by ignoring the asystemic elements.

Keywords: word-formation paradigm; derivative; prefixation; word-formation meaning; word-formation type.

Введение

В последние десятилетия в области как словообразования, так и всего языкознания прослеживается тенденция рассматривать языковые феномены не как обособленные явления (узуальные либо асистемные), а как взаимосвязанные элементы системы, отношения между которыми можно проецировать на все разделы языкознания. Так, например, системные отношения языка отражаются на словообразовательном уровне. Таким образом, основным объектом исследования в лингвистике становится так называемая «система в системе».

Стоит отметить, что всякая система подразумевает наличие взаимообусловленных элементов. В науке о словотворчестве наряду с дериватом, словообразовательной парой, цепочкой и гнездом выделяется словообразовательная парадигма – комплексная единица словообразования, в основе построения которой находятся системообразующие отношения производности.

Исторически понятие «парадигма» относилось к морфологии, однако в связи с активным развитием системного подхода как основного метода лингвистических исследований возникла потребность применения парадигматического подхода для характеристики других языковых уровней (фонологии, синтаксиса, лексикологии, словообразования). Таким образом, сравнительно недавнее введение термина «словообразовательная парадигма» в лингвистический обиход в 1970-х гг. привело к его неоднозначному пониманию в научной литературе. Так, В. В. Лопатин, одним из первых давший определение данного понятия, под словообразовательной парадигмой понимал вертикальный ряд, состоящий из дериватов, «мотивированных одним и тем же словом и принадлежащих к определенному ряду словообразовательных значений» [1, с. 59]. Е. А. Земская словообразовательной парадигмой называет «набор производных одного слова, находящихся на одной и той же ступени деривации» [2, с. 18]. Как в пер-

вой, так и во второй трактовках в качестве системообразующего структурного критерия словообразовательной парадигмы выступает степень мотивированности дериватов относительно производящего слова. Семантический аспект рассмотрения комплексной деривационной единицы обнаруживается у Р. С. Манучаряна, который определяет словообразовательную парадигму как «комплекс словообразовательных категорий, выражаемых на базе производящих слов (основ) определенного класса по моделям мотивационных отношений, свойственных данному языку» [3, с. 67]. В дефиниции, предложенной Р. С. Манучаряном, словообразовательная парадигма соотносится со словообразовательным гнездом в большей степени, чем со словообразовательной парадигмой в традиционном ее понимании. Данное соотношение отражается в лингвистических трудах различных исследователей [4; 5]. А. Н. Тихонов отмечает, что нередко вместо термина «словообразовательное гнездо» применяют термин «парадигма» и «семья слов» [6, с. 28]. Неоднозначность понимания словообразовательной парадигмы в лингвистической традиции не исчерпывается указанными определениями. Так, некоторые исследователи характеризуют данное понятие как «совокупность производных слов, выражающих одно и то же общее, обобщенное словообразовательное значение» [7, с. 14], соотнося его со словообразовательной категорией. Однако подобное отождествление словообразовательной парадигмы с другими комплексными единицами словообразования не получило широкого распространения. Сопоставительное описание морфологической и словообразовательной парадигм привело к выявлению их изоморфного характера и тем самым исключило возможность уподобления словообразовательной парадигмы словообразовательному гнезду [8]. Подобно тому как словоформы определенной грамматической категории образуют морфологическую парадигму, восходя при этом к одной вершине, совокупность дериватов от одной производящей базы формирует ее словообразовательную парадигму. Изоморфизм обеих разносистемных структур обуславливает возможность перенесения характеристик морфологической парадигмы на словообразовательную: общая – частная, полная – неполная, избыточная, дефектная и т. д.

Стоит отметить, что на современном этапе развития лингвистики вопросы, сопряженные с понятием «словообразовательная парадигма» (в особенности касается исследования деривационных парадигматических структур различных лексико-семантических групп), ввиду относительной малоизученности продолжают оставаться актуальными. Отсутствие системного описания конкретных словообразовательных парадигм эмоциональной глагольной лексики как отдельной тематической группы исключает возможность конструирования инвариантных словообразовательных моделей, репрезентирующих пути познания окружающего мира и себя самого в силу способности словообразования отражать процессы номинации.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой исследования послужили работы В. В. Лопатина [1], Е. А. Земской [2], Р. С. Манучаряна [3; 5], Е. С. Кубряковой [4; 7], А. Н. Тихонова [6], посвященные актуальным вопросам теории словообразования. В качестве материала настоящей работы выступили словообразовательные парадигмы русскоязычных глаголов с семой 'эмоция', извлеченные методом сплошной выборки из словообразовательного словаря А. Н. Тихонова [9], ориентированного на кодифицированный литературный язык и созданного с позиций синхронного описания словообразовательной подсистемы. Вопросы этимологии и семантики анализируемых единиц решались на материале словарей современного русского литературного языка [10–14].

В рамках синхронного анализа в целях выявления словообразовательного потенциала глаголов с семой 'эмоция' использовался описательный метод в сочетании с такими приемами, как наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретация словообразовательных феноменов. При структурно-семантическом описании членов словообразовательной парадигмы применялся метод компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение

В данном исследовании словообразовательная парадигма интерпретируется как структурно-семантический комплекс, представленный совокупностью производных компонентов конкретной производящей базы и репрезентирующий возможности деривационной валентности мотивирующей лексемы (префикса). Производящий компонент, как постоянный элемент парадигмы, вступает в радиальные отношения с пучком дериватов, в структуре которых в качестве переменной выступает словообразовательный формант.

Принимая во внимание факт оригинальности каждой отдельной парадигмы (конкретной словообразовательной парадигмы) производящих слов, относящихся к одной лексико-семантической группе, важно отметить, что семантическая близость исходных элементов обуславливает и наличие типизированных

словообразовательных значений, характерных как минимум для двух базовых элементов словообразовательной парадигмы. В данном случае речь идет не о конкретной словообразовательной парадигме, а о типовой комплексной единице словообразовательной подсистемы. Типовая словообразовательная парадигма, как отмечает Е. А. Земская, «состоится совокупностью деривационных значений, реализующихся базовыми словами определенной части речи, входящими в единую ЛСГ [лексико-семантическую группу]» [2, с. 18]. Соответственно, под типовой словообразовательной парадигмой следует понимать комплекс словообразовательных категорий, основанный на примерах узуального словопроизводства и исключая аномальные языковые феномены – словообразовательные окказионализмы, образование которых сопряжено со следованием обобщенной деривационной модели, с одной стороны, и сознательным и непременным отклонением от словообразовательного эталона – с другой. Иными словами, окказионализм образуется с нарушением качественных либо количественных потенций словообразовательного типа. Таким образом, конструирование типовой словообразовательной парадигмы представляется возможным при условии регулярности (повторяемости минимум дважды) определенной словообразовательной семантики в рамках одного либо нескольких продуктивных словообразовательных типов.

В таблице представлена типовая словообразовательная парадигма глаголов эмоционального состояния с позиции синхронного анализа словообразовательной подсистемы русского языка [9; 10; 15].

Типовая словообразовательная парадигма русскоязычных глаголов с семой ‘эмоция’

A typical derivational paradigm of Russian verbs with the seme ‘emotion’

Словообразовательная категория		Словообразовательный формант	Пример деривата
Временные модификации	Г _н Г ‘начинательность’	<i>вз-/взо-</i>	<i>взгрустить</i>
		<i>воз-/возо-</i>	<i>возненавидеть</i>
		<i>за-</i>	<i>загрустить</i>
		<i>о-</i>	<i>огневаться</i>
		<i>об-/обо-</i>	<i>обрадоваться</i>
		<i>раз-/разо-</i>	<i>разволновать</i>
		<i>с-/со-</i>	<i>сбеситься</i>
		<i>по-</i>	<i>погрустить</i>
	Г _н Г ‘довести действие до конца или до какого-либо предела’	<i>от-/ото-</i>	<i>отгрустить</i>
		<i>пере-</i>	<i>перебедовать</i>
		<i>раз-/разо-</i>	<i>разлюбить</i>
		<i>до-</i>	<i>доплакать</i>
		<i>вы-</i>	<i>выплакать</i>
	Г _н Г ‘совершить действие в течение непродолжительного времени’	<i>по-</i>	<i>погрустить</i>
	Г _н Г ‘совершить действие в течение длительного времени’	<i>про-</i>	<i>прогрустить</i>
		<i>пере-</i>	<i>перемаяться</i>
<i>от-/ото-</i>		<i>отплакать</i>	
Модификации по степени интенсивности	Г _н Г ‘накопление результата действия’	<i>на-</i>	<i>набедокурить</i>
	Г _н Г ‘интенсивно совершить действие’	<i>за-</i>	<i>занежить</i>
		<i>пере-</i>	<i>переволноваться</i>
		<i>на-</i>	<i>намиловаться</i>
		<i>из-/изо-</i>	<i>изозлиться</i>
		<i>раз-/разо-</i>	<i>расхвалить</i>
		<i>у-</i>	<i>ужалеть</i>
		<i>от-/ото-</i>	<i>отжурить</i>
		<i>вы-</i>	<i>выстрадать</i>
	<i>пре-</i>	<i>прельстить</i>	
	Г _н Г ‘совершить действие с незначительной интенсивностью’	<i>при-</i>	<i>пригрозить</i>
<i>под-/подо-</i>	<i>подвеселить</i>		

Окончание таблицы
Ending table

Словообразовательная категория	Словообразовательный формант	Пример деривата	
Модификационные результативные значения	<i>по-</i>	<i>поблагодарить</i>	
	<i>на-</i>	<i>насмешить</i>	
	<i>за-</i>	<i>заманить</i>	
	<i>с-/со-</i>	<i>сомлеть</i>	
	<i>до-</i>	<i>добаловаться</i>	
	<i>о-</i>	<i>опечалить</i>	
	<i>от-/ото-</i>	<i>отблагодарить</i>	
	<i>у-</i>	<i>устыдить</i>	
	<i>раз-/разо-</i>	<i>разругаться</i>	
	<i>из-/изо-</i>	<i>испугать</i>	
	<i>про-</i>	<i>прослезить</i>	
	<i>вы-</i>	<i>выпестовать</i>	
Г _п Г 'совершить (довести до результата) действие'	<i>недо-</i>	<i>недострадать</i>	
Характер взаимоотношений субъекта и объекта действия	Г _п Г 'превзойти другого исполнителя названного действия'	<i>пере-</i>	<i>перекричать</i>
	Г _п Г 'совместно совершать действие'	<i>со-</i>	<i>сопереживать</i>
	Г _п Г 'многократное и поочередное действие, распространенное на все или многие объекты'	<i>пере-</i> <i>по-</i>	<i>перебранить</i> <i>пообидеть</i>
Модификационные комплексные значения	Г _п Г 'интенсивно совершить (довести до результата) действие'	<i>из-/изо-</i> <i>вы-</i>	<i>избаловаться</i> <i>выхолить</i>
	Г _п Г 'интенсивно или резко, внезапно начать действие'	<i>вз-/взо-</i>	<i>взвыть</i>
	Мутационное значение	Г _п Г 'негативное воздействие на объект'	<i>над-/надо-</i>

В таблице не представлена словообразовательная категория «значение совершенного вида», что обусловлено чистовидовым характером словообразования: присоединение префикса не влечет изменения лексического значения деривата. Коррелирующие между собой в рамках видовой пары глаголы отличаются лишь наличием или отсутствием предела развития эмоционального состояния. В данной функции может выступать фактически каждый префикс, являющийся в структуре конкретного деривата грамматикализированным [16]: *баловать – сбаловать, веселить – увеселить, корить – укорить, ворчать – наворчать, кричать – накричать, дурить – одурить* (ССРЯ) и др.

Учитывая моделированность и обобщающий характер типовой словообразовательной парадигмы, стоит отметить, что в структуру типизированной комплексной единицы словообразования не включаются единичные деривационные элементы, асистемные для процессов словотворчества в рамках данной лексико-семантической группы. Асистемность подобных производных обусловлена их нерегулярностью: у других членов лексико-семантической группы глаголов эмоционального состояния подобное словообразовательное значение отсутствует либо выражение типичного словообразовательного значения осуществляется посредством нетипичного для данного значения форманта. Дериват *влюбить* 'совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом' (РГ) является окказиональным, так как в рамках эмотивного глагольного словообразования префикс *в-* не проявляет продуктивности. К подобным нетипичным случаям можно также отнести образование глагола *снежничать* '1. Проявить излишнюю нежность в обращении. 2. Сказать что-л. с излишней нежностью' (СТСРЯ) посредством префикса *с-* со значением интенсивности; *утерпеть* 'терпеливо перенести, удержаться от проявления чего-л.' (СРЯ) при помощи префикса *у-*, который в данном случае является носителем результативного значения [17]; *предостеречь* 'заранее предупредить о необходимости остеречься'

(СРЯ) посредством префикса *предо-* ‘заранее, наперед, заблаговременно совершить (или совершать) действие, названное мотивирующим глаголом’ (РГ).

В контексте глагольного префиксального словопроизводства к нетипичным деривационным феноменам следует отнести факты мутаций лексических значений производных единиц путем присоединения определенного словообразовательного форманта. Мутационные словообразовательные значения включают важные семантические приращения так, что мотивационная связь между производным и производящим словами прекращает ощущаться носителем языка. По сути, мутация индивидуализирует значения глагольных эмотивов, препятствуя тем самым их типизации. Стоит пояснить, что отнесение словообразовательных структур к типовым конструкциям обуславливается их регулярностью и повторением схожих словообразовательных фрагментов минимум дважды. Так, при анализе языкового материала было выявлено лишь одно типичное мутационное значение, представленное в структуре двух префиксальных эмотивов: *надругаться*, *надсмеяться*. Другие обнаруженные мутационные значения представляют собой единичные языковые факты, что препятствует их внесению в структуру типовой словообразовательной парадигмы: *передразнить* ‘подражая кому-н., представить в смешном виде’ (СРЯ); *окрикнуть* ‘возгласом или называя по имени останавливать, подзывать кого-л., привлекать чье-л. внимание’ (СТСРЯ); *оплакать* ‘плакать по поводу чьей-л. смерти, какой-л. утраты или какого-л. несчастья’ (СТСРЯ); *покорить* ‘подчинить своей власти, завоевать’ (СТСРЯ). Уникальность и нетипичность мутационного словообразования проявляется в рамках глагольного словопроизводства, чего, к примеру, нельзя сказать о субстантивной деривации. Субстантивные словообразовательные парадигмы обнаруживают следующие типовые реализации: обозначение лица как носителя предметного признака (*фокусник*, *трамвайщик*, *пехотинец*, *моряк*, *скрипач*, *игстриган*, *журналист*, *боксер*), животного (*крапивник*, *рысак*, *кожан*, *пескарь*), сосуда (*салатник*, *супница*), помещения (*коровник*, *псарня*), научного направления, сферы занятий, склонности (*лингвистика*, *астрономия*), пространства (*березник*, *пепелище*, *низина*) и др.

Таким образом, типовая словообразовательная парадигма, как эталон в рамках словообразования элементов определенной лексико-семантической группы, определяет границы возможного, что, с одной стороны, посредством типизации способствует устойчивости деривационной системы, а с другой – за счет игнорирования асистемных окказиональных элементов препятствует реализации скрытых потенциалов языка.

Закономерно, что количественный и качественный состав элементов типовой и конкретной словообразовательной парадигм зачастую не совпадает. Исходя из этого, конкретная словообразовательная парадигма, подобно типовой, может являться полной и неполной. Проанализировав словообразовательные парадигмы префиксальных эмотивов, можно отметить, что комплексной словообразовательной структуры, включающей полный набор деривационных значений, представленных в типовой словообразовательной парадигме, обнаружено не было. Однако возможно выделить несколько словообразовательных парадигм, стремящихся к абсолюту: *бранить* – *возбранить*, *выбранить*, *забранить*, *избранить*, *набранить*, *отбранить*, *перебранить*, *побранить*, *прибранить*, *разбранить*; *мучить* – *вымучить*, *домучить*, *замучить*, *измучить*, *намучить*, *отмучить*, *перемучить*, *помучить*, *примучить*, *промучить*, *размучить*, *смучить*, *умучить*; *ругаться* – *выругаться*, *доругаться*, *заругаться*, *изругаться*, *наругаться*, *надругаться*, *обругаться*, *переругаться*, *поругаться*, *разругаться*; *томить* – *затомить*, *истомить*, *натомить*, *перетомить*, *потомить*, *протомить*, *притомить*, *растомить*, *утомить*, *перетомить*; *хвалить* – *восхвалить*, *выхвалить*, *захвалить*, *захвалить*, *нахвалить*, *перехвалить*, *похвалить*, *подхвалить*, *прихвалить*, *расхвалить* (ССРЯ) и др.

Учитывая изоморфный характер морфологической и словообразовательной парадигм и, следовательно, возможность перенесения характеристик первичной парадигматической структуры на словообразовательную парадигму, автор настоящей статьи выделяет еще одну разновидность деривационной конструкции – дефектную словообразовательную парадигму, в состав которой входят асистемные элементы, или словообразовательные окказионализмы: *любить* – *влюбить*, *возлюбить*, *залюбить*, *залюбить*, *излюбить*, *невзлюбить*, *облюбить*, *отлюбить*, *перелюбить*, *полюбить*, *прилюбить*, *пролюбить*, *разлюбить*; *терпеть* – *вытерпеть*, *дотерпеть*, *недотерпеть*, *перетерпеть*, *потерпеть*, *претерпеть*, *протерпеть*, *стерпеть*, *утерпеть* (ССРЯ) и др.

Существование избыточной словообразовательной парадигмы обусловлено отношениями синонимии словообразовательных формантов в рамках одной комплексной деривационной единицы. Зачастую в синонимические отношения вступают префиксы с семантикой ингрессивной и инхоативной начинательности (*взгрустить* – *загрустить*, *огневаться* – *разгневаться* – *загневаться*, *возрадоваться* – *зарадоваться* – *обрадоваться*), а также с финитивным (*погубить* – *сгубить*, *дотрадать* – *перетрадать*), результативным (*избаловать* – *разбаловать*, *замучить* – *смучить* – *измучить*) и интенсивным

(*набранить – отбранить, выхвалить – захвалить*) значениями (ЭСРЯ). Обнаружение синонимических отношений внутри словообразовательной парадигмы согласно принципу системности сигнализирует о вероятности существования словообразовательной омонимии и антонимии. Так, наличие префиксов с инхоативным и ингрессивным значениями [17] предполагает присутствие словообразовательного форманта с финитивно-результативным семантическим компонентом: *загрустить – отгрустить, забеситься – отбеситься, заплакать – отплакать, взреветь – отреветь, засмеяться – отсмеяться* (ССРЯ) и др. Префикс *за-* со значением начинательности в рамках одной конкретной словообразовательной парадигмы у производных от глаголов *дразнить, хвалить* обнаруживает омоним с семантикой интенсивности.

Учитывая специфику эмотивных глаголов с точки зрения их семантических характеристик, важно отметить, что оценка состояния как положительного или отрицательного оказывает влияние на семантическое наполнение словообразовательной парадигмы. Так, префиксы с финитивным значением зачастую отсутствуют в конкретной словообразовательной парадигме глаголов положительного эмоционального состояния: *блаженствовать – заблаженствовать, поблаженствовать; веселить – взвеселить, возвеселить, повеселить, подвеселить, развеселить, увеселить* (ССРЯ).

Необходимо подчеркнуть, что в структуре производящей единицы может присутствовать деривационный формант – носитель определенного словообразовательного значения, препятствующего привнесению в семантическую структуру деривата однотематических семантических компонентов. Так, в отадективных глаголах типа *грустить, веселеть* суффикс *-е-* выступает носителем значения становления состояния [10], сопряженного с семантикой ингрессивности. В связи с этим, по мнению автора настоящей статьи, включение в структуру производной единицы других временных компонентов значения создаст семантическую перегруженность, что обуславливает обнаружение в составе словообразовательных парадигм подобных единиц одного деривата с префиксом *по-* – носителем одноименного ингрессивного значения [17].

Помимо семантических особенностей, а также словообразовательной структуры производящего компонента, важным значением в вопросах продуктивности словообразовательного типа обладает грамматическая категория возвратности. Если сравнивать количественные характеристики конкретной словообразовательной парадигмы с невозвратными и возвратными (производными от невозвратных) глаголами как вершинами комплексных словообразовательных единиц, то можно отметить их несовпадение. Так, в одних случаях грамматическая категория возвратности создает «благоприятную почву» для словообразования путем префиксации: *дурачить – одурачить, подурачить, продурачить* (3 префиксальных деривата) и *дурачиться – задурачиться, надурачиться, подурачиться, продурачиться, раздурачиться* (5 префиксальных дериватов); *волновать – взволновать, заволновать, переволновать, поволновать, разволновать* (5 префиксальных дериватов) и *волноваться – взволноваться, заволноваться, изволноваться, отволноваться, переволноваться, поволноваться, разволноваться* (7 префиксальных дериватов); *печалить – опечалить* (1 префиксальный дериват) и *печалиться – запечалиться, попечалиться, припечалиться* (3 префиксальных деривата) (ССРЯ). В других случаях возвратность становится препятствием для префиксальной деривации: *мучить – вымучить, домучить, замучить, измучить, намучить, отмучить, перемучить, помучить, примучить, промучить, размучить, смучить, умучить* (13 префиксальных дериватов) и *мучиться – помучиться* (1 префиксальный дериват); *бранить – возбранить, выбранить, забранить, избранить, набранить, отбранить, перебранить, побранить, прибранить, разбранить* (10 префиксальных дериватов) и *браниться – выбраться, забраниться, набраниться, отбраниться, перебраниться, побраниться* (6 префиксальных дериватов); *маять – замаять, измаять, намаять, помаять, промаять, размаять, смаять, умаять* (8 префиксальных дериватов) и *маяться – отмаяться, перемаяться, помаяться, промаяться* (4 префиксальных деривата); *хвалить – восхвалить, выхвалить, захвалить, захвалить, нахвалить, перехвалить, похвалить, подхвалить, прихвалить, расхвалить* (10 префиксальных дериватов) и *хвалиться – дохвалиться, захвалиться, похвалиться, расхвалиться* (4 префиксальных деривата) (ССРЯ). В семантическое поле возвратной единицы постфикс *-ся* вносит собственно-возвратное и взаимно-возвратное значения [10], что сопряжено с лингвопрагматической категорией персонализации. Введение в семантическую структуру деривата со значением лица (субъекта состояния) ограничивает появление некоторых словообразовательных значений, особенно если речь идет о негативном характере эмоции. Из этого следует, что образование от глагола *волноваться* деривата *отволноваться* с финитивным значением носит закономерный характер. И, наоборот, отсутствие в производном ряду с вершиной *маяться* единицы с префиксом *из-* ‘довести до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ [15] в отличие от парадигмы беспостфиксального коррелята *маять*, обусловлено нежеланием субъекта воспринимать крайне негативное эмоциональное состояние.

В ходе анализа состава словообразовательной парадигмы эмотивной глагольной лексики были обнаружены глагольные эмотивы, отличающиеся «словообразовательным бесплодием» [18] в контексте префиксального словопроизводства. Наиболее объективным объяснением данного феномена, по мнению автора настоящей статьи, является восприятие носителем языка подобных глаголов с точки зрения их структуры как сложного морфемного комплекса. У глаголов *удручить*, *соболезновать*, *соблазнить*, *насладиться*, *обожать*, *оскорбить*, *отчаяться*, *предать* первый слог корневой морфемы исторически являлся префиксом (ЭСРЯ). Условная полипрефиксация в отношении данных единиц может привести к неблагозвучию. Важно отметить, что реальная полипрефиксация как словообразовательный феномен в рамках деривации узуальных глагольных эмотивов довольно редко, о чем свидетельствуют количественные показатели обнаруженных полипрефиксальных производных (5 дериватов): *натерпеться* – *понатерпеться*, *утомиться* – *поутомиться*, *нахмурить* – *принахмурить*, *сдуреть* – *посдуреть*, *любить* – *невзлюбить*. В диалектном словообразовании, в свою очередь, наблюдается противоположная тенденция: *зарасплакаться*, *запобаиваться*, *заобзавидовать*, *занедовольничать*, *завыговаривать*, *засокрушиться*, *запожалеть* (СРНГ) и др.

Заключение

Доминирование в лингвистике системного подхода, связанного главным образом с проблемами языковой типологии, обуславливает стремление исследователей к выявлению изоморфизма различных подсистем языка. Результатом поиска подобных соответствий стало введение понятия «словообразовательная парадигма», сформулированного по аналогии с понятием «морфологическая парадигма». Подобие строения и соотношения элементов указанных парадигматических структур ведет к переносу некоторых характеристик, свойственных первичной конструкции, в числе которых можно указать полноту – неполноту, дефектность (включение в структуру словообразовательной парадигмы асистемных элементов) и избыточность (обнаружение синонимичных префиксальных дериватов в рамках конкретной словообразовательной парадигмы).

Качественные и количественные характеристики каждой конкретной словообразовательной парадигмы в пределах одной лексико-семантической группы значительно отличаются и зависят от семантических особенностей (оценки эмоционального состояния), словообразовательной структуры (наличия словообразовательного форманта, препятствующего присоединению префикса однотематической семантики) и грамматических характеристик (категории возвратности) производящей базы. При всей разности конкретных словообразовательных парадигм семантическая близость мотивирующих лексем (отнесение к одной лексико-семантической группе) обуславливает наличие типизированных словообразовательных значений, положенных в основу конструирования инвариантной деривационной структуры – типовой словообразовательной парадигмы. Выделение словообразовательных моделей более высокого уровня абстракции способствует упорядочиванию словообразовательной системы, формированию наиболее объективных представлений о потенциях словообразования в рамках определенной лексико-семантической группы, а также демонстрирует наиболее актуальные для субъекта речетворчества фрагменты внеязыковой действительности.

Сокращения

РГ – *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология* / редкол.: Н. Ю. Шведова [и др.]. М.: Наука, 1980. 789 с.; СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1965–2007. Вып. 1–41; СРЯ – *Ожегов С. И. Словарь русского языка*. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.; ССРЯ – *Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка*: в 2 т. М.: Рус. яз., 1985. 2 т.; СТСРЯ – *Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка*: в 3 т. М.: АСТ, 2006. 3 т.; ТСЖВР – *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. М.: Дрофа, 2011. 4 т.; ЭСРЯ – *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. М.: АСТ, 2004. 4 т.

Библиографические ссылки

1. Лопатин ВВ. Словообразование как объект грамматического описания. В: Шведова НЮ, редактор. *Грамматическое описание славянских языков: концепции и методы*. Москва: Славянские языки; 1974. с. 47–60.
2. Земская ЕА. *Словообразование как деятельность*. Москва: КомКнига; 2005, 224 с.
3. Манучарян РС. Некоторые вопросы сопоставления словообразовательных категорий. В: Солнцев ВМ, редактор. *Проблемы семантики*. Москва: Наука; 1974. с. 65–83.
4. Кубрякова ЕС. О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках. В: Ярцева ВН, редактор. *Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков*. Москва: Наука; 1972. с. 21–34.
5. Манучарян РС. *Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках*. Ереван: Луйс; 1981. 314 с.
6. Тихонов АН. *Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка*. Самарканд: Издательство Самаркандского государственного университета; 1971. 388 с.

7. Кубрякова ЕС, Соболева ПА. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании. В: Григорьев ВП, редактор. *Лингвистика и поэтика*. Москва: Наука; 1979. с. 5–23.
8. Немченко ВН. *Основные понятия словообразования в терминах. Краткий словарь-справочник*. Красноярск: Издательство Красноярского университета; 1985. 204 с.
9. Тихонов АН. *Словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1985. 2 тома.
10. Шведова НЮ, Арутюнова НД, Бондарко АВ, Иванов ВВ, Лопатин ВВ, Улуханов ИС и др., редакторы. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука; 1980. 789 с.
11. Ефремова ТФ. *Современный толковый словарь русского языка*. Москва: АСТ; 2006. 3 тома.
12. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Дрофа; 2011. 4 тома.
13. Ожегов СИ. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1986. 797 с.
14. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: АСТ; 2004. 4 тома.
15. Зализняк АА, Шмелев АД. *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры; 2000. 226 с.
16. Bybee J, Perkins R, Pagliuca W. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press; 1994. 441 p.
17. Татевосов СГ. Множественная префиксация и анатомия русского глагола. В: Киселева КЛ, Плунгян ВА, Рахилина ЕВ, Татевосов СГ, редакторы. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва: Пробел; 2009. с. 92–156.
18. Филипчик ЮР. Особенности образования и функционирования окказиональных производных в коммуникативном пространстве языка. *Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія*. 2020;2:53–59.

References

1. Lopatin VV. [Word-formation as an object of grammatical description]. In: Shvedova NYu, editor. *Grammaticheskoe opisanie slavyanskikh yazykov: kontseptsii i metody* [A grammatical description of Slavic languages: concepts and methods]. Moscow: Slavyanskii yazyki; 1974. p. 47–60. Russian.
2. Zemskaya EA. *Slovoobrazovanie kak deyatelnost'* [Word-formation as an activity]. Moscow: KomKniga; 2005. 224 p. Russian.
3. Manucharyan RS. [Some questions of comparison of word-formation categories]. In: Solntsev VM, editor. *Problemy semantiki* [Semantics problems]. Moscow: Nauka; 1974. p. 65–83. Russian.
4. Kubryakova ES. [On the ratio of paradigmatic and derivational series in Germanic languages]. In: Yartseva VN, editor. *Istoriko-tipologicheskie issledovaniya morfologicheskogo stroya germanskikh yazykov* [Historical and typological studies of the morphological structure of the Germanic languages]. Moscow: Nauka; 1972. p. 21–34. Russian.
5. Manucharyan RS. *Slovoobrazovatel'nye znacheniya i formy v russkom i armianskom yazykakh* [Word-formation meanings and forms in Russian and Armenian languages]. Yerevan: Luis; 1981. 314 p. Russian.
6. Tikhonov AN. *Problemy sostavleniya gnezhdovogo slovoobrazovatel'nogo slovarya sovremennogo russkogo yazyka* [Problems of compiling a nested word-formation dictionary of the modern Russian language]. Samarkand: Samarkand State University Publishing House; 1971. 388 p. Russian.
7. Kubryakova ES, Soboleva PA. [On the concept of paradigm in shaping and word formation]. In: Grigor'ev VP, editor. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka; 1979. p. 5–23. Russian.
8. Nemchenko VN. *Osnovnye ponyatiya slovoobrazovaniya v terminakh. Kratkii slovar'-spravochnik* [Basic concepts of word formation in terms of. Brief dictionary-reference]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House; 1985. 204 p. Russian.
9. Tihonov AN. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka*. [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1985. 2 volumes. Russian.
10. Shvedova NYu, Arutyunova ND, Bondarko AV, Ivanov VV, Lopatin VV, Ulukhanov IS, et al., editors. *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka; 1980. 789 p. Russian.
11. Efremova TF. *Sovremenniy tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: AST; 2006. 3 volumes. Russian.
12. Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Drofa; 2011. 4 volumes. Russian.
13. Ozhegov SI. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1986. 797 p. Russian.
14. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST; 2004. 4 volumes. Russian.
15. Zaliznyak AA, Shmelev AD. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 226 p. Russian.
16. Bybee J, Perkins R, Pagliuca W. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press; 1994. 441 p.
17. Tatevosov SG. [Multiple prefixation and anatomy of the Russian verb]. In: Kiseleva KL, Plungian VA, Rakhilina EV, Tatevosov SG, editors. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike* [Corpus studies in Russian grammar]. Moscow: Probел; 2009. p. 92–156. Russian.
18. Filipchik YuR. [Features of the formation and functioning of occasional derivatives in the communicative space of the language]. *Vestnik Brjesckaga univertsiteta. Seriya 3. Filalogija. Pedagogika. Psihologija*. 2020;2:53–59. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2021.
Received by the editorial board 24.11.2021.

УДК [811.161.3+811.111]'371(045)

ЭКСПЛИКАЦИЯ СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА В АВТОРСКИХ СРАВНЕНИЯХ БЕЛОРУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

А. В. КОВАЛЕНЯ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматривается экспликация степени качества в авторских сравнениях, в которых содержатся образы окружающей среды. Под окружающей понимается как физическая (особенности ландшафта, климатические условия, растительный и животный мир), так и социальная (артефакты, нормы поведения, установленные в обществе, мораль, религия) среда. Выявлена роль образов окружающей среды в экспликации степени качества человека. Источником материала для исследования послужила выборка авторских сравнений из национальных корпусов белорусского и английского языков. Определены основные типы качеств, которые описываются при помощи названий элементов окружающей среды. Выделены тематические категории таких образов, используемых представителями этнокультурных сообществ в сравнениях для экспликации степени качества. Согласно результатам исследования, социальная и физическая среда, в которой живет индивид, оказывает влияние на то, как он членит и воспринимает окружающий мир. Однако авторские сравнения включают в себя лишь те элементы, которые обладают социальной значимостью для представителя культуры. Установлено, что при использовании таких элементов происходит отклонение описываемого качества в отрицательную или положительную сторону. Таким образом, за счет употребления в авторском сравнении подобного образа описываемое качество имеет максимальную или минимальную степень выраженности (например, *ужасно красивый* или *ужасно безобразный*). Выявлено, что основными источниками формирования образов служат такие элементы окружающей среды, как природа, животный и растительный мир, важнейшие исторические события, политические фигуры, герои литературных произведений и фольклора. Результаты исследования позволяют избежать межкультурных конфликтов и наладить успешную коммуникацию с представителями нации в процессе делового общения.

Ключевые слова: качество; оценка; культура; авторские сравнения; белорусский язык; английский язык.

ЭКСПЛІКАЦЫЯ СТУПЕНІ ЯКАСЦІ Ў АЎТАРСКІХ ПАРАЎНАННЯХ БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ

А. В. КАВАЛЕНЯ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарова, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца эксплікацыя ступені якасці ў аўтарскіх параўнаннях, якія ўтрымліваюць вобразы навакольнага асяроддзя. Пад навакольным разумеецца як фізічнае (асаблівасці ландшафту, кліматычныя ўмовы, раслінны і жывёльны свет), так і сацыяльнае (артэфакты, нормы паводзін, устаноўленыя ў грамадстве, мараль, рэлігія) асяроддзе. Вызначана роля вобразаў навакольнага свету ў эксплікацыі ступені якасці чалавека. Крыніцай матэрыяла для даследавання паслужыла выбарка аўтарскіх параўнанняў з нацыянальных карпусоў беларускай і англійскай моў. Вызначаны асноўныя тыпы якасцей, якія апісваюцца пры дапамозе назваў элементаў навакольнага асяроддзя. Выдзелены тэматычныя катэгорыі такіх вобразаў, якія выкарыстоўваюцца прадстаўнікамі этнакультурных супольнас-

Образец цитирования:

Коваленя АВ. Экспликация степени качества в авторских сравнениях белорусского и английского языков. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2022;1:62–69.

For citation:

Kovalenia AV. Explication of the degree of quality in author's comparisons of the Belarusian and English languages. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;1:62–69. Russian.

Автор:

Алесь Валер'евна Коваленя – аспірантка кафедры рэчэвядзення і тэорыі камунікацыі факультэта міжкультурных камунікацый. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. В. Поплавская.

Author:

Alesya V. Kovalenia, postgraduate student at the department of speech science and communication theory, faculty of international communication.
alesya.kovalenya@yandex.by

цей ў параўнаннях для эксплікацыі ступені якасці. Паводле вынікаў даследавання, сацыяльнае і фізічнае асяроддзе, у якім жыве індывід, уплывае на тое, як ён бачыць навакольны свет. Аднак аўтарскія параўнанні ўключаюць у сябе толькі тыя элементы, якія маюць сацыяльную значнасць для прадстаўніка культуры. Устаноўлена, што пры выкарыстанні такіх элементаў адбываецца адхіленне апісваемай якасці ў адмоўны або станоўчы бок. Такім чынам, ужыванне ў аўтарскім параўнанні гэтага вобраза надае якасці максімальную або мінімальную ступень выяўленасці (напрыклад, *жудасна прыгожы* ці *жудасна пачварны*). Выяўлена, што асноўнымі крыніцамі фарміравання вобразаў служаць такія элементы навакольнага асяроддзя, як прырода, жывёльны і раслінны свет, найважнейшыя гістарычныя падзеі, палітычныя фігуры, героі літаратурных твораў і фальклору. Вынікі даследавання дазваляць пазбегнуць міжкультурных канфліктаў і наладзіць паспяховую камунікацыю з прадстаўнікамі нацыі ў працэсе дзелавых зносін.

Ключавыя словы: якасць; ацэнка; культура; аўтарскія параўнанні; беларуская мова; англійская мова.

EXPLICATION OF THE DEGREE OF QUALITY IN AUTHOR'S COMPARISONS OF THE BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

A. V. KOVALENIA^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article examines the explication of the degree of quality in the author's comparisons, which contain images of the environment. The environment is understood as the physical environment (landscape features, climatic conditions, flora and fauna) and social (artefacts, norms of behaviour established in society, morality, religion). The role of environmental images as an explication of quality in the author's comparisons of the Belarusian and English languages is revealed. The research material includes examples of the author's comparisons from the national corpora of the Belarusian and English languages. There have been highlighted the main types of qualities, which are described by using the names of the elements of the environment. Thematic categories of the names of environmental elements in the English and Belarusian languages are highlighted, which are used by representatives of the ethnocultural community in comparisons to explicate the degree of quality. According to the results of the study, the social and physical environment in which an individual lives influences the way he or she perceives the world around him or her. However, the author's comparisons include only those elements that have social significance for a representative of culture. It was found that when a socially significant element of the environment is used in comparison, the described quality deviates to the negative or positive side of the value scale. Thus, due to the use of such an image in the author's comparison, the described quality has a maximum or minimum degree of expression (for example, *terribly handsome* or *terribly ugly*). It was revealed that the main sources of the formation of images are such elements of the environment as nature, representatives of flora and fauna, the most important historical events, political figures, heroes of literary works and folklore. The results of the research obtained will allow avoiding intercultural conflicts and establishing successful communication with representatives of the nation in the process of business communication.

Keywords: quality; grade; culture; author's comparisons; Belarusian language; English.

Введение

Один из основополагающих аспектов познавательной деятельности человека – выделение у объектов и явлений окружающей действительности характерных свойств, качеств. Это подтверждается тем, что категория качества входит в число центральных философских понятий и вызывает большой интерес у лингвистов. Так, античный философ Аристотель говорит о том, что категория качества указывает на определенные свойства предметов. Мыслитель выделяет два типа качеств: постоянные и непостоянные. К постоянным качествам относятся, например, знания и добродетели, к непостоянным – тепло и холод, здоровье и болезни [1]. Согласно Г. Гегелю, для категории качества характерны такие свойства, как некоторая определенность (форма, цвет предмета) и способность изменяться (жара и холод) [2, с. 172]. Так, *мыслящий разум* отличает, по мнению немецкого философа, человека от животного [2]. Ф. Энгельс пишет о том, что категория качества имеет множество градаций (например, оттенки цветов, жесткость и мягкость, долговечность) [3, с. 186]. С. Г. Шляхтенко выделяет следующие способы определения качественной характеристики предмета: через ощущение и восприятие (например, специфический вкус соли), внешнее свойство предметов (способность птиц к полету) и перечисление слагающих его элементов (например, Солнечная система состоит из Солнца и ряда планет) [4, с. 12].

Характеристики предметов или людей эксплицируются прежде всего при помощи качественных прилагательных. Прилагательные выражают общую оценку объекта высказывания как хорошего или плохого, вредного или полезного, красивого или безобразного, характеризуют свойства и состояние человека и животных, а также качества предметов, воспринимаемые органами чувств (например, *тихий, громкий, горький, кислый*) [5; 6].

Кроме того, степень качества предмета выражается за счет использования сравнительной степени прилагательного. Ю. Д. Апресян пишет о том, что существует целый ряд предельных прилагательных, таких как *низкий, узкий, короткий, мелкий*, которые, подобно словам *высота, ширина, длина, глубина*, задают шкалу соответствующего параметра. Норма располагается в центре шкалы, а любое сравнение рассматривается как отклонение от нормы в область ниже нормы – выше нормы: *высокий (низкий) ‘выше (ниже) нормы’* [7, с. 66]. Еще один способ выражения степени качества заключается в использовании наречий и предполагает экспликацию степени качества, во-первых, за счет употребления сравнительной степени (*ярче, быстрее*), во-вторых, при помощи присоединения к наречиям префиксов со значением усиления (*предурачки, предьявольски, сверхударно, архиневверно*) [8, с. 288], в-третьих, посредством добавления наречий с семантикой усиления и интенсивности (*настолько, чрезмерно, катастрофически*) [8, с. 84].

Помимо грамматического способа выражения степени качества, применяется лексический. Экспликация степени качества осуществляется за счет специальных лексических средств с оценочной семантикой (например, *хмырь, обормот, рожжа* и др.) [9, с. 169].

Выделяется также риторический способ выражения степени качества, который предполагает использование метафор, пословиц и поговорок, авторских сравнений. В данном исследовании рассматриваются авторские сравнения как риторический способ экспликации степени качества.

В настоящее время наблюдается отчетливая тенденция объяснять многие явления человеческой цивилизации как результат воздействия окружающей среды [10, с. 270]. С этой точки зрения ее влияние отражается и в языке. Более того, сопоставление языковых единиц позволяет объяснить причину, по которой название определенного элемента используется в том или ином языке. Американский лингвист Э. Сепир выделяет два типа среды. В понятие физической среды входят географические особенности, например топография страны, климат, флора, фауна, минеральные ресурсы и др. [10, с. 271]. Социальная среда включает в себя разнообразные общественные факторы, которые формируют образ жизни и мышление каждого отдельного индивида. Среди наиболее важных социальных факторов выделяются религия, мораль, формы политической организации общества и искусство [10, с. 271]. В любом языке находят отражение обе среды, однако физическая среда реализуется в языке только через социальную, так как любое явление действительности может быть использовано в качестве обозначающего символа только в том случае, если оно является значимым для представителей народа [10, с. 272].

В каждом языке существуют сравнения, которые являются художественным сопоставлением одного предмета с другими и придают описанию изобразительность [11, с. 85]. Сравнения могут быть общеязыковыми и авторскими. Наибольший интерес представляют последние, поскольку они отражают быт и элементы окружающей среды, в которой живет представитель культуры. И. В. Арнольд говорит о том, что для интерпретации намерений автора необходимо знать литературный, культурный, социальный и политический контекст эпохи [12, с. 29]. Источниками авторских образов могут быть природа, искусство, война, сказки, мифы, наука и др. [13, с. 73]. Предполагается, что определенные образы авторских сравнений непосредственно отражают ту среду, в которой живет индивид, и посредством таких образов проявляется национально-культурная специфика народа.

Б. В. Томашевский выделяет элементы структуры сравнения: предмет (то, что сравнивается), образ (то, с чем сравнивается) и признак (на основании чего происходит сравнение) [14, с. 209]. Сравнение может быть выражено словом, словосочетанием, сравнительным оборотом, придаточным или самостоятельным предложением, а также сложным синтаксическим целым [15, с. 141]. И. Р. Гальперин выделяет обычные (англ. *comparison*) и стилистические (англ. *simile*) сравнения. Обычное сравнение предполагает отождествление двух объектов, которые принадлежат к одному классу вещей, в целях установления их сходства или различия (*the boy seems to be as clever as his mother* ‘мальчик кажется таким же умным, как и его мать’). Стилистическое сравнение заключается в сравнении двух объектов разных классов (*maidens like moths* ‘девушки как мотыльки’) [16, с. 153].

В основе сравнения (сопоставления) предмета или человека с некоторым объектом лежит какое-либо качество (например, красота или уродство, доброта или злость). По мнению автора настоящей статьи, за счет сравнения человека или предмета с каким-либо образом, который имеет культурную ценность и значимость, описываемое качество приобретает максимальную степень выраженности и в зависимости от ассоциаций, которые возникают у представителей этнокультурного сообщества, может быть положительным или отрицательным.

Авторские сравнения, как риторический способ описания степени качества, представляют собой актуальную область исследования, поскольку в результате сопоставления нескольких языков выявляется национально-культурная специфика народа. Цель настоящего исследования – выявить и описать особенности использования авторских сравнений для экспликации степени качества в белорусском и английском языках. Сопутствующие задачи заключаются в выявлении образов окружающей среды, которые используются представителями культуры в сравнениях при описании какого-либо качества, и в выделении ключевых концептов рассматриваемых культур.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужила выборка авторских сравнений из национальных корпусов белорусского и английского языков. В ходе исследования анализировались авторские сравнения, относящиеся к двум крайним точкам оценочной шкалы и предполагающие определенный предел выраженности признака, т. е. высшую и низшую степень интенсификации [17, с. 48–49]. Метод исследования – контент-анализ. Каждое авторское сравнение выражает определенную оценку. Выделяются следующие компоненты оценки: субъект, предмет, характер и основание [18, с. 13]. Под предметом оценки понимаются те объекты, которым приписываются ценности. Характер оценки определяется квалификацией предмета как хорошего, плохого или безразличного либо установлением превосходства одного предмета над другим [17, с. 21]. Основание оценки позволяет выяснить, с точки зрения чего производится сравнение. Е. М. Вольф под субъектом оценки понимает «лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка» [17, с. 68]. Таким образом, оценка за счет использования в сравнении культурно значимого образа квалифицирует объект высказывания как максимально плохой или хороший. В данном исследовании анализировались авторские сравнения, которые описывают качества человека: его внешний вид (красота – уродство), внутренние качества (доброта – злость), внутреннее состояние (радость – горе).

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования были проанализированы 332 авторских сравнения в белорусском языке и 351 авторское сравнение в английском языке. Результаты исследования позволяют выделить следующие группы качеств:

- **внешний вид человека:** бел. *вочы, як у хвораі каровы* (БНК); *дзяўчына, як маліна* (БНК); *жанчына за сорака, пульхная, нібы прысыпаная попелам, яна нагадвала бісквіт у цукровай пудры* (БНК); англ. *eyes like wet grapes* (BNC) ‘глаза, как влажный виноград’; *face like a dead potato* ‘лицо, как сгнившая картошка’ (BNC);

- **поведение, характер человека:** бел. *хлопчык, як вясёлка* (БНК); *ты, як восеньская муха, сіл не маеш, але гудзіш* (БНК); англ. *behave like wolves and look like dogs* ‘выглядеть как собаки, но вести себя по-волчьи’ (BNC); *you are a Peter Pan* ‘ты как Питер Пэн’ (BNC);

- **умственные способности:** бел. *дурная ты, як стоптаны бот* (БНК); англ. *smart as two brass buttons* ‘умен, как две медные кнопки’ (BNC); *clever as king Solomon* ‘умен, как царь Соломон’ (BNC);

- **сила:** бел. *дужы, як Ілля Мурамец* (БНК); англ. *strong as railway porter* ‘силен, как железнодорожный грузчик’ (BNC).

Доля авторских сравнений, которые описывают внешность человека, составляет 66,0 % в белорусском языке и 43,6 % в английском языке; доля авторских сравнений, которые описывают характер, – 18,0 и 30,8 % соответственно; доля авторских сравнений, которые описывают интеллектуальные способности, – 10,0 и 15,4 % соответственно; доля авторских сравнений, которые описывают силу, – 6,0 и 10,2 % соответственно. Полученные данные позволяют говорить о преобладании как в белорусском, так и в английском языках авторских сравнений, которые характеризуют внешние параметры человека. Использование определенных образов придает описываемым качествам как максимально положительную, так и максимально отрицательную выраженность. Интенсификация качества зависит от того, какие ассоциации с объектом сопоставления возникают у представителя этнокультурного сообщества.

Проведенное исследование позволяет выделить ряд закономерностей и особенностей в экспликации степени качества при помощи авторских сравнений в белорусском и английском языках. Среди общих закономерностей выделяется использование названий небесных светил и астрономических объектов. Так, например, образ солнца ассоциируется с теплом и красотой: бел. *тварык – як сонейка яснае* (БНК); *як сонейка, ты і грэеш, ты і свеціш* (БНК); *усмешка, як сонейка* (БНК); англ. *like the sun peering from behind a cloud, Arty began to brighten and beam again* ‘как солнце, выглядывающее из-за облака, Арти снова начал светиться и сиять’ (BNC); *like the sun his blazing hair* ‘как солнце его пылающие волосы’ (BNC); образ луны – с красотой: бел. *уся як месяц у зімнім гаю* (БНК); англ. *Bathsheba shone like the*

moon on a dark night ‘Батшеба сияла, как луна в темную ночь’ (BNC); *he said that Fatima’s beauty was like the moon and the stars* ‘он сказал, что красота Фатимы была подобна луне и звездам’ (BNC). Однако в белорусском языке образ луны ассоциируется также с сильным одиночеством и бледностью: бел. *як месяц бледны, бела* (БНК); *адзінокі, як месяц над нівамі* (БНК). Примечателен также образ звезды: бел. *асвяціў жыццё мае, як зорка; недасягальная, як зорка* (БНК); *чароўная, як зорка* (БНК); англ. *her little gold necklace twinkling like a star round her neck* ‘ее маленькое золотое ожерелье, мерцающее, как звезда, на ее шее’ (BNC); *each with a jewel in his forehead like a star* ‘каждый с драгоценным камнем во лбу, как звезда’ (BNC); *his gaze is like a star* ‘его взгляд похож на звезду’ (BNC). Как в белорусском, так и в английском языках образ звезды ассоциируется с яркостью и красотой. Со звездой сравниваются красивые глаза, улыбка или человек в целом, а также яркий блеск предмета. В белорусском языке в 44 % случаев образ звезды ассоциируется также с чем-то недостижимым.

Еще одна закономерность наблюдается в использовании образов растений. Так, молодые деревья и зеленые ягоды ассоциируются с молодостью и глупостью, а распустившиеся цветы символизируют расцвет красоты: бел. *пані выглядае нібы ружа ў поўным квеце* (БНК); *дурны, як колас няспелы* (БНК); *малады, як дубок у полі* (БНК); англ. *she’s like a tulip about to blossom* ‘она как тюльпан, который вот-вот распустится’ (BNC); *she’s like a rose that’s forever in bloom* ‘она как роза, что вечно цветет’ (BNC). Следует отметить, что в английском языке авторские сравнения с образами распустившихся цветов составляют 78 %, с образами зеленых деревьев – 16 %, с образами пустых зерен, которые символизируют отсутствие ума, – 6 %.

Проанализированные авторские сравнения позволяют говорить о том, что сопоставление одного предмета с другим во многих случаях имеет национально-культурную природу. Специфика определенной культуры в авторских сравнениях соотносится с понятием культурного кода, который Р. Барт определяет как код человеческих знаний («общественных представлений, общественных мнений»), «вписывающий» каждое конкретное высказывание в пространство культуры [19, с. 459]. Соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации [19], которая придает авторским сравнениям культурно-значимую маркированность.

В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, так как слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину [20, с. 55]. Приведенные примеры художественного сопоставления в произведениях белорусских авторов свидетельствуют о том, что писатели используют в качестве источников для образов элементы окружающей среды (например, *вясновыя ручайкі, клён у сакавіку, васількі, галінка бэзу, выгараная на сонцы пшаніца, бярозка, пушчанскі зубр, тур* и др.). В английских источниках подобные примеры отсутствуют, поскольку названные предметы окружающей среды либо не существуют там, где живет автор, либо не вызывают интереса у этнокультурного сообщества. Зато в английских источниках упоминаются в сравнениях такие элементы, как *ploughed field* ‘вспаханное поле’ (BNC); *a huge fountain of water gushed a hundred feet into the air* ‘огромный фонтан в сто фунтов воды хлынул в воздух’ (BNC); *a long drive down desert* ‘долгий путь по пустыне’ (BNC) и др.¹

Каждый образ, входящий в состав авторского сравнения, имеет в культуре свои ассоциации и негативную либо положительную коннотацию. Соответственно, эти же качества приписываются объекту, с которым проводится сравнение. В каждом из рассматриваемых языков есть примеры, которые являются типичными только для определенной общности. Они отражают ключевые понятия и человеческие качества, превалирующие в культуре. Среди рассмотренных авторских сравнений выделяется семь тематических категорий, представленных на рис. 1.

Тематическая группа «животный мир» включает в себя 136 авторских сравнений, группа «растительный мир» – 132 авторских сравнения, группа «войны» – 44 авторских сравнения, группа «реки и озера» – 9 авторских сравнений, группа «выпечка» – 6 авторских сравнений, группа «Чернобыль» – 5 авторских сравнений. В тематическую группу «разное» входят те авторские сравнения, которые представлены менее чем четырьмя единицами и не относятся ни к одной из перечисленных тематических групп (например, сравнения с белорусскими учеными, представителями соседних стран, персонажами фильмов, предметами одежды). Войны, взрыв на Чернобыльской атомной электростанции нашли свое отражение в следующих авторских сравнениях: бел. *вочы, як у тых чарнобыльскіх дзяцей* (БНК); *а вочы, як агні на далёкай лініі* (БНК); *быццам немец хлеб адбівае* (БНК); *мы, беларусы, цяпер не толкі дзеці хатыньскія, но і хірасімска* (БНК); *дзеінічае, як на фронце* (БНК); *глядзіш, як Гітлер* (БНК) и др.

¹В Англии нет пустынь. Возможно, колонизация Великобританией стран с подобными географическими условиями обусловила создание образов для авторских сравнений.

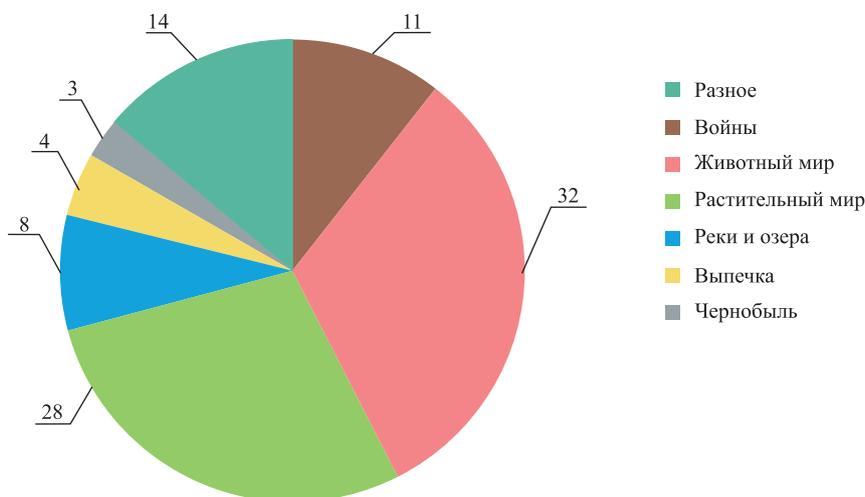

Рис. 1. Тематика авторских сравнений в белорусском языке, %
Fig. 1. Subjects of author's comparisons in the Belarusian language, %

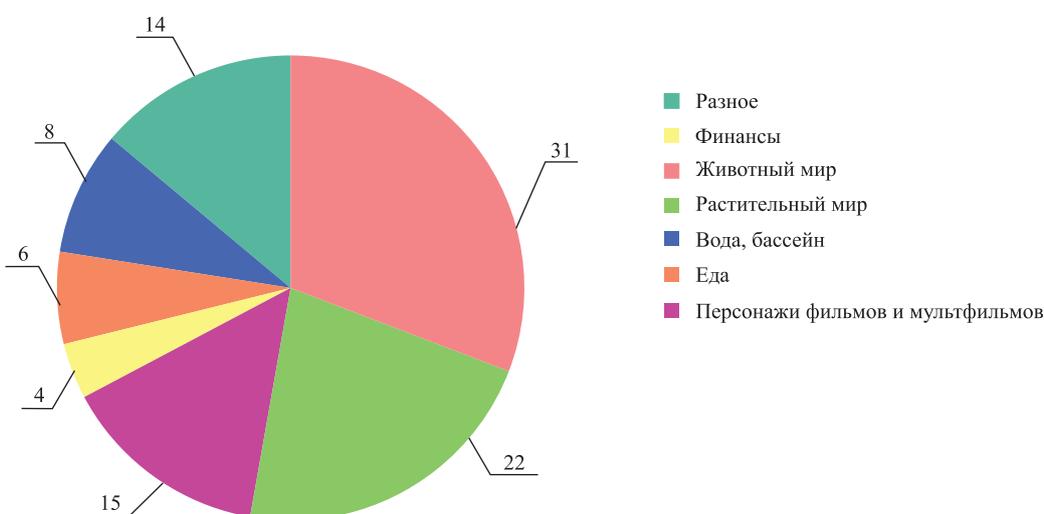

Рис. 2. Тематика авторских сравнений в английском языке, %
Fig. 2. Subjects of author's comparisons in English, %

Проанализированные авторские сравнения позволяют выделить такие ключевые качества белорусской культуры, как терпимость, гостеприимство и миролюбие.

В англоязычных источниках также были выделены семь ключевых категорий, представленных на рис. 2.

Тематическая группа «животный мир» включает в себя 133 авторских сравнения, группа «растительный мир» – 124 авторских сравнения, группа «персонажи фильмов и мультфильмов» – 64 авторских сравнения, группа «финансы» – 14 авторских сравнений, группа «вода, бассейн» – 9 авторских сравнений, группа «еда» – 7 авторских сравнений. В тематическую группу «Разное» входят те авторские сравнения, которые представлены менее чем четырьмя единицами и не относятся ни к одной из перечисленных тематических групп (например, сравнения с представителями определенной профессии, политическими деятелями или с какими-либо предметами): *he was like a boat without a rudder, drifting aimlessly in a river* 'он был как лодка без руля, бессмысленно плывущая по реке' (BNC). В английских источниках встречаются авторские сравнения, в которых фигурируют имена известных политических фигур или представителей королевской семьи. Например, имя Меган Маркл (*Meghan Markle*) стало нарицательным и используется в авторских сравнениях для описания человека со здоровым эгоизмом, который ценит себя и готов покинуть в любой момент мероприятие, если чувствует, что ему там не рады: *You behave like Meghan Markle!* 'Ты ведешь себя как Меган Маркл!' (CED); *I'd better Meghan Markle than staying in this loveless work marriage* 'Лучше я буду меганмарклить, чем останусь на этой неблагодарной работе' (CED). Проанализированные авторские сравнения позволяют выделить такие ключевые качества английской культуры, как независимость, сила и свобода.

Заключение

В английском и белорусском языках преобладают авторские сравнения, содержащие тематические компоненты растительного или животного мира. В каждом из рассматриваемых языков есть ряд названий элементов окружающей среды, которые характерны для определенного этнокультурного сообщества. Например, в белорусской культуре такими элементами являются образы растительного мира: *малина, сирень, береза, клен, тиеница, васильки*. Кроме того, в белорусском языке в авторских сравнениях встречаются уникальные образы: *Франциск Скорина, Франциск Богушевич, Тадеуш Костюшко* и др. Их уникальность заключается в том, что эти имена и образы широко известны в Беларуси. В других языках они либо не встречаются, либо употребляются крайне редко (3 %). В английском языке в тематической группе «Растительный мир» преобладают такие образы, как *лилия* и *виноград*. Среди уникальных образов встречаются такие, как *Меган Маркл, королева Елизавета, король Артур* и др., и это подтверждает тот факт, что в сравнениях используются компоненты, которые характерны для определенной местности. Носитель языка имеет возможность накапливать информацию о том, что он видит на протяжении длительного времени. Из поколения в поколение передаются знания о важных исторических событиях и политических деятелях, соблюдаются определенные традиции. Все это не может не отразиться в языке. Имея четкое представление об элементах окружающей среды, индивид переносит их качества на другие предметы, в том числе на человека. Проявление многих качеств личности ассоциируется с социальными ролями, характерными для определенного этапа исторического развития культуры. Например, трудолюбивая женщина в белорусской культуре ассоциируется с крестьянкой, в английской – с женой фермера. Таким образом, в авторских сравнениях для экспликации степени качества элементы окружающей среды (как физические, так и географические) проявляются в комплексе. При использовании в сравнении социально значимого элемента окружающей среды происходит отклонение описываемого качества в отрицательную или положительную сторону шкалы интенсификации качества.

Сокращения

БНК – Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://bnkcorpus.info/> (дата обращения: 04.03.2021) ; **BNC** – British National Corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 18.03.2021) ; **CED** – Collins English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 20.02.2021).

Библиографические ссылки

1. Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Категории*. Минск: Литература; 1998. 1392 с.
2. Гегель Г. *Сочинения. Том 1. Логика*. Деборин А, редактор. Москва: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса; 1929. 369 с.
3. Энгельс Ф. *Диалектика природы*. Москва: Госполитиздат; 1941. 338 с.
4. Шляхтенко СГ. *Категории качества и количества*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1968. 144 с.
5. Арутюнова НД. *Предложение и его смысл*. Москва: Наука; 1988. 383 с.
6. Арутюнова НД. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука; 1988. 341 с.
7. Апресян ЮД. *Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Языки русской культуры; 1995. 472 с. Совместно с издательством «Восточная литература».
8. Виноградов ВВ. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Золотова ГА, редактор. Москва: Русский язык; 2001. 720 с.
9. Норман БЮ. *Теория языка. Вводный курс*. Москва: Флинта; 2003. 296 с. Совместно с издательством «Наука».
10. Сепир Э. *Язык и среда*. В: Кибрик АЕ, редактор. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Прогресс; 1993. с. 270–284. (Филологи мира).
11. Голуб ИБ. *Секреты стилистики. Правила хорошей речи: справочное издание*. Москва: КноРус; 2016. 192 с.
12. Арнольд ИВ. *Стилистика. Современный английский язык*. Голуб ИВ, редактор. Москва: Флинта; 2002. 384 с. Совместно с издательством «Наука».
13. Зарецкий ВА. Образ как информация. *Вопросы литературы*. 1963;2:71–91.
14. Томашевский БВ. *Стилистика и стихосложение: курс лекций*. Ленинград: Учпедгиз; 1959. 537 с.
15. Арутюнова НД. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры; 1999. 896 с.
16. Гальперин ИР. *Стилистика английского языка*. Москва: Либроком; 2010. 336 с.
17. Вольф ЕМ. Прилагательное в тексте. В: Григорьев ВП, редактор. *Лингвистика и поэтика*. Москва: Наука; 1979. с. 118–135.
18. Вольф ЕМ. *Функциональная семантика оценки*. Москва: Едиториал УРСС; 2002. 280 с.
19. Барт Р. *Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По*. В: Косиков ГК, редактор. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989. с. 413–423.
20. Маслова ВА. *Лингвокультурология*. Москва: Академия; 2001. 298 с.

References

1. Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Categories]. Minsk: Literatura; 1998. 1392 p. Russian.
2. Hegel G. *Sochineniya. Tom 1. Logika* [Works. Volume 1. Logic]. Deborin A, editor. Moscow: Institut K. Marksa i F. Engel'sa; 1929. 369 p. Russian.
3. Engels F. *Dialektika prirody* [Dialectics of nature]. Moscow: Gospolitizdat; 1941. 338 p. Russian.
4. Shlyakhtenko SG. *Kategorii kachestva i kolichestva* [Quality and quantity categories]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1968. 144 p. Russian.
5. Arutyunova ND. *Predlozhenie i ego smysl* [The proposal and its meaning]. Moscow: Nauka; 1988. 383 p. Russian.
6. Arutyunova ND. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic values. Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka; 1988. 341 p. Russian.
7. Apresyan YuD. *Izbrannye trudy. Tom 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works. Volume 1. Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1995. 472 p. Co-published by the «Vostochnaya literatura». Russian.
8. Vinogradov VV. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Zolotova GA, editor. Moscow: Russkii yazyk; 2001. 720 p. Russian.
9. Norman BYu. *Teoriya yazyka. Vvodnyi kurs* [Language theory. Introductory course]. Moscow: Flinta; 2003. 296 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
10. Sapir E. [Language and environment]. In: Kibrik AE, editor. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow: Progress; 1993. p. 270–284. (Filologi mira). Russian.
11. Golub IB. *Sekrety stilistiki. Pravila khoroshei rechi: spravocnoe izdanie* [Stylistics secrets. Good speech rules: reference publication]. Moscow: KnoRus; 2016. 192 p. Russian.
12. Arnold IV. *Stilistika. Sovremenniy angliiskii yazyk* [Stylistics. Modern English]. Golub IV, editor. Moscow: Flinta; 2002. 384 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
13. Zaretskii VA. [Image as information]. *Voprosy literatury*. 1963;2:71–91. Russian.
14. Tomashevskii BV. *Stilistika i stikhoslozhenie: kurs lektsii* [Stylistics and versification: a course of lectures]. Leningrad: Uchpedgiz; 1959. 537 p. Russian.
15. Arutyunova ND. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and world of man]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1999. 896 p. Russian.
16. Gal'perin IR. *Stilistika angliiskogo yazyka* [Stylistics of the English language]. Moscow: Librokom; 2010. 336 p. Russian.
17. Vol'f EM. [Adjective in the text]. In: Grigor'ev VP, editor. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka; 1979. p. 118–135. Russian.
18. Vol'f EM. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of assessment]. Moscow: Editorial URSS; 2002. 280 p. Russian.
19. Barthes R. [Textual analysis of one novel by Edgar Poe]. In: Kosikov GK, editor. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress; 1989. p. 413–423. Russian.
20. Maslova VA. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya; 2001. 298 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.12.2021.
Received by the editorial board 02.12.2021.

ДИСКУССИИ

ДЫСКУСІІ

DISCUSSIONS

УДК 811.161.3'27+811.161.1'27

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАСЯНКИ: ПО ИТОГАМ ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ПРОЕКТА

С. Н. ЗАПРУДСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы идентификации трасянки в связи с существующим о ней научным дискурсом, прежде всего в соотнесении с итоговой статьей «Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской “трасянки”» руководителя ольденбургского проекта по исследованию белорусско-русской смешанной речи Герда Хентшеля. Обсуждаются используемая в рамках данного исследовательского направления терминология, дефиниции трасянки, проблема времени возникновения данного феномена, методы его изучения. На завершающей стадии проекта был изменен ключевой термин (вместо слова «трасянка» стало использоваться выражение «белорусско-русская смешанная речь»), что имело неоднозначные последствия ввиду чрезмерной широты последнего понятия. В процессе разработки собственно лингвистической части проекта не ставилась задача дать общую дефиницию трасянки, что сузило эвристический потенциал этой части проекта. Постулированию зарождения трасянки в XVIII в. препятствует как отсутствие надежных сведений об устной белорусской речи в конце XVIII – XIX в., так и другие методологические затруднения, связанные с тем обстоятельством, что на протяжении этого и последующего времени белорусский язык не имел стабильной формы и пребывал в постоянной динамике. Само определение некоей разновидности белорусской речи как смешанной научным сообществом или какой-либо значительной частью социума могло появиться не ранее утверждения дискурса о литературных языках с присущим ему понятием нормы, возникновения и социализации дисциплины «Культура речи», а также более или менее развитого национального самосознания. В процессе разработки методов лингвистической квалификации фактического языкового материала при помощи квантитативной методологии (что само по себе явилось очевидным достижением проекта) проблемным моментом стала необходимость одновременного и «инклюзивного»

Образец цитирования:

Запрудский С.Н. Некоторые проблемные вопросы изучения трасянки: по итогам ольденбургского проекта. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;1:70–92.

For citation:

Zaprudski S.M. Some problematic issues of the study of trasyanka: some results of the Oldenburg project. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;1:70–92. Russian.

Автор:

Сергей Николаевич Запрудский – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета.

Author:

Siarhiej M. Zaprudski, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
zaprudski@gmail.com

учета всех главных параметров, имеющих отношение к разным языковым уровням. Квалификация языкового материала была проведена в значительной мере с опорой на существующие нормативные и, как следствие, идеологизированные представления о белорусском языке и в целом не в полной мере сочеталась с социологической частью проекта. По разным причинам полноценная экспертиза социологической части проекта со стороны белорусских лингвистов в настоящее время едва ли возможна.

Ключевые слова: трасянка; смешанная речевая разновидность; научный дискурс о трасянке; языковой контакт; белорусский язык; русский язык.

НЕКАТОРЫЯ ПРАБЛЕМНЫЯ ПЫТАННІ Вывучэння ТРАСЯНКІ: ПА ВЫНІКАХ АЛЬДЭНБУРГСКАГА ПРАЕКТА

С. М. ЗАПРУДСКІ^{1}*

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

У артыкуле разглядаюцца праблемы ідэнтыфікацыі трасянкi ў сувязі з існуючым пра яе навуковым дыскурсам, перш за ўсё ў сьвядзенні да выніковага артыкула «Адзінаццаць пытанняў і адказаў наконт беларускай “трасянкi”» кіраўніка альдэнбургскага праекта па даследаванні беларуска-рускага змешанага маўлення Герда Генцэля. Абмяркоўваюцца выкарыстоўваемая ў рамках дадзенага даследчага напрамку тэрміналогія, дэфініцыі трасянкi, праблема часу ўзнікнення гэтага феномена, метады вивучэння. На завяршальнай стадыі праекта быў зменены ключавы тэрмін (замест слова «трасянка» стаў выкарыстоўвацца выраз «беларуска-рускае змешанае маўленне»), што мела неадназначны наступствы з прычыны таго, што апошнія паняцце значна шырокае. У працэсе распрацоўкі ўласна лінгвістычнай часткі праекта не ставілася задача выпрацаваць агульную дэфініцыю трасянкi, што звязала з урыстычны патэнцыял гэтай часткі праекта. Пастуліраванню зароджэння трасянкi ў XVIII ст. перашкаджае як адсутнасць надзейных звестак аб вуснай беларускай мове ў канцы XVIII – XIX ст., так і іншыя метадалагічныя цяжкасці, звязаныя з той акалічнасцю, што на працягу гэтага і наступнага часу беларуская мова не мела стабільнай формы і знаходзілася ў пастаяннай дынаміцы. Само вызначэнне нейкай разнавіднасці беларускага маўлення як змешанага навуковай супольнасцю ці якой-небудзь значнай часткай грамадства магло з’явіцца не раней замацавання дыскурсу аб літаратурных мовах з уласцівым яму паняццем нормы, узнікнення і сацыялізацыі дысцыпліны «Культура маўлення», а таксама больш ці менш развітай нацыянальнай самасвядомасці. У працэсе распрацоўкі метадаў лінгвістычнай кваліфікацыі фактычнага моўнага матэрыялу пры дапамозе квантытатыўнай метадалогіі (што само па сабе з’явілася відавочным дасягненнем праекта) праблемным момантам стала неабходнасць адначасовага і «інклюзіўнага» ўліку ўсіх галоўных параметраў, якія маюць дачыненне да розных моўных узроўняў. Кваліфікацыя моўнага матэрыялу была праведзена ў значнай меры з апорай на існуючыя нарматыўныя і, як вынік, ідэалагізаваныя ўяўленні аб беларускай мове і ў цэлым не ў поўнай меры спалучалася з сацыялагічнай часткай праекта. З розных прычын паўнацэнная экспертыза сацыялагічнай часткі праекта з боку беларускіх лінгвістаў цяпер наўрад магчымая.

Ключавыя словы: трасянка; змешаная маўленчая разнавіднасць; навуковы дыскурс аб трасянцы; моўны контакт; беларуская мова; руская мова.

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF THE STUDY OF TRASYANKA: SOME RESULTS OF THE OLDENBURG PROJECT

S. M. ZAPRUDSKI^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article deals with problems of the identification of trasyanka with regard to the existing discourse, primarily in connection with the concluding article «Eleven questions and answers about the Belarusian-Russian mixed speech (“Trasyanka”))» published by Gerd Hentschel, head of the Oldenburg project for the study of the Belarusian-Russian mixed speech. Terminology used in the area of research, definitions of trasyanka, the problem of its coming into existence, as well as research methods are discussed. At the final stage of the project the key term was changed. The term «trasyanka» was replaced with the expression «Belarusian-Russian mixed speech» which had some dubious results since the latter concept is too broad. The object of producing a common definition of trasyanka was not set during the development of the

linguistic part of the project, which narrowed the heuristic potential of this part. The postulated emergence of trasyanka in the 18th century, which is rightly disputed by the leader of the Oldenburg project, raises doubts due to the lack of reliable information about the Belarusian language as used at the end of the 18th – 19th century, and by other methodological difficulties associated with the fact that Belarusian language did not have a stable form and was found in permanent dynamics during this and especially subsequent periods. The very definition of a certain type of the Belarusian speech as a mixed one given by either the scientific community or any significant social group could appear no earlier than the establishment of a discourse on literary languages with its inherent concept of norm, the emergence and socialisation of the culture of speech discipline, as well as a more or less developed national consciousness. In the process of developing methods for the linguistic qualification of the language material by means of the quantitative methodology, which by itself was an obvious achievement of the project, the necessity to take into account – simultaneously and «inclusively» – all main parameters related to different language levels became a problematic aspect. The qualification of the language material was largely based on the existing normative and, as a result, ideologised representations of the Belarusian language and as such was not fully adapted to the sociological part of the project. At present, due to a variety of reasons, a complete exploration of the sociological part of the project by Belarusian linguists is hardly possible.

Keywords: trasyanka; mixed speech variety; scientific discourse about trasyanka; language contact; Belarusian language; Russian language; Oldenburg project on the Belarusian-Russian mixed speech; Gerd Hentschel.

Введение

Изучение трасянки не имеет давней традиции. Первые публикации по данной теме появились только в 1990-х гг., и из них следовало, что данное явление оказалось для белорусских гуманитариев весьма непростым [1; 2]. Исследование языкового контакта и двуязычия в Беларуси разворачивается медленно [3]. Белорусские лингвисты преуспели в исследовании диалектологии, однако традиционное изучение диалектной речи на основе записей тщательно подобранных образцовых информантов категорически отличается от присущего так называемой городской диалектологии исследования варьирования в речи носителей неканонических разновидностей языка, живущих в режиме «разноречия» (термин М. Бахтина). В Беларуси нет ни одного научного или учебного учреждения, в котором исследование трасянки проводилось бы каким-либо коллективом ученых в качестве отдельного планового задания. По сей день этот противоречивый феномен исследуется в результате немногочисленных инициатив отдельных ученых. Количество специально посвященных трасянке и напечатанных в Беларуси статей отечественных авторов едва превышает десяток [1; 4–8]. Существенным недочетом белорусских работ по трасянке является недостаточное обращение к фактическому материалу. По мнению рецензента одной из книг по трасянке и суржику Д. Штерна, уже пришло время исследовать эти феномены с использованием полевых записей, предпочитая «здоровой научной интуиции и неправдоподобному наблюдению тщательные эмпирические исследования»¹ [9, с. 133].

Иначе выглядит ситуация в Германии, где в Ольденбурге с 2008 по 2014 г. под руководством профессора Ольденбургского университета Герда Хентшеля разрабатывался поддержанный фондом «Фольксваген» исследовательский проект «Трасянка в Беларуси – “смешанная разновидность” как продукт белорусско-русского языкового контакта: языковое структурирование, социологическая идентификация механизмов и социальная экономия языка». Уже в первых своих публикациях Г. Хентшель обратил внимание на недостаток в Беларуси эмпирических исследований [10, с. 85]. Собственно, в основе данного проекта в значительной мере лежало стремление уйти от оценочности и некоего экспрессионизма в научном исследовании. Для достижения этой цели был избран количественный подход. За время проведения проекта его участниками были опубликованы около 80 статей, 3 сборника [11–13], 3 монографии [14–16]. Параллельно лингвистическому проводилось социологическое исследование, вышедшее в свет в 2018 г. [17]. Сам Г. Хентшель в 2006–2018 гг. опубликовал (в ряде случаев в соавторстве) по рассматриваемой теме 37 статей (11 из которых вышли в Беларуси), был соавтором 2 монографий и редактором 3 сборников. Важным достижением проекта является наличие собранного в процессе полевой работы языкового материала, представленного в виде корпуса².

Многие статьи белорусских авторов 2008–2014 гг. были написаны под влиянием ольденбургского проекта. Г. Хентшель стимулировал активность первых белорусских исследователей трасянки – Г. Цыхуна и Н. Мечковской, а также привлек к изучению данного феномена новых ученых (ср., напри-

¹Здесь и далее перевод наш. – С. 3.

²Hentschel G., Zeller J. P., Tesch S. Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede. OK-WRGR [Electronic resource]. URL: www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr (date of access: 12.01.2022) ; Хентшель Г., Целлер Я. П., Теш С. Ольденбургский корпус белорусско-русской смешанной речи. ОК-БРСР. Документация [Электронный ресурс]. URL: http://oops.uni-oldenburg.de/2629/1/HentschelZellerTesch_2016_OK-BRSR.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

мер, [1; 2; 6; 8; 18–23]). В 2007 и 2011 гг. в Ольденбурге были проведены две конференции, материалы первой из них изданы в 2014 г. [13]. В Германии в 2013 г. как отдельный номер журнала «Studia Slavica Oldenburgensia» был опубликован сборник статей Г. Цыхуна «Исследования о “трасянке”» («Штудыі пра “трасянку”») с предисловием Г. Хентшеля [24]³.

В сентябре 2014 г. на Супруновских чтениях в Минске в отсутствие автора был оглашен доклад Г. Хентшеля «Белорусско-русская смешанная речь (“трасянка”): восемь вопросов и ответов» [25], который на чтениях не обсуждался. Этот доклад в существенно дополненном и доработанном виде был опубликован в 2017 г. под названием «Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской “трасянки”» (далее – «Одиннадцать вопросов и ответов...») на английском языке в журнале «Russian Linguistics» [26]. Затем в том же году (с небольшими изменениями по сравнению с англоязычной версией) доклад вышел в свет на русском языке в московском журнале «Русский язык в научном освещении» [27].

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» обсуждаются следующие вопросы⁴:

- 1) когда возникла трасянка?;
- 2) как появилась трасянка и как происходит процесс ее усвоения?;
- 3) является ли трасянка формой речи малообразованных людей?;
- 4) есть ли у трасянки что-либо общее с пиджинами, креольскими или другими «смешанными языками»?;
- 5) является ли трасянка примером переключения кодов (*code-switching*), смешения кодов (*code-mixing*) или смешанного кода (*fused lect*)?;
- 6) есть ли у трасянки узус или узусная норма?;
- 7) можно ли отличить трасянку на белорусской основе от трасянки на русской основе?;
- 8) является ли трасянка белорусским или русским диалектом?;
- 9) можно ли описывать трасянку через классические концепты диглоссия и билингвизм?;
- 10) представляет ли собой трасянка временное явление в сдвиге от белорусского языка к русскому?;
- 11) какую роль может играть трасянка в поддержке или возрождении белорусского языка? [26; 27].

По словам Г. Хентшеля, статья «Одиннадцать вопросов и ответов...» представляет итоги завершеного проекта и имеет основной целью «суммировать идеи и наблюдения, изложенные в ряде уже опубликованных работ по итогам отдельных полномасштабных исследований» [27, с. 210].

Описываемой работе свойственны многоаспектность рассмотрения и обстоятельность аргументации: в своей публикации Г. Хентшель стремится дать «исчерпывающие» ответы на поставленные вопросы [27, с. 210]. Библиографический список в работе составляют 97 позиций. Можно предвидеть, что данному труду будет суждено надолго стать своеобразным пунктом соотнесения для многих последующих обсуждений трасянки.

В 2008–2014 гг. по крайней мере некоторые белорусские лингвисты так или иначе соотносили свои суждения о трасянке с исследованиями, проведенными в рамках ольденбургского проекта. Вдохновленная применением Г. Хентшелем количественного подхода, Н. Мечковская в своих трудах 2007–2013 гг. также использовала количественные данные [6; 8], в некоторых ее публикациях напрямую трактуются ольденбургский проект и (или) подходы к исследованию трасянки Г. Хентшеля [8; 28]. В рассматриваемом труде Г. Хентшеля упоминается большинство известных специальных статей о трасянке, а также отдельные публикации об аналогичном украинском явлении – суржике. Трактующая многие ключевые проблемы трасянки, работа «Одиннадцать вопросов и ответов...» подводит черту не только под ольденбургским проектом, явившим собой некий «оселок метода» (Н. Мечковская), но в известном смысле и под всем предыдущим изучением этого контroversийного феномена. Поэтому названная статья как некое обобщение ольденбургского проекта заслуживает особого внимания.

Однако, за исключением статьи Н. Мечковской [28], данная работа до сих пор не привлекла внимания белорусских лингвистов, результатом чего стали бы конкретные публикации. Уточняя в 2018 г.

³Автор этих строк участвовал в проекте как организатор сбора языкового материала и соорганизатор конференции в 2007 г. Он являлся также соредактором двух сборников (2008, 2014), научным руководителем диссертации Е. В. Лянкевич «Белорусский язык и смешанные коды в социолингвистическом и психолингвистическом аспектах: категория отношения к языку в обществе» (защищена в Минске в 2014 г.), которая частично имела отношение к проекту. Также под нашим руководством в 2018 г. в Минске была защищена формально не связанная с проектом диссертация Н. В. Яненко «Вариантность в гетерогенной городской речи (на материале записей в г. п. Хотимске)», в которой в том числе использовались записи, сделанные во время полевой работы в ольденбургском проекте.

⁴С 2012 г. Г. Хентшель номинально отказался от термина «трасянка» в пользу термина «белорусско-русская смешанная речь» (БРСР). В названиях вопросов в статье 2017 г., за исключением одного случая, он использует их как взаимозаменяемые. Для простоты изложения при нижеследующем пересказе статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» при условии параллельного использования терминов «белорусско-русская смешанная речь» и «трасянка» мы применяем последний термин.

в своей статье собственную позицию, Н. Мечковская одновременно оценила особенности ольденбургского проекта. Еще в статье 2013 г. она указала, что проект может служить «образцом и школой» современной лингвистической методологии, и подтвердила это свое мнение в публикации 2018 г. В то же время в статье «Белорусская “трасянка” как яблоко раздора и как оселок метода» было отмечено, что в процессе разработки ольденбургского проекта так и не было выработано определение понятия трасянки, объект наблюдения «заслонил более широкую реальность», проекту свойственна некоторая «абстрактность», предмет рассмотрения «сужен», полученный «неочевидным образом на основе трудоемких и потому несистематических подсчетов» вывод Г. Хентшеля образца 2013 г. о несуществовании одного гомогенного смешанного белорусско-русского идиома как относительно стабильного смешанного кода, используемого по всей Беларуси, был известен белорусским авторам еще в 1990-х гг. и пр. [28]. Реакцию на некоторые особенности ольденбургского проекта находим в недавней работе А. Барковича (возрождающей при рассмотрении трасянки отвергнутый термин «интерференция») [29], однако автор ссылается на работы Г. Хентшеля 2011 и 2013 гг., а также на журналистские представления проекта в интернете, но не рассматривает публикацию 2017 г.

Целью данной статьи является стимулированное публикацией итоговой работы руководителя ольденбургского проекта обсуждение некоторых проблем идентификации трасянки в связи с существующим о ней научным дискурсом. Задача работы – обсуждение некоторых особенностей немецко-белорусской научной конфронтации в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...», использующихся в рамках данного исследовательского направления дефиниций трасянки, существующей терминологии, времени и механизма возникновения трасянки, методов ее изучения.

Результаты и их обсуждение

Статья «Одиннадцать вопросов и ответов...» как вызов белорусской социолингвистике. Исключительно продуктивное сотрудничество Г. Хентшеля с белорусскими учеными в сфере исследования белорусско-русского языкового контакта началось осенью 2006 г. Однако еще на ранней стадии выполнения проекта обнаружились противоречия, которые постепенно отразились в отдельных публикациях. В 2013 г. в статье Н. Мечковской наряду с многочисленными положительными оценками проекта были выражены некоторые сомнения в плодотворности принятого в Ольденбурге подхода [8]. В частности, имели место замечания по поводу вопроса о наличии у трасянки узуса, успешности разделения трасянки и нетрасянки в рамках выполнения проекта, игнорирования в процессе обработки материала фонетического уровня, включения в социологические анкеты вопросов о смешанном языке и пр.

В свою очередь, в публикациях Г. Хентшеля постепенно стали появляться критические, иногда эмоциональные замечания по поводу работ белорусских исследователей. Так, в доклад руководителя ольденбургского проекта, сделанный в Минске в 2014 г., был включен раздел «Как возникла БРСР и как ее “изучают”» (в заголовке использованы модальные кавычки) [25, с. 175]. Правда, тезис о неудовлетворительном изучении трасянки в опубликованном тексте доклада не был раскрыт. Отдельные конкретные позиции Н. Мечковской и Г. Цыхуна позволили руководителю ольденбургского проекта сделать заключение, что первый автор не принимает во внимание «достижения социолингвистической теории и методологии за последние пять-шесть десятилетий» [27, с. 223], а второй исследователь не учитывает «развитие современной (надо признать, западной) социолингвистики» [27, с. 224]. Г. Хентшель относительно подхода Г. Цыхуна добавляет, что позиция этого белорусского автора «лежит в русле европейской лингвистической традиции первой половины XX века, в рамках которой в качестве объекта для изучения рассматривались лишь литературные языки и “старые” диалекты, но не социально обусловленные языковые проявления» [27, с. 224].

Как видим, основные претензии руководителя ольденбургского проекта к работам белорусских авторов в целом сводятся к тому, что в них не учитываются достижения современной социолингвистики. Спор возник в связи с тем, что некоторые белорусские ученые не разделяли точку зрения руководителя ольденбургского проекта о наличии в трасянке узуса. Только один белорусский исследователь (И. Климов), по словам Г. Хентшеля, поддержал его позицию относительно положительного разрешения шестого вопроса и увидел в белорусско-русской смешанной речи конвенционализированный код [27, с. 223].

Значительная часть вопросов в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» начинается со своеобразного антитезиса, критики и опровержения взглядов разных авторов.

Например, в статье оспаривается мнение Н. Мечковской о возникновении трасянки на переломе XVIII–XIX вв. (первый вопрос). Рассматривая наличие у трасянки чего-либо общего с пиджинами и креольскими языками (четвертый вопрос, раскрытый в статье с особой тщательностью), Г. Хентшель исходит в том числе из того, что термин «креолизированный» употреблял в 1998–2014 гг. Г. Цыхун.

При обсуждении седьмого вопроса руководитель ольденбургского проекта возражает автору этих строк о возможности выделения наряду с трасянкой на белорусской основе также трасянки на русской основе и пр.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что иногда белорусские авторы не выражали какую-то специфическую белорусскую точку зрения, однако в сферу критического анализа попали именно они.

Что касается, например, мнения о возникновении трасянки на переломе XVIII–XIX вв., то аналогичные суждения по поводу суржика неоднократно высказывали украинисты, в том числе западные [30; 31]. Говоря в контексте обсуждения темы возникновения у восточных славян «смешанных языков» о «довольно долгом контакте» между русским, с одной стороны, и украинским и белорусским языками – с другой, Ю. Бестер-Дилгерс утверждает, что этот контакт «стал *еще более интенсивным*⁵ для украинского языка с 1654 года, когда восточная часть перешла под русское господство, а для белорусского языка в результате трех польских разделов (конец 18-го века)»⁶ [32, S. 13].

Обсуждая мнение о возможности выделения наряду с трасянкой на белорусской основе также трасянки на русской основе, автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» не упоминает, что аналогичным образом склонен разграничивать белорусские разновидности трасянки австрийский исследователь Г. Бидер [35]. Среди украинистов основанные на русском языке типы суржиков выделяет американская исследовательница Л. Биланюк [36].

При ответе на вопрос о наличии у трасянки общих черт с пиджинами и креольскими языками в статье Г. Хентшеля не указывается, что одним из предшественников Г. Цыхуна в наименовании трасянки креолизованной разновидностью был шведский славист С. Густавссон – автор двух публикаций (1995, 1999), причем вторая публикация вышла в свет в авторитетном международном справочнике «Контактная лингвистика» [37]. По отношению к трасянке С. Густавссон употреблял также термин «полуязычие» [38, p. 54]. Впрочем, в 2005 г. и сам Г. Хентшель предполагал, что одним из направлений работы возглавленной им Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов будет изучение «пиджинизации и креолизации в славянских языковых контактах» [39, с. 20], правда, по прошествии времени трудно определенно судить, что имелось в виду в данном случае.

При обсуждении пятого вопроса, трактующего в том числе информацию о том, является ли трасянка примером переключения кодов, вскользь критикуется одно из частных мнений И. Лисковец, но при этом не упоминается специальная статья на эту тему Е. Головки [40].

Независимо от ошибочности или верности критикуемых в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» мнений белорусских и других ученых (к вопросу о времени возникновения трасянки мы вернемся ниже) представляется, что в ряде случаев некоторые суждения рассматриваются без привлечения более широкого контекста. Особое внимание Г. Хентшеля к трудам некоторых белорусских ученых, вольная или невольная фиксация прежде всего их недочетов в исследованиях в совокупности с принятой формой некоего поучающего «катехизиса» в ряде фрагментов придает статье специфический характер⁷.

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» не просто представлены достижения проекта, но и истолкованы аспекты, которые в ходе выполнения проекта специально не изучались (первый, второй, девятый, десятый и одиннадцатый вопросы).

Первый и второй вопросы почти целиком исторические, в рамках выполнения синхронического ольденбургского проекта их разработка не предусматривалась. Девятый вопрос вместе со способом его формулирования («Можем ли мы понимать БРСР/трасянку с помощью таких старых понятий, как “диглоссия” и “билингвизм”?») и предложенным ответом возник у автора по завершении проекта в результате размышлений после прочтения статьи 2017 г. Ю. Ясперса «Диглоссия и за ее пределами» [42],

⁵Здесь и далее выделено нами. – С. 3.

⁶Согласно белорусским источникам, начало формирования белорусско-русского двуязычия как «реального, социально значимого явления» восходит к 1830-м гг. [33, с. 5]. В отношении языка, например, мелкой шляхты замечено, что проникновение русской лексики и влияние русского языка на речевую практику данной группы относятся ко второй половине XIX в. [34, с. 257, 261].

⁷По крайней мере, некоторые ассоциированные с Г. Хентшелем ученые осознают конфронтационность положений, выдвинутых в рамках ольденбургского проекта. Обратив внимание на то обстоятельство, что ольденбургские авторы социологической книги 2018 г. трактуют трасянку на языковом уровне (то есть не так, как обычно принято) и ставят ее в один ряд со стандартными русским и белорусским языками, германские рецензенты книги в украинском журнале «Мовознавство» А. Зинкевич и М. Преннер предположили, что это обстоятельство может вызвать «научную конфронтацию с лингвистами, особенно со многими белорусскими лингвистами» [41, с. 74, 79]. Впрочем, считают рецензенты, эта дискуссия может быть полезной, ведь она, возможно, «откроет для белорусского языковедения тему “трасянки” не в субъективно-оценочном контексте, а в структурно-морфологическом, синтаксическом и текстологическом ракурсах» [41, с. 79].

на которую автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» многократно ссылается. Десятый вопрос вторгается в сферу футурологии, одиннадцатый трактует материю, которая лишена эмпирической основы. Эти вопросы вообще вряд ли могут быть разрешены на научной основе.

В итоговой статье руководителя проекта, известного своей приверженностью эмпирическим исследованиям, обсуждаются и вопросы, не являющиеся в рамках проекта предметом специального изучения. Это может свидетельствовать о том, что какие-то важные моменты изучения трасянки проектом не были охвачены, и (или) о том, что и на данном этапе исследования этого комплексного явления все еще могут иметь не только место, но и значение не в полной мере опирающиеся на эмпирический материал суждения, дискурс, основанный на анализе дискурса других авторов.

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» Г. Хентшель уместно показал, что многие, в том числе некоторые «онтологические», проблемы изучения трасянки до сих пор не разрешены. Все еще нет некоего набора обязательных конвенций, которые соблюдали бы если не все, то хотя бы основные игроки на поле этого нового направления, изучающего трасянку⁸. Разница в понимании некоторых частных проблем не является критичной для общего прогресса в развитии данного направления. Однако достижение более или менее единого подхода к принципиальным пунктам необходимо. К ним, конечно, относится (не сформулированный в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...») вопрос о том, чем же, собственно, является трасянка и можно ли ее отличить от других белорусских речевых разновидностей, изобилующих признаками русского влияния (например, белорусской диалектной или разговорной речи). Естественно, первостепенное значение имеют также первый и второй заданные руководителем ольденбургского проекта вопросы: когда и как трасянка возникла? как происходит процесс ее усвоения?

Что такое трасянка? Определение трасянки в ольденбургском проекте. В одной из первых работ ольденбургские авторы утверждали, что трасянка напоминает переключение кодов с очень быстрым пульсированием (*schnell-getaktetes code-switching*) [44, S. 233; 45, S. 170]. Обращаясь к определениям, данным рассматриваемому понятию в 2012 г., германские ученые отмечали, что до того времени не существовало удовлетворительной дефиниции, которую можно было бы операционально реализовать в эмпирическом анализе [46, S. 127–128]. Впоследствии в разных публикациях ольденбургского проекта трасянка определялась либо в ракурсе операционального использования этого понятия при обработке языкового материала, либо в довольно общих выражениях.

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» утверждается, что термин «белорусско-русская смешанная речь» в процессе анализа языкового материала «был строго определен: он использовался только для тех высказываний в корпусе, которые содержали (на более глубоком, чем фонетика и фонология, уровне) как белорусские, так и русские и (или) гибридные элементы (словоформы или даже морфемы) или абстрактные структуры (например, морфосинтаксические связи вроде управления и согласования)» [27, с. 210]. Такая формулировка восходит к «дефиниционному ограничению» трасянки в 2012 г. у авторов ольденбургской школы, представленному для трасянки в узком смысле. Трасянка в широком смысле (иначе – «смешанный дискурс») могла включать не только высказывания, состоящие одновременно из белорусских и русских словоформ, но и случаи соседствующих высказываний, когда одно из них могло представлять собой трасянку в узком смысле, а второе могло быть белорусским или русским [46, S. 128–129].

Как бы то ни было, приведенное в рассматриваемой статье определение мало о чем говорит читателю. Принятое для решения внутренних задач обработки фактического языкового материала в рамках ольденбургского корпуса белорусско-русской смешанной речи, оно обращено к самому себе, «герметично». В этом определении обращает на себя внимание отсутствие фонетики и лексики среди критериев, на основании которых идентифицирована белорусско-русская смешанная речь.

Объяснение исключения из принимающихся во внимание параметров фонетики есть в более ранних статьях Г. Хентшеля. В 2012 г. со ссылкой на работу А. Мартине «Двойная языковая артикуляция» [47] для анализа трасянки были дифференцированы два уровня. К первому отнесены лексика, синтаксис, морфология и морфофонология, ко второму – фонетика и фонология. «Различение данных уровней при количественном анализе позволяет определить, в какой мере белорусско-русская смешанная речь является “поверхностным” феноменом произношения и в какой мере она затрагивает “глубинные” языковые уровни, которые, разумеется, вызывают наибольший интерес» [48, с. 222]. Вслед за А. Мартине все языковые уровни, кроме фонетики и фонологии, были отнесены к «первой артикуляции», а фонетика и фонология – ко «второй артикуляции» [46, S. 128; 48, с. 222]. При обосновании вторичности фоне-

⁸Кажется, похожая ситуация наблюдается и в украинистике относительно трактовки аналогичного понятия – суржика. Как свидетельствовала в 2014 г. Л. Биланюк, активное обсуждение данного феномена тем не менее не привело в результате к согласию относительно его природы и роли [43, S. 27].

тических и фонологических явлений в другой работе руководителя проекта была сделана ссылка на монографию Я. Матраса «Языковой контакт» («Language contact», 2009) [49, с. 57].

Ни в одном, ни в другом случае такие доводы не кажутся достаточно убедительными. Что касается работы А. Мартине, то, во-первых, она принадлежит к иной, чем языковой контакт, научной парадигме. Данный труд был написан до возникновения современной социолингвистики. Во-вторых, при изучении трасянки имеет значение не только количественный анализ. В-третьих, трасянка – это в значительной степени (если не в первую очередь) *звучащая* речь. В условиях, когда в белорусском и русском языках существует небольшое количество полностью отличающихся слов, разница между ними, как замечал в одной из статей сам Г. Хентшель, в значительной степени определяется отличиями в фонетике [50, S. 179]. Столь важные фигуры, как У. Лабов и П. Традгилл, в своих работах уделяли первостепенное внимание фонетике. Применительно к мигрантам, которые перемещались в регионы, где употреблялся непонятный язык, Дж. Чемберс использует термин «слышимое меньшинство» и вспоминает о том, что во времена его детства старики ворчали, если слышали чужие слова на улице [51, р. 98]. Ссылку же на работу Я. Матраса следует признать случайной. В конкретном месте книги в контексте усвоения второго (очевидно, неродственного) языка на фоне насущной необходимости выбирать правильные словоформы и поддерживать успешную коммуникацию речь идет об указании на восприятие вторичности фонетики говорящими. Это наблюдение не обязательно было бы релевантным для белорусско-русского контакта (где поддержание успешной коммуникации едва ли является сложной для реализации проблемой), кроме того, оно не является исследовательским суждением Я. Матраса [52, р. 58], как можно было бы подумать.

В связи с исключением фонетики из проявлений смешанной белорусско-русской речи при обработке материала можно было бы вслед за Н. Мечковской сказать, что такой подход привел к «искусственному обеднению картины» [8, с. 66]. Но на самом деле фонетика в проекте не игнорируется, она то и дело обсуждается при рассмотрении морфологии, ей посвящена одна из подготовленных в рамках проекта монографий [15]. Вероятно, учет фонетических данных при обработке материала неизмеримо усложнил бы задачу применения квантитативного метода, в связи с этим фонетическими показателями пришлось пожертвовать. Конечно, это обстоятельство отразилось на результатах проведенных подсчетов.

Ссылка на дифференциацию А. Мартине указывает на то, что лексика должна приниматься во внимание, но в утвержденной в рамках проекта рабочей дефиниции собственно лексический уровень не упоминается⁹.

Автор указывает, что «выбор существительного в наименовании “белорусско-русская смешанная речь” мотивирован тем, что объектом эмпирического исследования, конкретных анализов являлась именно смешанная речь» [27, с. 210], не язык. Однако, кроме термина «смешанная речь», в статье используется также термин «белорусско-русский смешанный идиом», или просто «идиом». Белорусско-русский смешанный идиом возникает из первоначально исключительно спонтанной белорусско-русской смешанной речи [27, с. 212] и представляет собой некую гибридную систему, которая применяется в качестве основы регулярного смешения в процессе речи [27, с. 210]. Наконец, в третьем случае слово «идиом» появляется как наименование трасянки и суржика, они просто называются идиомами [27, с. 223]. В более поздней статье 2018 г. автор еще раз отождествляет понятия «смешанная речь» и «смешанный идиом», когда пишет, что «обе эти формы (имеются в виду бытующие в Беларуси и Украине трасянка и суржик. – С. 3.) смешанной речи или смешанного идиома используют миллионы людей в этих странах» [55, с. 190]. Представленная в том числе как идиом, собственно как язык, в статье 2018 г. трасянка ставится в один ряд с белорусским и русским языками. Это же делается в статьях по социологии ольденбургского проекта [56] и, как уже замечено выше, в итоговой монографии¹⁰. Если трасянка все чаще трактуется ольденбуржцами как *язык*, то не совсем понятны причины выбора слова «речь» при принятии термина. В итоговом социологическом исследовании ольденбургского проекта трасянка весьма общим образом охарактеризована как «различные белорусские диалекты и русский язык в качестве главного *лингва франка* (Hauptverkehrsprache)... смесь белорусских и русских элементов и структур» [17, S. 17].

Если бы трасянка в рамках ольденбургского проекта действительно понималась как речь, то при ее интерпретации пришлось бы устанавливать некоторые важные ограничения. Поскольку речь является некоей формой реализации языка или языковой разновидности, поскольку она тем или иным

⁹В статье [27, с. 225] даны ссылки на две работы автора, в которых определены лексические переменные [53; 54]. Количество проанализированных случаев сравнительно небольшое.

¹⁰Ссылаясь иногда на работы социологической части ольденбургского проекта, автор в целом держится в стороне от их обоснования. По разным причинам полноценная экспертиза социологической части проекта со стороны белорусских лингвистов в настоящее время едва ли возможна.

образом воспроизводится в определенной ситуации в определенный момент, постольку неоднократные рассуждения автора о том, что от поколения к поколению *передается* трясанка-речь, представляются уязвимыми.

О *противоречивом отношении к термину «трясанка»*. Как отмечалось выше (см. сноску 5), в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» Г. Хентшель критически относится к употребляющемуся в течение 30 лет в работах лингвистов термину «трясанка» и декларирует отказ от него.

Дело в том, сообщается в статье, что немецкие ученые пришли к выводу о его стигматизированности. Автор указывает: такая номинация предполагает, что трясанка – это «речь простых, грубых и необразованных крестьян, которые волею судьбы оказались в городах» [27, с. 215]. В статье замечено: в рамках ольденбургского проекта уже долгое время используется термин «белорусско-русская смешанная речь» [27, с. 210]. Автор предупреждает читателя статьи, что в ней по отношению к собственным результатам употребляется термин «белорусско-русская смешанная речь», тогда как термин «трясанка» резервируется для ссылок на исследования «других ученых, в работах которых существует соответствующая терминологическая практика» [27, с. 209–210].

В ситуации, когда «соответствующая терминологическая практика» в обилии существовала (и существует в некотором виде донныне) в рамках ольденбургского проекта (из-под пера его руководителя на протяжении 2006–2018 гг. вышло 15 публикаций, в заглавиях которых содержится слово «трясанка»), в ситуации, когда слово «трясанка» употребляется иногда в том числе и в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» не только «невольно», но и «вольно», такое дистанцирование от данного термина и его «переназывание» представляются удивительными по следующим причинам:

1) в слове «трясанка» не содержится указания на грубость или необразованность людей, применяющих ее;

2) на негативную коннотацию данного термина обращалось внимание уже в первых работах 1990-х гг., где он упоминался [3, р. 80; 4, с. 84; 38, р. 54; 57, S. 152];

3) простая безоговорочная замена основного термина в ходе выполнения проекта не может обойтись без негативных последствий. Самым очевидным из них является «чересполосица» в терминологии, возникает проблема сочетаемости «старого» и «нового» терминов;

4) предложенный Г. Хентшелем в качестве понятия «трясанка» эквивалентный термин «белорусско-русская смешанная речь», очевидно, таковым является не в полной мере;

5) термин «трясанка» уже преодолел рамки славистики, он употребляется некоторыми квалифицированными западными неславистами, специалистами по языковому контакту¹¹;

6) похожие термины в обилии существуют в других национальных лингвистических традициях, например итальянско-испанский или итальянско-португальский *cocoliche*, португальско-испанский *fronterizo (fronterico)*, галисийско-испанский и испанско-галисийский *castrapo* и *chapurrao*, каталанско-испанский *catañol, portuñol* в Уругвае, если ограничиваться только романистикой.

Наконец, произошедший на наших глазах сдвиг в терминологии по направлению к трясанке как белорусско-русской смешанной речи плохо согласуется с одновременно происходящим дрейфом интерпретации в рамках ольденбургского проекта прямо в противоположном направлении.

В ситуации, когда в науке нет приемлемого безоценочного термина, в научном дискурсе может употребляться метафорический термин (трясанка). В условиях, когда этот термин в той или иной мере продолжает использоваться участниками ольденбургского проекта, включая руководителя (ср., например, [55; 60]), в том числе на последнем съезде славистов в Белграде, в ситуации, когда Г. Хентшель в последние годы пользуется похожим термином «суржик», дистанцирование ольденбургского ученого от термина «трясанка» выглядит как некий тактический либо риторический прием.

Время и механизм возникновения трясанки, ее усвоение. У исследователей трясанки нет полного согласия по поводу принципиального, первого из сформулированных в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...», пункта: когда возникла трясанка (или, по Хентшелю, белорусско-русская смешанная речь)? Автор оговаривается, что этот вопрос следует решать не столько путем эмпирического исследования, сколько посредством принятия той или иной точки зрения в качестве исходной. При ответе на этот вопрос в статье оспаривается мнение о том, что трясанка могла возникнуть в конце

¹¹Так, например, в одной из своих статей трясанку наряду с *Missingsch* (окрашенная нижнегерманскими особенностями разновидность немецкого языка) в северной Германии, *italiano popolare* («народный» итальянский) в Италии, *kyökki* («кухонный» финский) в Хельсинки упоминает П. Ауэр в контексте темы об образовании некоего рода разновидностей стандарта в устах осваивающих второй язык сельских мигрантов в городах [58, р. 17]. Составители кембриджского учебника по переключению кодов, романисты по образованию Б. Буллок и А. Торибио упоминают трясанку наряду с суржигом в процессе обсуждения метафорических наименований двуязычных речевых разновидностей, попутно отмечая, что эти термины несут пейоративные коннотации [59, с. 4].

XVIII в.: «Сегодняшняя тряснянка не является следствием социальной преемственности или какой-либо межпоколенческой передачи смешения белорусского и русского языков до XX века» [27, с. 212]. Но если бы тряснянка понималась как «все когда-либо зафиксированные случаи смешения белорусских и русских выражений и конструкций», рефлексует Г. Хентшель, тогда можно было бы согласиться с тем, что она возникла в конце XVIII в., «если не раньше» [27, с. 211].

Здесь отрицательно сказывается замена основного термина. Читателю может быть не совсем понятно, что обсуждает в этом вопросе автор. Если происхождение белорусско-русской смешанной речи в целом предполагает учет «всех когда-либо зафиксированных случаев смешения», то, конечно, она имеет глубокую историю, и можно предоставить знатокам истории языка и любителям теоретических обобщений возможность посоревноваться на этом поле в установлении частностей¹². Но если автор обсуждает происхождение той части смешанной речи, за которой закрепилось название «трясянка», то это, вне сомнения, совсем другой предмет.

Подход, согласно которому тряснянка могла возникнуть в конце XVIII в., отклоняется автором статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» по причинам исторического и социолингвистического характера. Коротко аргументация Г. Хентшеля выглядит следующим образом.

В условиях, когда отсутствовало регулярное и активное взаимодействие между носителями белорусского и русского языков, в XIX в. языковой контакт предстал пока еще только в виде «простой интерференции, то есть спонтанного смешения» [27, с. 211]. Только в ситуации массовых контактов XX в. возникли предпосылки для того, чтобы люди, стремящиеся сменить белорусский язык на русский, начали использовать смешанную речь не только в общении с носителями русского языка, но и друг с другом [27, с. 212]. Белорусско-русской смешанной речи не существовало до тех пор, пока она не стала использоваться в общении с детьми [27, с. 212]. Более точно возникновение тряснянки Г. Хентшель вслед за Г. Цыхуном и автором этих строк возводит ко времени интенсивной миграции в города сельчан в послевоенные годы. По его мнению, это поколение «не получило тряснянку из своего окружения, а создавало ее» [27, с. 214].

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» определяется более или менее точное время установления различия между существованием нестабилизированной смешанной речи (по Хентшелю, имела место в XIX в.) и стабилизированной смешанной речи (которой в XIX в. не было). Вообще специалисты по языковому контакту считают, что установить момент, когда в результате рутинного (*ordinary*) заимствования (то, что в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» называется простой интерференцией) происходит смешение языков, довольно трудно, четкой границы между ними нет [61, р. 294]. Г. Хентшелю, судя по разработке первого пункта в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...», удалось различить момент перетекания одной в другую еще более трудноразличимых сущностей – нестабилизированной смешанной речи и стабилизированной смешанной речи. Обращают на себя внимание и другие обстоятельства.

Еще недавно автор был склонен скорее удлинять «родословную» тряснянки, нежели укорачивать ее. На это обстоятельство обратила внимание в 2013 г. Н. Мечковская [8, с. 63]. В статье 2013 г. Г. Хентшель писал: «*Без сомнения*, в Белоруссии уже с XIX века существовали формы смешения двух языков... <...> ...В период между двумя мировыми войнами в восточной части Белоруссии, *без сомнения*, степень распространения смешанной белорусско-русской речи увеличивалась» [49, с. 54]. В ситуации, когда в общем считается, что возникновение тряснянки связывается с послевоенной урбанизацией и миграцией в города белорусских сельчан, подобные акценты воспринимаются как полемические указания на более глубокую историю, нежели принято думать¹³.

¹²Стремление углубить родословную тряснянки (суржика), обнаружившееся в процессе развертывания данной дисциплины, может вызываться не только особой любовью к истории. Значение также могут иметь стремление подвести под предмет своего исследования более глубокую историческую основу, желание в рамках постколониального дискурса очередной раз упомянуть тему присоединения Беларуси (Украины) к России, наконец, просто наличие в руках того или иного исследователя более или менее подходящего материала из сферы соответствующих исторических периодов.

¹³Мнения об особой исторической глубине белорусско-русского смешения высказывались Г. Хентшелем до 2017 г. настолько внятно и энергично, что они повлияли на взгляды других исследователей. Предположительно, цитированное выше мнение Ю. Бестерс-Дилгер о том, что в конце XVIII в. белорусско-русский контакт стал «еще более интенсивным», появилось не без влияния суждений Г. Хентшеля: за этим мнением в статье Ю. Бестерс-Дилгер следует ссылка на неопубликованную статью ольденбургского ученого [32, S. 13]. Любопытно, что при этом, по крайней мере, в некоторых своих последних публикациях, Г. Хентшель культивирует мнение об особой исторической глубине суржика. Так, во введении к одной подготовленной в соавторстве с А. Тараненко статье указывается, что суржик возник вследствие «длительного, продолжающегося столетиями» контакта между украинским и русским языками [62, р. 269]. То ли суржик и тряснянка в этом плане разительно отличаются, то ли, утвердив ограниченную глубину тряснянки в рамках белорусистики, в украинистике Г. Хентшель почему-то решил вернуться к своему прежнему мнению о более длительной истории существования суржика (косвенно и тряснянки).

Утверждение о неиспользовании в XIX в. смешанной речи при общении в своем кругу можно поставить под сомнение без проведения специального исследования. Например, в белорусской и украинской литературах хорошо известны пародийные персонажи типа Свирида Голохвостова, Пранцишка Корчевщика или пана Быковского (соответствующие драматические произведения М. Старицкого, К. Каванца и Янки Купалы были созданы в 1880-х – начале 1910-х гг.), одной из особенностей героев было осмеянное авторами стремление применять в своем кругу речь, отличную от речи социального слоя, из которого они вышли. Владение в той или иной степени белорусскими представителями низшего класса русским языком было связано с их социальным продвижением, символизировало его, являлось частью зарождающейся (и ценимой) идентичности данного сословия. В этом смысле у них не было серьезных препятствий к тому, чтобы употреблять русские слова и выражения и в более тесном кругу.

Утверждая довольно строгую последовательность превращения «простой интерференции» XIX в. в стабилизированную белорусско-русскую смешанную речь XX в., Г. Хентшель в статье 2017 г. не приводит фактических подтверждений и не делает ссылок на литературу, за исключением работы о «промежуточном языке» (*interlanguage*) Л. Селинкера. Между тем в докладе 2014 г. и основанной на нем статье 2015 г. в похожем месте давалась ссылка на работу П. Традгилла «Диалекты в контакте» (1986) [25, с. 172; 63].

Данная монография была важной для выработки ответов на первый и второй вопросы, это следует из ссылок на нее в статьях, опубликованных до 2017 г. По крайней мере, мнение Г. Хентшеля о важной роли детей в возникновении стабилизированной смешанной речи появилось под влиянием наблюдений П. Традгилла, который указывал на большую роль детей в диалектном смешении и образовании новых диалектов [63, р. 31].

Тем не менее, по нашему мнению, остаются некоторые вопросы в связи с безоговорочным использованием труда П. Традгилла при выяснении вопросов о времени и способе возникновения трясанки. Представляется, что недостаточно просто заимствовать подходы и некоторые результаты из работы, выполненной на другом материале. Правомерность безусловного применения результатов, полученных П. Традгиллом в процессе изучения белорусско-русского языкового контакта, следовало бы более тщательно обосновать. Ведь между белорусским и английским языками, британской и белорусской ситуацией существуют очевидные и значительные социолингвистические различия¹⁴.

Проецируя британскую ситуацию на Беларусь, Г. Хентшель вслед за П. Традгиллом пишет о том, что для формирования новых диалектов нужно значительное время, равное жизни трех-четырех поколений [64, р. 102]. Однако скорость аккомодации и языкового сдвига у мигрантов может быть очень быстрой, что не позволяет сформироваться новому диалекту. Как показывает опыт мигрантов, приехавших с юга Испании в Мадрид, в речи многих семей, например, андалузские характеристики и формы из Эстремадуры не доживают до третьего поколения и исчезают уже во втором [65, р. 299].

По поводу различия в XIX в. нестабилизированной и стабилизированной смешанной речи можно преимущественно только строить догадки. Ведь устная речь людей XIX в. дошла до нас в виде некоторого количества письменных памятников, ценность которых с точки зрения изучения устной речи весьма сомнительна. Записи в это время делались неаккуратно, без использования аудиотехники и совсем не для того, чтобы обнаружить смешанную речь, скорее наоборот. Само возникновение белорусской лингвистики, связанное с именем Е. Карского, стало возможным лишь после того, как он очень подробно проанализировал качество записей, используемых своими предшественниками для лингвистической практики. И качество это сначала было весьма невысоким. Что говорить, например, о точности передачи нюансов произношения записывающими лицами, если даже в простом сегодня вопросе записи обычных звуков у лучших исследователей могла иметь место «замечательная непоследовательность в письме» [66, с. 21]. Тем более низким качество записей будет признано для целей изучения устной речи в ракурсе языкового контакта. Собственно, у нас почти нет достоверных и сопоставимых с современными записей речи людей XIX – начала XX в.

Научные или схожие с ними источники XIX в., трактующие устную речь, немногочисленны и с точки зрения возможности соотносимого с современным изучением устной речи недостаточно исследованы. Ряд примеров суждений подобного рода относительно языка мелкой шляхты наряду с авторскими интерпретациями приведены в работах историка В. Макаревича [34]. Можно, например, обратить внимание на упоминания в 1860-х гг. лингвиста И. Носовича о речи мелкой белорусской шляхты, которая, по его свидетельству, хорошо говорила на белорусском языке, однако как-то нарочито, «только из чванства вбрасывала» в белорусскую речь польские слова. И. Носович при этом указывал, что подобное по-

¹⁴Уже в 1891 г. уровень урбанизации в Англии составлял 72 % и был близок к современному уровню урбанизации в Беларуси. С 1939 по 1990 г. население Минска выросло с 238 до 1624 тыс. человек, т. е. увеличилось на 582 %. Между тем население Лондона в этот же период, наоборот, сократилось с 8,8 до 6,4 млн человек, т. е. на 27 %.

ведение было редкостью [67, с. 254], также, симптоматично, он ничего не написал о влиянии русского языка. Важным здесь является указание на то, что «нечистый» язык мог возникать не ввиду незнания второго языка, но вполне сознательно.

Более интересным с точки зрения изучения феномена белорусско-русского смешения могло бы быть мнение другого исследователя, который в 1880-х гг. указал на существование особого типа белорусского языка, свойственного некоему социальному слою «полуобразованных людей»: писарей, старшин, управляющих, экономов. Этот тип, по его словам, представляет собой «нечто среднее между языком литературным и чисто народным, и ни в каком случае не может быть отождествляем с последним». Вопреки пониманию, что записи особо ценны тогда, когда они сделаны «прямо со слов народа, в которых рассказчик не стеснен традиционными формами» [68, с. 7], автор осознавал, что даже в таких благоприятных ситуациях рассказчик может не в полной мере придерживаться разговорного языка. В качестве подтверждения своему выводу и одновременно развлечения для читателей автор привел письменный документ – письмо помощника волостного писаря своей возлюбленной, дочери фельдшера. В этом письме, написанном «русскими» буквами, избыливали белорусские слова и формы (*надворье, гармоник, слонце, скакаць польку, вевіорочка, тагды, на поперце, сховав сабе, в кишню, счира*), но оно, конечно, не может восприниматься как документ, свидетельствующий о навыках устной речи автора. Исходя из этого письма, едва ли можно принять как достоверный общий вывод Н. Янчука о формировании некоего особого типа языка в процессе устного общения, эффект смешения здесь возникает прежде всего благодаря сочетанию тогда еще широко неизвестной письменной формы белорусской речи с использованной в письме орфографией русского языка.

Замечание об этой речевой разновидности, если она действительно существовала, было бы любопытным в том плане, что, отчасти подобно трясянке второй половины XX в., она могла быть ограничена определенной социальной группой и демонстрировала бы прямое движение от белорусской диалектной речи к русскому литературному языку, минуя белорусский литературный язык (которого, если исходить из задач изучения смешанных разновидностей, можно сказать, в то время фактически не было). Эта речевая разновидность, вероятно, бытовала в общении представителей данного слоя с русскоязычными людьми, а также в рамках своей социальной группы, однако нет препятствий предполагать, что она в какой-то мере использовалась и в общении с белорусскоязычными людьми. Ведь навыки смешанной речи в данном случае позволяли демонстрировать свой более высокий социальный статус по сравнению с обычными белорусскоязычными людьми.

Декларируя отказ от термина «трясянка», при обсуждении первого вопроса Г. Хентшель попадает в ловушку, созданную им же. Он почему-то ограничивает белорусско-русскую смешанную речь только тем временным отрезком, в рамках которого, по его мнению, на территории Беларуси были созданы общественные условия для стабилизации ее структур, а также для передачи от поколения к поколению в семьях [27, с. 212]. Между тем в выражении «белорусско-русская смешанная речь» не содержится ничего, что препятствовало бы использованию данного выражения применительно к XIX в., поэтому непонятно, почему ту речь, которая, по мнению руководителя ольденбургского проекта, существовала до стабилизации и передачи от поколения к поколению, нельзя называть смешанной.

Тем не менее мы солидарны с общим пафосом ответа Г. Хентшеля на первый вопрос, утверждающим неприемлемость установления связи между языковым смешением второй половины XX в. и языковым смешением конца XVIII – XIX в.¹⁵ Мы, однако, это делаем по иным причинам, нежели автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...».

Современная устная речь дана нам в непосредственном наблюдении, нет препятствий для получения разнообразного и качественного материала. Просто говоря, необходимо найти подходящих информантов, позаботиться об устранении парадокса наблюдателя и в правильный момент нажать кнопку диктофона. Совсем иначе обстоят дела с языковым смешением XVIII или XIX в., оно оставило свой след в некотором количестве письменных памятников (чем дальше в глубину времен, тем более скудных и менее надежных письменных памятников).

По крайней мере, на нынешнем этапе изучения трясянки едва ли продуктивно устанавливать непосредственную связь между современной устной и старой письменной речью. Простое сопоставление современной устной коммуникации с письменной речью давало бы неоднозначные результаты. Из старых текстов как минимум пришлось бы «извлечь» их устную, не имеющую отношения к письменности, составляющую, что было бы совсем непросто сделать. Также следовало бы оценить старые тексты на предмет действия в них парадокса наблюдателя, но осуществить это было бы сложно, ведь в XIX в.,

¹⁵Проведение аналогичной связи иногда выглядит как довольно обычная практика в украинистике по отношению к суржику (см. подробнее [30; 31], но, например, А. Даниленко возводит истоки суржика к началу XX в. [69]).

когда делались записи, еще не было социолингвистики и сопутствующих ей понятий. В любом случае очевидно, что для изучения зафиксированного в письменной форме языкового смешения XIX в., тем более XVIII в., пришлось бы применять совершенно иные методики, которые были бы не похожи на использование при изучении непосредственно наблюдаемой устной коммуникации современников.

Возникновение трасянки как естественного объекта М. Слобода и М. Набелкова довольно точно датируют 1980-ми гг. [70, с. 191; 71, S. 43].

Широкое понимание трасянки как смешения белорусского и русского языков без установления хронологических ограничений, сфер (письменной и устной) и форм этого смешения игнорирует определенный исторический и социальный контекст, в котором трасянка, или, по Хентшелю, белорусско-русская смешанная речь, возникла и функционирует.

Что такое (белорусско-русская) смешанная речь? В первом предложении статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» указано, что трасянка – это некий аналог того, что в рамках настоящего научного дискурса должно называться белорусско-русской смешанной речью. Дело представлено таким образом, будто бы термин «трасянка» является (только) оценочным, стигматизированным, в то время как термин «белорусско-русская смешанная речь» – нейтральным.

Стоит обратить внимание на значение, вкладываемое в определение «смешанная» в рамках понятия «белорусско-русская смешанная речь». Едва ли здесь оно значит ‘состоящая из двух компонентов’. Ведь на двухкомпонентность указывает уже определение «белорусско-русская» и слово «смешанная» здесь лишнее. В данном случае использование этого слова подразумевает, что речь «не “чисто” белорусская» или «не “чисто” русская». Определение «смешанная» в рамках выражения «смешанная речь» предполагает имплицитное соотнесение с чем-то «несмешанным», «чистым» или «правильным». На это обстоятельство в отношении суржика обращает внимание Л. Биланюк [43, S. 28]. И как таковое прилагательное «смешанная» вполне оценочное.

Особый колорит слово «смешанный» получает в рамках белорусской лингвистики. В истории эмансипации белорусского языка существовал период, когда он, сначала безоценочно, а затем с вполне четкой коннотацией квалифицировался в российской лингвистике как смешанный. В белорусском языковом дискурсе существует весьма длительный период избавления белорусского языка от этого клейма. И в этом смысле термин «белорусско-русская смешанная речь» может быть сомнительной заменой термину «трасянка».

Указания на смешанный характер языка (собственно, речи) тех или иных людей, а также характеристика лингвистами состояния некоторых языков на определенных этапах их развития или в целом как смешанных – это давняя традиция. Л. Биланюк напоминает, что в современной лингвистике преобладает мнение, согласно которому существуют чистые, несмешанные языки. Оно восходит к суждениям Й. Г. Гердера и В. Гумбольдта [43, S. 28]. На заре зарождения языкознания характеристика «смешанный» всегда подразумевала негативную оценку. Что касается нового времени, то второе дыхание эта оценка получила в связи с утверждением биологической парадигмы в языкознании XIX в. Заложенные Ф. Соссюром основы современной лингвистики фокусировались на моделировании структуры языка, но не охватывали «беспорядочности ежедневной речи или изменчивых речевых практик» [43, S. 28].

В своей известной статье 1926 г. «О понятии смешения языков» Л. Щерба считал это понятие «одним из самых неясных в современной лингвистике» и утверждал, что «термины “Sprachmischung”, “gemischte Sprache” были введены только в результате реакции на известные представления прошлого века, когда язык рассматривался как некий организм и когда охотно говорили об органическом развитии языка как о единственно законном, в противоположность неорганическим нововведениям, рассматриваемым как болезни языка». Далее Л. Щерба утверждал, что молодое поколение лингвистов уже полностью преодолело этот этап, но «мы еще помним, какое большое значение придавалось в свое время как чистоте расы, так и чистоте языка. Правда, широкая публика и в настоящее время находится еще во власти громких слов [о чистоте языка]» [72, с. 60]. Но стало ли со времен Л. Щербы понятие «смешение языков» более ясным?

По отношению к языку определение «смешанный» специфическим образом употребляется в тех современных социумах, которые особенно сильно подвержены воздействию идеологии стандартного (литературного) языка. Собственно, это определение по отношению к языку само по себе в значительной степени является плодом действия соответствующей идеологии.

По определению Р. Липпи-Грин, идеология стандартного языка – это «уклон в направлении абстрактного, идеализированного, гомогенного разговорного языка, который навязывается свыше и который принимает за свою модель письменный язык. Наиболее заметной чертой является установка на подавление варьирования в любом его виде» [73, p. 166].

Что касается обиходной речи в ареале бытования белорусского языка на разных этапах его существования, то оценка степени ее смешанности должна иметь историческое измерение и предусматривать учет того обстоятельства, что нормативный белорусский язык образовался относительно поздно. Бытующие иногда суждения, в соответствии с которыми язык газеты «Наша ніва» на начальном этапе ее существования представлял собой некую «трасянку», следует квалифицировать как сформулированные на основе бытового, но не научного языка. Такие оценки делаются посредством обратного проецирования, сквозь призму актуального понимания норм современного белорусского литературного языка, которых в начале XX в. просто не существовало. Понятие смешанности на каждом конкретном историческом этапе формировалось именно по отношению к конкретно-исторической, а не к современной ипостаси белорусского языка. Те явления в языке начала XX в., которые могут казаться современным исследователям чертами неприемлемой «трасянки», совсем не обязательно были таковыми в то время. Поскольку на разных этапах своей истории воображаемый и реальный образ белорусского языка был неодинаков, постольку не может быть смешения белорусского языка с русским или любым другим вообще.

Например, белорусский язык образца 1870 г. (это год выхода знаменитого словаря И. Носовича) значительно отличался от белорусского литературного языка 1930-х гг. В первом случае еще совсем мало была представлена интеллектуально-культурная составляющая, возникшая в языке только в 1920-х гг. одновременно с выработкой научной терминологии и оформлением научного стиля. В ситуации 1870 г., когда белорусский язык существовал в основном в народно-разговорной форме и было относительно немного людей, стремящихся использовать вместо него русский (последний еще только начинал проникать в Беларусь), для возникновения и идентификации смешанной речи могло быть не слишком много оснований. Ведь в народно-разговорной форме белорусского языка были в ходу в основном его исконные, естественные, стабильные и хорошо укоренившиеся средства. Совсем иная парадигма смешения возникла, когда в белорусском литературном языке появился новый, значительный, часто искусственный, интеллектуально-культурный пласт, слова «нового культурного происхождения», если использовать выражение И. Волка-Леоновича [74, с. 221]. Средства именно этого неисконного слоя в первую очередь могли служить потенциальным и реальным источником нестабильности и смешения, предметом споров между лингвистами и неспециалистами относительно уместности или неуместности употребления тех или иных слов в языке¹⁶.

У белорусско-русского языкового смешения 1920-х гг., в свою очередь, будут не совсем сходные критерии со смешением, происходившим, например, в 1970-х гг. и т. д. Ограничимся только одним красноречивым примером. В книге такого образцового автора, как К. Мицкевич (Якуб Колас), «Методика родного языка» («Мэтодыка роднае мовы») 1927 г. употреблялись следующие слова: *аб'ясніць, аддзельны, адмеціць, адшуківаць, аставацца, астаноўка, ахвачаны, буква, бяседа, выясняць (пачаткі), дзяржаць, заметна, замячаць, заняці (па мове), нашчот, незаметны, падгатаўляць, прадпалагаць, прадстаўленне 'представление', расказ, следаваць, стала быць, староннік, схватваць, труднасць, трудны, трэбаванне, уясніць, цялежка* [75]. В 1970-х гг. (впрочем, даже уже в 1950-х гг.) все они оказались за пределами нормативных словарей, а в наши дни наверняка были бы отнесены к неприемлемой трасянке.

Смешение в рамках конкретного исторического периода не должно квалифицироваться по тем же критериям, по каким оно будет идентифицироваться в рамках другого периода.

Кроме того, обиходная белорусская речь всегда весьма вольно обращалась и обращается с необходимостью строго придерживаться зафиксированных в грамматиках и словарях белорусского языка норм хотя бы потому, что обиходная речь главным образом служит средством коммуникации, а не, например, инструментом нормализации. Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда нормы белорусского языка еще не были зафиксированы в грамматиках и словарях, поскольку по-настоящему проблема языкового смешения стала ощутимой для белорусской лингвистики не ранее, чем лексические и грамматические нормы были отражены в них, а также возникла дисциплина «Культура речи». Это произошло только в 1920-х гг., если не позже, ведь даже в рамках Пражского лингвистического кружка эта дисциплина появилась только в начале 1930-х гг.

Существует немало свидетельств того, что со времени оформления норм литературного языка они тем не менее с неодинаковым успехом применялись в живом неформальном общении. Приведем следующий показательный пример.

На академической конференции 1926 г. во время обсуждения вопроса о необходимости передавать на письме сильное яканье И. Волк-Леонович дважды сослался на свои наблюдения над манерами произношения некоторых членов конференции, в том числе и инициатора такого предложения Я. Лёсика.

¹⁶В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» в качестве одного из выводов находим предсказуемое наблюдение, что в трасянке белорусский язык наиболее сильно может удерживаться «в части базисной лексики» [27, с. 231].

Он обнаружил, что по крайней мере у трех ораторов, и у самого Я. Лёсика, такая черта фиксировалась только спорадически. Кроме того, он заметил у некоторых мэтров тогдашней лингвистики в качестве рутинного явления нарушения и других (не принятых в то время, но тем не менее подразумеваемых как общеизвестные) произносительных норм [74, с. 240, 282]. Между прочим, конференция была местом, где для обсуждения норм белорусского языка собрались едва ли не все самые лучшие тогдашние его знатоки. Вне сомнения, речевая практика людей, не связанных с лингвистикой, в бытовых ситуациях была еще менее унифицированной.

А. Подлужный неоднократно указывал на то, что в Беларуси разговорная форма белорусского литературного языка не развита [76, с. 7, 14]. На то, что в славянских языках, имеющих тесную связь между литературной формой и диалектной базой, не возникает четко оформленной разговорно-обиходной разновидности, указывал Н. Толстой [77, с. 20]. Следует упомянуть также мысль Дж. Дингли о том, что в Беларуси ни на одном из двух языков не говорят на должном уровне [78, р. 186], и взгляд С. Густавссона, согласно которому в Беларуси есть только очень немногие двуязычные белорусы, которые говорят на обоих языках без интерференции [38, р. 54]. В соответствии с мнением С. Густавссона в Беларуси близкое сходство языков превратило интерференцию во «взаимную черту обоих языков» [37, S. 1924]. Из таких суждений следует, что в воображении лингвистов, формулирующих подобные выводы (а таковы все «нормативные» лингвисты), на самом деле существует представление о некоем идеализированном нормативном языке, в отношении которого и делаются те или иные заключения.

В связи с этим следует признать, что белорусская речь всегда была и остается в той или иной степени «смешанной». В XIX в. она могла быть смешанной в том смысле, что тогда еще не существовало никаких кодифицированных норм белорусского литературного языка, препятствующих выходу говорящих на нем за его рамки. Например, исследователь белорусских пословиц М. Гринблат утверждал, что произведения этого жанра «пестрят» лексикой, которая попала в них «в процессе взаимообогащающих отношений с другими народами» [79, с. 45]. В начале XX в. нормализующие стремления были иногда настолько нечеткими, что даже язык главной возрожденческой газеты «Наша ніва» иногда квалифицируется авторами XXI в. как трясанка (совершенно неприемлемый с точки зрения нормы). В 1920–30-х гг. обиходная речь могла быть смешанной потому, что установленная в 1918–1933 гг. (часто вполне нестрогая) кодификация еще не могла обуздать все проявления народной стихии. Кроме того, часть этой кодификации противоречила некоторым фундаментальным представлениям о специфике белорусского языка (например, написание и произношение *d* и *m* в иностранных словах). К тому же нередко такая регламентация носила пуристический характер. Но эта старая разновидность вполне распространенной обиходной устной белорусской речи смешанной не считалась по причине еще недостаточно развитого в то время языкового сознания (более того, ее смешанный характер, как понимаем, может быть оспорен). А вот более поздняя разновидность этой речи такое определение имеет.

В данной ситуации возникает вопрос о смысле выделения определения «смешанный» в выражении «белорусско-русская смешанная речь».

Можем не сомневаться, что наряду со словосочетанием «белорусско-русская смешанная речь» (*weißrussisch-russische gemischte Rede*) в научном обиходе употребляется и выражение «смешанная белорусско-русская речь» (*gemischte weißrussisch-russische Rede*), где определение «смешанная» не является неким «дублером» члена «белорусско-русская», а выносится на законное первое место, что заметно в немецкоязычных публикациях даже на уровне названий отдельных статей [13; 48; 80].

Смысл такого оценочного выделения, например, мог бы заключаться в том, что, будучи негативно окрашенным, оно подчеркивает некую экологически нравственную семиотику действия, направленного на изучение смешанной речи. Трясанка, так сказать, является результатом сдвига от белорусского языка к русскому, свидетельством угасания белорусского языка, поэтому, изучая трясанку, мы на этот сдвиг указываем. Нравственное измерение в процессе проведения исследований малых языков, как известно, может (и даже должно) иметь место. Но вряд ли такое объяснение подходит к нашему случаю.

В данной ситуации смысл такого выделения состоит, вероятно, в том, что при обращении к речевому материалу, в соответствии с канонами идеологии стандартного языка, присущей то ли германской, то ли белорусской национальной лингвистической традиции, предполагается наличие некоего образа правильного, стандартного (белорусского или любого другого) языка, сквозь призму которого квалифицируется и оценивается речевая действительность. Более всего это заметно на примере установления белорусских, русских, общих и гибридных элементов в процессе анализа конкретного речевого материала в белорусско-русской смешанной речи.

Что в трясанке белорусское, а что – русское? Уже отмечалось, что методологические основы ольденбургского проекта разработаны с особенной тщательностью [8; 28]. Н. Мечковская даже высказала

предположение, что для столь специфического исследования разработка метода может быть «и важнее, и интереснее результатов» [28, с. 247]. Вообще, методологические основания ольденбургского проекта заслуживают отдельной публикации, здесь предлагаются только некоторые короткие ремарки.

Вынесенное в заглавие этой части нашей статьи разграничение обсуждалось Г. Хентшелем неоднократно [10; 50, S. 179–188]. Автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» не останавливается на этом вопросе подробно, упоминает только, что различие белорусского и русского в языковом материале совершалось на «лингвистических» [27, с. 210] основаниях.

В публикации [50, S. 179], в разделе «О методике: что в трасянке белорусское, а что русское», есть ссылки на работу А. Супруна 1987 г. об обучении русскому языку в белорусской школе [81] и на статью Т. Рамзы (в тот момент еще не опубликованную) об эволюции трасянки в литературных текстах [19]. Но в этих работах нет сколько-нибудь разработанной методологии проведения количественного анализа (впрочем, А. Супрун высказывал сожаление, что такой подход не разработан, а Т. Рамза представила некоторые количественные подсчеты). В разделе нет никаких других ссылок на литературу и, соответственно, нет указаний на прецеденты использования каких-либо похожих методик, использовавшихся в других работах. Как кажется, методология ольденбургского проекта была выработана без привлечения прецедентов, в значительной степени исходя из соображений здравого смысла. Все же такое использование кажется желательным.

Наше внимание привлекла работа К. Вулард 1987 г. о переключении кодов в комедийных представлениях одного известного барселонского комика [82]. Это исследование может представлять интерес в том плане, что по отношению к квалификации языка этого артиста, часто умышленно переключавшегося с каталанского на испанский язык и наоборот, часть слушателей прибегали к формулировке «нельзя определить, на каком языке он говорит», а также потому, что автор привела некоторые собственные подсчеты.

В своей статье К. Вулард определила, что 80 % юмористических нарративов комика Эугенио базируются на испанском языке, 20 % – на каталанском. Такое членение было сделано на основе подсчета слов во всем корпусе. При этом морфологически интегрированные в испанский язык лексемы каталанского происхождения были подсчитаны как заимствования, а неинтегрированные слова (которые также можно было бы отнести к обычным заимствованным испанским сообществом словам) – как переключения кодов. Относительно многочисленных слов, которые могли бы быть одинаково каталанскими или кастильскими, принят следующий подход: слово считалось испанским, если предшествующее ему слово, а также следующее за ним было испанским, слово считалось каталанским, если предшествующее ему и следующее за ним слова определенно были каталанскими. В тех случаях, когда слова могли казаться одинаково испанскими и каталанскими, они были зачтены в отдельную категорию сомнительных. Количество таких слов оказалось небольшим [82, с. 108, 119–120].

Обращает на себя внимание разница со способом калькуляции, используемым в рамках ольденбургского проекта. Она проявилась в следующем:

- для К. Вулард оказалась важной такая единица измерения, как нарратив, и, как кажется, уже на первой стадии был определен основной язык выступлений артиста;
- при обработке материала учитывалась такая категория, как (морфологически) интегрированные и неинтегрированные слова;
- в работе о переключении кодов в Барселоне иначе были обработаны общие для обоих языков слова, которых в итоге оказалось немного;
- в статье К. Вулард отсутствуют какие бы то ни было ссылки на грамматические кодексы либо нормативные словари каталанского и испанского языков¹⁷.

По нашему мнению, как минимум вопрос интегрированности vs неинтегрированности тех или иных белорусских явлений в русский язык белорусов, а также русских явлений в белорусский язык белорусов при разработке проблем трасянки мог бы иметь значение.

По-видимому, есть очевидная проблема в том, что к исследованию свободной в своем проявлении белорусской смешанной речи большинство авторов приступают, вооружившись до зубов лингвистическими кодексами, вобравшими в себя плоды существующей языковой идеологии. Неоднократно разными авторами указывалось, что двуязычие не состоит из двух отдельных «монологий» и в его рамках каждый одноязычный компонент в той или иной степени претерпевает трансформацию. В этом смысле нормативные лингвистические кодексы тех или иных языков не обязательно являются безупречным мерилем при исследовании смешанной речи, имеющей значительную тенденцию к тому,

¹⁷В статье ольденбургского автора «О белорусско-русской гибридности в белорусской “трасянке”» [50] такого рода позиции составляют одну шестую часть списка литературы.

чтобы восприниматься в обществе как некий «язык». Подход, в соответствии с которым при обработке и атрибуции языкового материала реализуется последовательная тотальная опора на лингвистические справочники, может оцениваться как узколингвистический (и потому недостаточно социолингвистический). Самостоятельной проблемой может являться то обстоятельство, что стремление обеспечить точное соблюдение квантитативного подхода среди прочего может дать результатом адаптацию к возможностям имеющей свои имманентные ограничения методологии всего исследования, редуцированный либо чрезмерно упрощенный подход при решении некоторых сложных вопросов. По этому поводу Н. Мечковская замечала, что для ольденбургского исследования иногда «выдержанность метода... важнее реальности» [28, с. 246].

Конечно, то обстоятельство, что во время обработки материала каждая из 380 тыс. словоформ и каждое высказывание были однозначно идентифицированы как белорусские, русские, общие либо гибридные, вызывает восхищение. Но ровно это же обстоятельство может также вызывать и недоверие, потому что как минимум иногда такая идентификация затруднительна.

Как утверждает Л. Мадсен, в последние годы под влиянием осознания того обстоятельства, что иногда говорящие в своей речевой практике обращаются к любым доступным им языковым ресурсам (и такие ресурсы не обязательно соотносятся с определенными разновидностями и языками), в некоторых социолингвистических работах наметилась тенденция переоценки ограничений и идеологических импликаций, присущих таким традиционным для лингвистики понятиям, как язык или разновидность. В ряде работ показано, что эти концепции есть скорее «репрезентации языковых идеологий, нежели языковой практики» [84, р. 41]. В методологическом плане эти труды могут опираться на инициированное М. Бахтиным в 1930-х гг. понятие разноречия. В любом случае тщательно разработанная и иногда, кажется, замкнутая в пределах нормативной лингвистики методология лингвистической части ольденбургского проекта требует критического осмысления.

Заключение

Посвященный изучению трясянки ольденбургский проект явил собой образец оригинального инновационного исследования материи, ранее мало изучавшейся в белорусском языкознании. Ввиду своей значимости данный проект имел кумулятивный эффект, он оживил и (или) стимулировал изучение трясянки в Беларуси и за ее пределами. В рамках славистики ольденбургское исследование продемонстрировало достижения современной квантитативной методологии и оказалось в центре внимания представителей разных национальных лингвистических традиций, методологических школ и конкретных исследовательских подходов. Настоящим вызовом для белорусского языкознания стало обращение германских коллег к богатому эмпирическому материалу, представленному в виде корпуса белорусско-русской смешанной речи, обработанного с помощью квантитативной методологии. Статья руководителя проекта Г. Хентшеля «Одиннадцать вопросов и ответов...» подводит итог не только ольденбургскому проекту, но и всему предыдущему изучению трясянки. Одновременно эта работа показывает, что в рамках проекта были разработаны не все существенные проблемы трясянки и что на данном этапе исследования значение могут иметь дальнейший поиск, не в полной мере опирающиеся на эмпирический материал суждения, а также дискурс, основанный на анализе дискурса других авторов.

В процессе разработки методологии квантитативного анализа трясянки не были должным образом учтены все важные параметры, имеющие значение для адекватного понимания данного феномена. Стремление обеспечить пунктуальное соблюдение квантитативного подхода было продуктивным для методологии не всегда могло содействовать решению других важных вопросов. Открытым остается вопрос о надлежащей согласованности в рамках проекта квантитативного и качественного подходов. К сожалению, в тени остались вопросы идентификации трясянки, отграничивающей ее от других белорусских речевых разновидностей с вероятным избытком проявлений языкового контакта (диалектная, разговорная речь).

Представляется неудачным отказ руководителя проекта по истечении нескольких лет от использования термина «трясянка» в пользу не вполне эквивалентного и также содержащего оценочный компонент выражения «белорусско-русская смешанная речь».

Постулированию зарождения трясянки в XVIII в., справедливо оспариваемому Г. Хентшелем, препятствует как отсутствие надежных сведений об устной речи в конце XVIII – XIX в., так и другие методологические затруднения, связанные с тем обстоятельством, что на протяжении этого и особенно последующего времени белорусский язык, в отношении которого формируются представления о трясянке, не имел стабильной формы и пребывал в постоянной динамике. Само определение какой-либо

разновидности белорусской речи как смешанной ученым сообществом и (или) значительной частью общества невозможно без утверждения дискурса о литературных языках с присущим ему понятием нормы, возникновения и социализации дисциплины «Культура речи», а также более или менее развитого национального самосознания.

Библиографические ссылки

1. Запрудскі С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасяяккі», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук. *Arche Пачатак*. 2009;11–12(86–87):157–200.
2. Zaprudski S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus «Trasjanka» und zur modernen Trasjankaforschung. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 119–141.
3. Woolhiser C. The sociolinguistic study of language contact and bilingualism in the former Soviet Union: the case of Belarus. In: Harlig J, Pléh C, editors. *When East met West: Sociolinguistics in the former socialist bloc*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1995. p. 63–88.
4. Цыхун ГА. Трасяянка як аб’ект лінгвістычнага даследавання. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларуская мова ў другой палове ХХ стагоддзя. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 22–24 кастрычніка 1997 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 1998. с. 83–89.
5. Цыхун Г. Крэалізаваны прадукт. Трасяянка як аб’ект лінгвістычнага даследавання. *Arche Пачатак*. 2000;6(11):51–58.
6. Мячкоўская НБ. Трасяянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасяяккі? *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007;1:91–97.
7. Ramza T. Трасяянка: нацыянальна-працэдэнтны феномен или «ключевое слово текущего момента»? *Беларуская думка*. 2010;7:112–116.
8. Мячкоўская НБ. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасяяккі. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013;2:62–69.
9. Stern D. Review of: Hentschel G, Taranenko A, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* (Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 p.). *Acta Slavica Iaponica*. 2017;38:133–144.
10. Генчэль Г, Тэш С. Трасяянка: у якой ступені яна «руская», «беларуская» або «агульная»? (На матэрыяле маўленчай практыкі адной сям’і). *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007;1:85–91.
11. Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasjanka and Ukrainian Suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. 133 p.
12. Hentschel G, editor. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. 107 S.
13. Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 S.
14. Tesch S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*. Oldenburg: BIS; 2014. 268 S.
15. Zeller JP. *Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt*. Oldenburg: BIS; 2015. 491 S.
16. Menzel Th, Hentschel G. *Flexionsmorphologische Irregularität im inner-slavischem Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs Weißrussisch / Ukrainisch-Polnisch vs Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2017. 371 S.
17. Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. *Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2018. 338 S.
18. Cychun H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 163–172.
19. Ramza T. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten. *Zeitschrift für Slawistik*. 2008;53(3):305–325. DOI: 10.1524/slsw.2008.0022.
20. Клімаў ІІ. Трансфармацыя беларускіх дыялектаў: тэарэтычныя перспектывы даследавання. У: Антропаў МП, рэдактар. *Беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Слав’і. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 24–25 лістапада 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2009. с. 250–254.
21. Mečkovskaja NB. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 53–90.
22. Klima I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der *parole* und der *langue*. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 173–192.
23. Liankevič A. Die Einstellung zu den gemischten sprachlichen Kodes in Weißrussland (am Material eines matched guise-Tests). In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 233–252.
24. Цыхун Г. *Штудыі пра «трасяяккі»*. Oldenburg: BIS; 2013. 53 с.

25. Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов. В: Белорусский государственный университет. *Языковой контакт*. Минск: РИВШ; 2015. с. 171–186.
26. Hentschel G. Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech («trasyanka»). *Russian Linguistics*. 2017;41(1):17–42. DOI: 10.1007/s11185-016-9175-8.
27. Хентшель Г. Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки». *Русский язык в научном освещении*. 2017;1(33):209–250.
28. Мечковская НБ. Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода. *Русский язык в научном освещении*. 2018;1(35):226–250.
29. Баркович АА. Русско-белорусская межъязыковая интерференция и трасянка: компьютерно-опосредованная верификация и научная рефлексия. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021;69:5–28.
30. Масенко Л. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasyanka and Ukrainian Suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 1–37.
31. Moser M. How it all began: Ukrainian-Russian «surzhyk» in eighteenth-century sources from the Hetmanate. In: *New contributions to the history of the Ukrainian language*. Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press; 2016. p. 138–168.
32. Бестерс-Дилгер Ю. Конвергенция и дивергенция славянских языков. Влияние социолингвистических факторов в прошлом и современности. V: Kurek H, redaktor. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym: prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów; 20–27 sierpień 2013; Mińsk, Belarus*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2012. s. 9–22.
33. Михневич АЕ, редактор. *Русский язык в Белоруссии*. Минск: Наука и техника; 1985. 272 с.
34. Макарэвіч В. Мова дробнай шляхты Беларусі ў XIX ст. *Studia Białorutenistyczne*. 2012;6:255–263.
35. Bieder H. Die weißrussisch-russische Mischsprache (Trasyanka) als Forschungsproblem. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasyanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 91–118.
36. Bilaniuk L. A typology of surzhyk: mixed Ukrainian-Russian language. *International Journal of Bilingualism*. 2004;8(4):409–425. DOI: 10.1177/13670069040080040101.
37. Gustavsson S. Byelorussia. In: Goebel H, Nelde PH, Starý Z, Wölck W, editors. *Kontaktlinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Band 2*. Berlin: de Gruyter Mouton; 1997. S. 1919–1926.
38. Gustavsson S. Belarus: a multilingual state in Eastern Europe. In: Gustavsson S, Runblom H, editors. *Language, Minority, Migration. Yearbook 1994/1995 from the Centre for Multiethnic Research*. Uppsala: Centre for Multiethnic Research; 1995. p. 39–74.
39. Хентшель Г. О работе Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов. В: Дуличенко А, Густавссон С, Данн Дж, редакторы. *Slavica Tartuensia VII. Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы Международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов; 15–17 сентября 2005 г.; Тарту, Эстония*. Тарту: Тартуский университет; 2006. с. 17–21.
40. Головкин ЕВ. Переключение кодов или новый код? *Труды факультета этнологии*. 2001;1:298–316.
41. Зінкевіч А, Преннер МК, Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasyanka» in Weißrussland. *Мовознавство*. 2019;5:73–79.
42. Jaspers J. Diglossia and beyond. In: Garcia O, Flores N, Spotti M, editors. *The Oxford handbook of language and society*. Oxford: Oxford University Press; 2017. p. 179–198.
43. Bilaniuk L. Conflicting epistemologies in the study of mixed languages. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasyanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 27–30.
44. Hentschel G, Tesch S. «Trasyanka»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland. In: Stern D, Voss Chr, editors. *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2006. S. 213–243.
45. Stern D. Die Trasyanka und die Regiolektalisierung des Russischen in Weißrußland. *Zeitschrift für Slawistik*. 2013;58(2):169–192.
46. Hentschel G, Zeller JP. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slavistischer Almanach*. 2012;70:127–155.
47. Martinet A. La double articulation linguistique. *Travaux du cercle linguistique de Copenhague*. 1949;5:30–37.
48. Хенцель Г. Некоторые различия и сходства в смешанной белорусско-русской речи в разных белорусских городах и у разных говорящих. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў беларусістыцы. Мовознаўства*. Мінск: Чатыры чвэрці; 2012. с. 220–232.
49. Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь. *Вопросы языкознания*. 2013;1:53–76.
50. Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasyanka». In: Kosta P, Weiss D, editors. *Slavistische Linguistik 2006/2007: Referate des XXXII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Männedorf bei Zürich, 18–20 September 2006, und Referate des XXXIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Potsdam 4–6 September 2007. Gerd Freidhof ruz 65. Geburtstag gewidmet*. München: Otto Sagner; 2008. S. 169–219.
51. Chambers J. Sociolinguistics of immigration. In: Britain D, Cheshire J, editors. *Social Dialectology. In honour of Peter Trudgill*. Amsterdam: John Benjamins; 2003. p. 97–114.
52. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
53. Hentschel G. Zwischen Variabilität und Regularität, «Chaos» und Usus: Zu Lautung und Lexik in der weisrussisch-russischen gemischten Rede. In: Hentschel G. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten. Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. S. 63–99.
54. Хентшель Г. Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки». *Вопросы языкознания*. 2016;6:84–112.
55. Хентшель Г. Белорусская «трасянка» и украинский «суржик»: о основных различиях в степени влияния русского языка. *Przegląd Rusycystyczny*. 2018;2(162):190–206.

56. Hentschel G, Kittel B. Weißrussische Dreisprachigkeit? Zur sprachlichen Situation in Weißrussland auf der Basis von Urteilen von Weißrussen über die Verbreitung «ihrer Sprachen» im Lande. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2011;67:107–135.
57. Bieder H. Die gegenwärtige sprach- und kulturpolitische Entwicklung in Weißrußland. *Die Welt der Slaven*. 1992;37:142–168.
58. Auer P. Europe's sociolinguistic unity, or: A typology of European dialect/standard constellations. In: Delbecq N, van der Auwera J, Geeraerts D, editors. *Perspectives on variation: sociolinguistic, historical, comparative*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2005. p. 7–42. DOI: 10.1515/9783110909579.7.
59. Bullock BE, Toribio AJ. Themes in the study of code-switching. In: Bullock BE, editor. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 1–17.
60. Hentschel G. Die weißrussische «Trasjanka» und der ukrainische «Suržyk»: grundlegende quantitativ-qualitative soziolinguistische Ähnlichkeiten und Unterschiede. In: Kempgen S, Wingender M, editors. *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2018. S. 127–138.
61. Auer P. Language mixing and language fusion: when bilingual talk becomes monolingual. In: Besters-Dilger J, Dermarkar C, Pfänder S, Rabus A, editors. *Congruence in contact-induced language change. Language families, typological resemblance, and perceived similarity*. Berlin: de Gruyter; 2014. p. 294–333. DOI: 10.1515/9783110338454.294.
62. Hentschel G, Taranenko O. Bilingualism or tricolalism: Ukrainian, Russian and «Suržyk» in Ukraine. Analysis and linguistic-geographical mapping. *Die Welt der Slaven*. 2021;66(2):268–299.
63. Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell; 1986. 174 p.
64. Hentschel G. On the development of inflectional paradigms in Belarusian trasjanka: the example of demonstrative pronouns. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasjanka and Ukrainian suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 99–133.
65. Moreno FF, Moreno FJ. Madrid perceptions of regional varieties in Spain. In: Long D, Preston D, editors. *Handbook of perceptual dialectology. Volume 2*. Amsterdam: John Benjamins; 2002. p. 295–320.
66. Крывіцкі АА. Спадчына Я. Ф. Карскага па беларускай дыялекталогіі. *Беларуская лінгвістыка*. 1982;21:18–24.
67. Носович ИИ. Воспоминания моей жизни. *Неман*. 1997;4:194–254.
68. Янчук НА. *По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 году)*. Москва: Типография А. Левенсон и К^о; 1889. 130 с.
69. Danylenko A. Iazychie and Surzhyk: Mixing languages and identities in the Ukrainian borderlands. In: Kamusella T, Noma-chi M, Gibson C, editors. *The Palgrave handbook of Slavic languages, identities and borders*. London: Palgrave Macmillan; 2016. p. 81–100.
70. Слобада М. Катэгорыі «трасянка» і «českoslovenština» як дыскурсіўныя аб'екты: іх паходжанне і ўжыванне ў сучасных беларуска-расейскім і славацка-чэшскім дыскурсах. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Мовазнаўства. Матэрыялы IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін»; 6–9 чэрвеня 2005 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Лімарыус; 2010. с. 190–200.
71. Nábělková M, Sloboda M. «Trasjanka» and «Českoslovenčina» (Czechoslovak) as discursive emic categories: history and current usage. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 31–52.
72. Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. 427 с.
73. Lippi-Green R. Accent, standard language ideology, and discriminatory pretext in the courts. *Language in society*. 1994; 23(2):163–198.
74. Некрашэвіч С, Ігнатоўскі У, рэдактары. *Працы Акадэмічнае канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі; 14–21 лістапада 1926 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 1927. 432 с.
75. Міцкевіч К. *Методыка роднае мовы*. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі; 1926. 139 с.
76. Падлужны АІ. Уступ. У: Бурлыка ВР, Бурлыка ІР, Выгонная ЛТ, Лосік ГВ, Падлужны АІ, Русак ВП і інш. *Вусная беларуская мова*. Мінск: Навука і тэхніка; 1990. с. 3–18.
77. Толстой НИ. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука; 1988. 239 с.
78. Dingley J. Ukrainian and Belorussian – a testing ground. In: Kirkwood M, editor. *Language planning in the Soviet Union*. London: Palgrave Macmillan; 1989. p. 174–189.
79. Грынблат МЯ. Прыказкі і прымаўкі. У: Фядосік АС, рэдактар. *Прыказкі і прымаўкі. Том 1*. Мінск: Навука і тэхніка; 1976. с. 5–48.
80. Hentschel G, Brandes O. Zur Morphologie der anaphorischen Pronomen in der gemischten weißrussisch-russischen Rede. In: Berger T, Giger M, Kurth S, Mendoza I, editors. *Von grammatischen Kategorien zu sprachlichen Weltbildern – die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache*. München: Kubon & Sagner; 2009. S. 199–214.
81. Супрун АЕ. *Содержание обучения русскому языку в белорусской школе*. Мінск: Вышэйшая школа; 1987. 228 с.
82. Woolard KA. Codeswitching and Comedy in Catalonia. *IPrA Papers in Pragmatics*. 1987;1(1):106–122. DOI: 10.1075/iprap.1.1.04woo.
83. Madsen LM. Heteroglossia, voicing and social categorisation. In: Blackledge A, Creese A, editors. *Heteroglossia as practice and pedagogy*. Heidelberg: Springer; 2014. p. 41–58. DOI: 10.1007/978-94-007-7856-6_3.

References

1. Zaprudski S. [Some remarks about the research of trasjanka or Challenges for Belarusian humanitarian and social sciences]. *Arche Pachatak*. 2009;11–12(86–87):157–200. Belarusian.
2. Zaprudski S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus «Trasjanka» und zur modernen Trasjankaforschung. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 119–141.
3. Woolhiser C. The sociolinguistic study of language contact and bilingualism in the former Soviet Union: the case of Belarus. In: Harlig J, Pléh C, editors. *When East met West: Sociolinguistics in the former socialist bloc*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1995. p. 63–88.

4. Cychun HA. [Trasyanka as an object of linguistic study]. In: Pryhodzie MR, editor. *Belaruskaja mova w drugoj palove XX stogoddzja. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 22–24 kastychnika 1997 g.; Minsk, Belarus* [Belarusian language in the second half of the 20th century. Proceedings of the International scientific conference; 1997 October 22–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 1998. p. 83–89. Belarusian.
5. Cychun H. [The creolised product. Trasyanka as an object of linguistic study]. *Arche Pachatak*. 2000;6(11):51–58. Belarusian.
6. Mjachkowskaja NB. [Trasyanka in the continuum of Belarusian-Russian idiolects: who and when speaks trasyanka?]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2007;1:91–97. Belarusian.
7. Ramza T. [Trasyanka: national and precedent phenomenon or «key word of the present moment»?]. *Belaruskaja dumka*. 2010;7:112–116. Russian.
8. Mjachkowskaja NB. [In a linguist laboratory of professor Hentschel: methods and results of trasyanka study]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;2:62–69. Belarusian.
9. Stern D. Review of: Hentschel G, Taranenko A, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* (Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 p.). *Acta Slavica Iaponica*. 2017;38:133–144.
10. Hentschel G, Tesch S. [Trasyanka: to what degree is it «Russian», «Belarusian» or «common»?]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2007;1:85–91. Belarusian.
11. Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasyanka and Ukrainian suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. 133 p.
12. Hentschel G, editor. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. 107 S.
13. Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 S.
14. Tesch S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*. Oldenburg: BIS; 2014. 268 S.
15. Zeller JP. *Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt*. Oldenburg: BIS; 2015. 491 S.
16. Menzel Th, Hentschel G. *Flexionsmorphologische Irregularität im inner-slavischem Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs Weißrussisch / Ukrainisch-Polnisch vs Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2017. 371 S.
17. Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. *Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russischen gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2018. 338 S.
18. Cychun H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 163–172.
19. Ramza T. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten. *Zeitschrift für Slawistik*. 2008;53(3):305–325. DOI: 10.1524/slsw.2008.0022.
20. Klimaw IP. [Transformation of the Belarusian dialects: theoretic prospects of study]. In: Antropau MP, editor. *Belaruskaja mova w kul’turnaj i mownaj prastory Slavii. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 24–25 listapada 2009 g.; Minsk, Belarus’* [Belarusian language in cultural and linguistic space of Slavia. Proceedings of the International scientific conference; 2009 November 24–25; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i ekanomika; 2009. p. 250–254. Belarusian.
21. Mečkovskaja NB. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 53–90.
22. Klimaü I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der *parole* und der *langue*. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 173–192.
23. Liankevič A. Die Einstellung zu den gemischten sprachlichen Kodes in Weißrussland (am Material eines matched guise-Tests). In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 233–252.
24. Cychun H. Studien zur «Trasjanka». Oldenburg: BIS; 2013. 53 S.
25. Hentschel G. [Belarusian-Russian mixed speech («trasjanka»): eight questions and answers]. In: Belarusian State University. *Jazykovoï kontakt* [Language contact]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2015. p. 171–186. Russian.
26. Hentschel G. Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech («Trasyanka»). *Russian Linguistics*. 2017;41(1):17–42. DOI: 10.1007/s11185-016-9175-8.
27. Hentschel G. [Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech («trasyanka»)]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017;1(33):209–250. Russian.
28. Mechkovskaya NB. [Belarusian trasyanka as the apple of discord and as the whetstone of the method]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2018;1(35):226–250. Russian.
29. Barkovich AA. [Russian-Belarusian cross-lingual interference and trasyanka: computer-mediated verification and scientific reflection]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021;69:5–28. Russian.
30. Masenko L. [Suržyk: the history of formation, actual state, prospects of functioning]. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 1–37. Ukrainian.
31. Moser M. How it all began: Ukrainian-Russian «suržyk» in eighteenth-century sources from the Hetmanate. In: *New Contributions to the History of the Ukrainian Language*. Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press; 2016. p. 138–168.

32. Besters-Dilger J. [Convergence and divergence of Slavic languages. The influence of sociolinguistic factors in the past and in modernity]. V: Kurek H, redaktor. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym: prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów; 20–27 sierpień 2013; Mińsk, Belarus*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2012. s. 9–22. Russian.
33. Mikhnevich AE, editor. *Russkii yazyk v Belorussii* [Russian language in Belorussia]. Minsk: Nauka i technika; 1985. 272 p. Russian.
34. Makarjevich V. *Mova drobnaj shljahty Belarusi w XIX st.* [Language of the landed gentry in Belarus in the 19th century]. *Studia Bialorutenistyczne*. 2012;6:255–263. Belarusian.
35. Bieder H. Die weißrussisch-russische Mischsprache (Trasjanka) als Forschungsproblem. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 91–118.
36. Bilaniuk L. A typology of surzhyk: mixed Ukrainian-Russian language. *International Journal of Bilingualism*. 2004;8(4): 409–425. DOI: 10.1177/13670069040080040101.
37. Gustavsson S. Byelorussia. In: Goebel H, Nelde PH, Starý Z, Wölck W, editors. *Halbband: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Band 2*. Berlin: de Gruyter Mouton; 1997. S. 1919–1926.
38. Gustavsson S. Belarus: a multilingual state in Eastern Europe. In: Gustavsson S, Runblom H, editors. *Language, Minority, Migration. Yearbook 1994/1995 from the Centre for Multiethnic Research*. Uppsala: Centre for Multiethnic Research; 1995. p. 39–74.
39. Hentschel G. [About work of the Commission for the study of language contacts at the International committee of slavists]. In: Dulichenko A, Gustavsson S, Dunn J, editors. *Slavica Tartuensia VII. Slavyanskije literaturnye mikroyazyki i yazykovye kontakty. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, organizovannoi v ramkakh Komissii po yazykovym kontaktam pri Mezhdunarodnom komitee slavistov; 15–17 sentyabrya 2005 g.; Tartu, Estoniya* [Slavica Tartuensia VII. Slavic literary microlanguages and language contacts. Materials of the International conference organized within the framework of the Commission on language contacts under the International Committee of Slavists; 2005 September 15–17; Tartu, Estonia]. Tartu: Tartu university; 2006. p. 17–21. Russian.
40. Golovko EV. Code-switching or new code? *Trudy fakul'teta etnologii*. 2001;1:298–316. Russian.
41. Zinkevych A, Prenner MK, Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland. *Movoznavstvo*. 2019;5:73–79. Ukrainian.
42. Jaspers J. Diglossia and beyond. In: Garcia O, Flores N, Spotti M, editors. *The Oxford handbook of language and society*. Oxford: Oxford University Press; 2017. p. 179–198.
43. Bilaniuk L. Conflicting epistemologies in the study of mixed languages. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 27–30.
44. Hentschel G, Tesch S. «Trasjanka»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland. In: Stern D, Voss Chr, editors. *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2006. S. 213–243.
45. Stern D. Die Trasjanka und die Regiolektalisierung des Russischen in Weißrußland. *Zeitschrift für Slawistik*. 2013;58(2): 169–192.
46. Hentschel G, Zeller JP. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2012;70:127–155.
47. Martinet A. La double articulation linguistique. *Travaux du cercle linguistique de Copenhague*. 1949;5:30–37.
48. Hentschel G. [Some differences and similarities in the mixed Belarusian-Russian speech of various speakers in various Belarusian towns]. In: Zaprudski SM, Cychun GA, editors. *Novae slova w belarusistycy. Movaznavstva* [A new word in Belarusian studies. Linguistics]. Minsk: Chatyry chvjerci; 2012, p. 220–232. Russian.
49. Hentschel G. Belarusian and Russian languages and Belarusian-Russian mixed speech. *Voprosy yazykoznanija*. 2013;1:53–76. Russian.
50. Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka». In: Kosta P, Weiss D, editors. *Slavistische Linguistik 2006/2007: Referate des XXXII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Männedoff bei Zürich, 18–20 September 2006, und Referate des XXXIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Potsdam 4–6 September 2007. Gerd Freidhof ruz 65. Geburtstag gewidmet*. München: Otto Sagner; 2008. S. 169–219.
51. Chambers J. Sociolinguistics of immigration. In: Britain D, Cheshire J, editors. *Social Dialectology. In honour of Peter Trudgill*. Amsterdam: John Benjamins; 2003. p. 97–114.
52. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
53. Hentschel G. Zwischen Variabilität und Regularität, «Chaos» und Usus: Zu Lautung und Lexik in der weisrussisch-russischen gemischten Rede. In: Hentschel G. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten. Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. S. 63–99.
54. Hentschel G. Regular variation or «chaos»: the question of usus in a mixed linguistic varieties – the case of Belarusian «trasyanka». *Voprosy yazykoznanija*. 2016;6:84–112. Russian.
55. Hentschel G. Belarusian «trasyanka» and Ukrainian «surzhyk»: the main differences in the degree of Russian influence. *Przeglad Rusycystyczny*. 2018;2(162):190–206. Russian.
56. Hentschel G, Kittel B. Weißrussische Dreisprachigkeit? Zur sprachlichen Situation in Weißrussland auf der Basis von Urteilen von Weißrussen über die Verbreitung «ihrer Sprachen» im Lande. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2011;67:107–135.
57. Bieder H. Die gegenwärtige sprach- und kulturpolitische Entwicklung in Weißrußland. *Die Welt der Slaven*. 1992;37:142–168.
58. Auer P. Europe's sociolinguistic unity, or: A typology of European dialect/standard constellations. In: Delbecq N, van der Auwera J, Geeraerts D, editors. *Perspectives on variation: sociolinguistic, historical, comparative*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2005. p. 7–42. DOI: 10.1515/9783110909579.7.
59. Bullock BE, Toribio AJ. Themes in the study of code-switching. In: Bullock BE, editor. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 1–17.
60. Hentschel G. Die weißrussische «Trasjanka» und der ukrainische «Suržyk»: grundlegende quantitativ-qualitative soziolinguistische Ähnlichkeiten und Unterschiede. In: Kempgen S, Wingender M, editors. *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2018. S. 127–138.

61. Auer P. Language mixing and language fusion: when bilingual talk becomes monolingual. In: Besters-Dilger J, Dermarkar C, Pfänder S, Rabus A, editors. *Congruence in contact-induced language change. language families, typological resemblance, and perceived similarity*. Berlin: de Gruyter; 2014. p. 294–333. DOI: 10.1515/9783110338454.294.
62. Hentschel G, Taranenko O. Bilingualism or triconalism: Ukrainian, Russian and «suržyk» in Ukraine. Analysis and linguistic-geographical mapping. *Die Welt der Slaven*. 2021;66(2):268–299.
63. Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell; 1986. 174 p.
64. Hentschel G. On the development of inflectional paradigms in Belarusian trasyanka: the example of demonstrative pronouns. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasyanka and Ukrainian suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 99–133.
65. Moreno FF, Moreno FJ. Madrid perceptions of regional varieties in Spain. In: Long D, Preston D, editors. *Handbook of perceptual dialectology. Volume 2*. Amsterdam: John Benjamins; 2002. p. 295–320.
66. Kryvicki AA. The heritage of J. F. Karski in Belarusian dialectology. *Bielaruskaja linhvistyka*. 1982;21:18–24.
67. Nosovich II. [Memoirs about my life]. *Neman*. 1997;4:194–254. Russian.
68. Yanchuk NA. *Po Minskoi gubernii (zametki iz poezdki v 1886 godu)* [Along Minsk province (remarks from the 1886 trip)]. Moscow: Tipografiya A. Levenson i K^o; 1889. 130 p. Russian.
69. Danylenko A. Iazychie and suržyk: mixing languages and identities in the Ukrainian borderlands. In: Kamusella T, Noma-chi M, Gibson C, editors. *The Palgrave handbook of Slavic languages, identities and borders*. London: Palgrave Macmillan; 2016. p. 81–100.
70. Sloboda M. [Categories «trasyanka» and «českoslovenština» as discursive objects: their origin and use in modern Belarusian-Russian and Slovak-Czech discourses]. In: Zaprudski SM, Cychun HA, editors. *Movaznavstva. Matjeryjaly IV Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Bielaruskaja kul'tura w kantjeksce kul'tur ewrapejskich krain»; 6–9 chjervenja 2005 g.; Minsk, Belarus'* [Linguistics. Proceedings of the IV International congress of Belarusians «Belarusian culture in the context of European cultures; 2005 June 6–9; Minsk, Belarus]. Minsk: Limaryus; 2010. p. 190–200. Belarusian.
71. Nábělková M, Sloboda M. «Trasyanka» and «českoslovenčina» (Czechoslovak) as discursive emic categories: history and current usage. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasyanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 31–52.
72. Scherba LV. *Yazykovaya sistema i rečevaya deyatelnost'* [Linguistic system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. 427 p. Russian.
73. Lippi-Green R. Accent, standard language ideology, and discriminatory pretext in the courts. *Language in society*. 1994; 23(2):163–198.
74. Nekrashjevich C, Ignatowski U, editors. *Pracy Akadjemichnae kanferjencyi pa rjeforme belaruskaga pravapisu i azbuki; 14–21 listapada 1926 g.; Minsk, Belarus'* [Proceedings of the academic conference on the reform of the Belarusian spelling and alphabet; 1926 November 14–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Instytut belaruskaj kul'tury; 1927. 423 p. Belarusian.
75. Mickevich K. *Metodyka rodnae movy* [Native language techniques]. Minsk: Dzjarzhawnae vydavectva Belarusi; 1926. 139 p. Belarusian.
76. Padluzhny AI. [Introduction]. In: Burlyka VR, Burlyka IR, Vygonnaja LT, Losik GV, Padluzhny AI, Rusak VP, editors. *Vusnaja belaruskaja mova* [Oral Belarusian language]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1990. p. 3–18. Belarusian.
77. Tolstoi NI. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov* [The history and structure of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka; 1988. 239 p. Russian.
78. Dingley J. Ukrainian and Belorussian – a testing ground. In: Kirkwood M, editor. *Language planning in the Soviet Union*. London: Palgrave Macmillan; 1989. p. 174–189.
79. Grynblat MJa. [Proverbs and sayings]. In: Fjadosik AS, editor. *Prykazki i prykawki. Tom 1* [Proverbs and sayings. Volume 1]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1976. p. 5–48. Belarusian.
80. Hentschel G, Brandes O. Zur Morphologie der anaphorischen Pronomen in der gemischten weißrussisch-russischen Rede. In: Berger T, Giger M, Kurth S, Mendoza I, editors. *Von grammatischen Kategorien zu sprachlichen Weltbildern – die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache*. München: Kubon & Sagner; 2009. S. 199–214.
81. Suprun AE. *Soderzhanie obucheniya russkomu yazyku v belorusskoi shkole* [The content of teaching the Russian language in the Belarusian school]. Minsk: Vyshhejšhaja shkola; 1987. 228 p. Russian.
82. Woolard KA. Codeswitching and Comedy in Catalonia. *IPrA Papers in Pragmatics*. 1987;1(1):106–122. DOI: 10.1075/iprapip.1.1.04woo.
83. Madsen LM. Heteroglossia, voicing and social categorisation. In: Blackledge A, Creese A, editors. *Heteroglossia as practice and pedagogy*. Heidelberg: Springer; 2014. p. 41–58. DOI: 10.1007/978-94-007-7856-6_3.

РЕЦЕНЗИИ

РЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

Гуль М. В. Иноязычная лексика в процессе становления и развития белорусской терминологии (на материале терминосистем филологии, философии и социологии) : монография / М. В. Гуль ; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. Брест : БрГУ, 2021. 220 с.

Гуль М. У. Іншамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі) : манаграфія / М. У. Гуль ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. Брэст : БрДУ, 2021. 220 с.

Gul M. V. Foreign language vocabulary in the process of formation and development of Belarusian terminology (based on terminology systems of philology, philosophy and sociology) : monograph / M. V. Gul ; Minist. of educ. of the Repub. of Belarus, Brest State A. S. Pushkin Univ. Brest : Brest State A. S. Pushkin Univ., 2021. 220 p.

Апошнім часам прыкметна ўзрасла цікавасць да вывучэння спецыяльнай лексікі ў цэлым і асобных тэрмінасістэм у прыватнасці. Гэта заканамерная з’ява ў эвалюцыі мовазнаўчай думкі, абумоўленая, на наш погляд, некалькімі фактарамі. Па-першае, няспыннасць навукова-тэхнічнага прагрэсу стымулюе пашырэнне навуковага кругагляду і, як вынік, разгалінаванне сістэмы ведаў, што непазбежна вядзе да колькаснага павелічэння як саміх тэрмінасістэм, так і іх напаўнення. Па-другое, натуральная эвалюцыя навуковых поглядаў выклікае неабходнасць пераасэнсаваць і пераацаніць ранейшыя падыходы і дасягненні ў розных сферах чалавечай дзейнасці. Па-трэцяе, зменлівае ў часе ўздзеянне пазамоўных фактараў на развіццё, у прыватнасці, беларускай мовы і беларускага мовазнаўства вымушае навуковую грамадскасць, з аднаго боку, крытычна прааналізаваць наяўны вопыт і набыткі, а з дру-

гога – узважана і прадумана выпрацаваць падыходы і прынцыпы далейшых крокаў у тэрміналагічнай і тэрмінаграфічнай працы.

Аглядна-апісальны характар даследаванняў беларускай тэрміналогіі ўжо даўно саступіў месца дэтальнаму аналізу розных аспектаў паходжання, утварэння і функцыянавання адзінак спецыяльнай лексікі. Адна з такіх прац – манаграфія М. У. Гуль, прысвечаная вывучэнню месца і ролі лексікі іншамоўнага паходжання ў станаўленні беларускай тэрміналогіі філасофіі, сацыялогіі і філалогіі. Асноўны змест прадстаўлены ў чатырох главах. У главе 1 «Беларуская нацыянальная тэрміналогія як аб’ект навуковага даследавання» разглядаюцца розныя падыходы да вызначэння сутнасці паняццяў «тэрмін» і «тэрміналогія». У асобных раздзелах прасочваецца гістарычны шлях фарміравання тэрміналогіі філасофіі і сацыялогіі ў працэсе развіцця філасофскай думкі розных краін у розныя эпохі, а таксама складанне філалагічнай тэрміналогіі ў мовазнаўчых даследаваннях і літаратурнай традыцыі. Асобная ўвага скіравана на сферы функцыянавання і фіксацыі, а таксама сучасны стан вывучэння названых тэрмінасістэм. У раскрыцці гэтых аспектаў аўтару манаграфіі дапамагло абагульненне багатага вопыту даследаванняў папярэднікаў.

Глава 2 «Асаблівасці фарміравання беларускай нацыянальнай тэрміналогіі» складаецца з трох раздзелаў. Першы з іх дае дэтальнае ўяўленне пра станаўленне і развіццё беларускай тэрміналогіі ў розныя перыяды на працягу XIX–XX стст. У другім раздзеле апісваюцца беларускія ўласнамоўныя сродкі (сярод якіх асноўнымі з’яўляюцца тэрміналагізацыя агульнаўжывальных слоў і словаўтварэнне) і запазычанні з іншых моў як асноўныя крыніцы складання беларускай тэрміналогіі. Значная ўвага ў главе нададзена разгляду розных спосабаў утварэння тэрмінаў філасофіі, сацыялогіі

і філалогіі: сінтаксічнаму, марфалагічнаму, лексіка-семантычнаму і марфалага-сінтаксічнаму. У заключэнні да главы канстатуюцца, што асноўная роля ва ўтварэнні тэрмінаў філасофіі, сацыялогіі і філалогіі належыць сінтаксічнаму спосабу. Выклад у главе абавіраецца на распрацоўку пытання іншымі даследчыкамі, тэарэтычнымі палажэнні ілюструюцца багатым фактычным матэрыялам.

У главе 3 «Іншамоўныя запазычаныя ў беларускай нацыянальнай тэрміналогіі» ўвага скіравана на два аспекты. У першым раздзеле разглядаюцца шляхі і спосабы пранікнення іншамоўнай лексікі ў беларускую тэрміналогію, у сувязі з чым асобна апісваюцца непасрэдныя запазычаныя з моў-крыніц і апасродкаваныя запазычаныя. У другім раздзеле прадстаўлены асноўныя крыніцы іншамоўных запазычанняў, у адпаведных падраздзелах паддзены тэрміны грэка-лацінскага паходжання, галіцызмы, германізмы, русізмы, паланізмы. Усе групы тэрмінаў іншамоўнага паходжання разглядаюцца з пункту гледжання гісторыі іх пранікнення ў беларускую мову, фармальнага прымет, прыстасавання да фанетычнага ладу беларускай мовы, асаблівасцей марфалагічнай і семантычнай адаптацыі. Вывады да главы праілюстраваны малюнкамі (дыяграмамі), якія яскрава сведчаць пра колькасную перавагу ў разгледжаных тэрмінасістэмах адзінак грэка-лацінскага паходжання (66,9 % ад усіх запазычанняў у філалагічнай тэрміналогіі і 59,2 % ад усіх запазычанняў у тэрміналогіі філасофіі і сацыялогіі), а таксама галіцызмаў (20,4 і 26,3 % адпаведна).

У главе 4 «Лексіка-граматычныя і функцыянальныя асаблівасці запазычаных тэрмінаў» разглядаецца пераважна словаўтварэнне тэрмінаў філасофіі, сацыялогіі і філалогіі ад асноў іншамоўных назоўнікаў, прыметнікаў і дзеясловаў. Аналіз паказаў, што іншамоўныя тэрміны-назоўнікі складаюць пераважную большасць у разгледжаных тэрмінасістэмах (92 % у філалагічнай і 94,7 % у філасофска-сацыялагічнай тэрміналогіі), значна саступаючы колькасцю іншамоўным тэрмінам-прыметнікам і тым больш тэрмінам-дзеясловам. Акрамя гэтага, увага надаецца сінаніміі і функцыянаванню тэрміналагічных адзінак філасофіі, сацыялогіі і філалогіі.

У заключэнні манаграфіі зроблены высновы па выкладзеным у главах матэрыяле. Спіс выкарыстанай літаратуры ўтрымлівае 199 выданняў, 6 з якіх замежныя. Ёсць і спіс крыніц выкарыстаных фактычнага матэрыялу – 11 пазіцый, сярод якіх – галіновыя слоўнікі і энцыклапедыі, выдадзеныя на працягу апошніх 100 гадоў.

У цэлым манаграфія М. У. Гуль з’яўляецца грунтоўным даследаваннем месца і ролі іншамоўнай лексікі ў працэсе фарміравання беларускай філалагічнай і філасофска-сацыялагічнай тэрміналогіі. Паказальна, што для глыбокага разгляду

пытання была выкарыстана вялікая колькасць мовазнаўчых прац. Аўтар сапраўды выдатна арыентуецца ў навуковай літаратуры па тэме. Праўда, меркаванні іншых вучоных месцамі занадта часта сустракаюцца на старонках кнігі, аўтарскае разуменне асобных палажэнняў схавана ад чытача ў калейдаскопе цытат і спасылак. Такі выклад можна ўбачыць, напрыклад, на старонках 33, 80, 90–93, 104, 148 і інш. Здраецца, што побач падаюцца амаль тоесныя словы розных аўтараў. Напрыклад, на с. 104 у межах аднаго невялікага абзаца бачым: «Лексіка грэчаскага паходжання складае адзін з самых ранніх пластоў... <...> Грэцызмы пачынаюць актыўна пранікаць... у сувязі з прыняццем хрысціянства і распаўсюджаннем рэлігійнай літаратуры [спасылка 1]. Грэцызмы належаць да старажытнай часткі іншамоўных лексем у беларускай мове [спасылка 2]. Грэцызмы пачалі актыўна прыходзіць... пасля прыняцця хрысціянства, калі пераадавалася рэлігійная літаратура... [спасылка 3]».

Недарэчным уяўляецца проціпастаўленне тэрміналогіі і літаратурнай мовы. Сустракаюцца няўдалыя фармулёўкі на гэты конт: «...у тэрмінаўтварэнні выкарыстоўваюцца тыя ж спосабы словаўтварэння, якія з’яўляюцца прадуктыўнымі і ў літаратурнай мове» (с. 52); «...семантычная дэрывацыя ў тэрмінаўтварэнні мае некаторыя асаблівасці ў параўнанні з літаратурнай мовай» (с. 79); «...у тэрмінаўтварэнні выкарыстоўваюцца тыя ж спосабы словаўтварэння, што і ў літаратурнай мове» (с. 87); «...у тэрмінаўтварэнні семантычная дэрывацыя не мае працяглага працэсу эвалюцыі, як гэта адбываецца ў літаратурнай мове» (с. 178) і інш. Відаць, літаратурнай мовай у манаграфіі называецца агульнаўжывальная лексіка. Менавіта ёй аб’ектыўна проціпастаўляецца лексіка абмежаванага ўжытку (выкарыстання), куды і ўваходзяць тэрміны як частка спецыяльнай лексікі.

Незразумела, якое значэнне мае і якую ролю выконвае слова «нацыянальная» ў назвах глаў, раздзелаў («Беларуская нацыянальная тэрміналогія») і ў тэксце (напрыклад, с. 7, 53). Гэты няўдалы, у пэўнай ступені плеанастычны, выраз стаў моўным штампам, у сувязі з чым успрымаецца як лексічная памылка.

Звяртаюць на сябе ўвагу табліцы, размешчаныя ў кожным параграфі трэцяй главы. Адны з іх даюць колькасную характарыстыку тэрмінаў рознага паходжання (грэка-лацінскага, нямецкага, а таксама галіцызмаў, русізмаў, паланізмаў) у розныя перыяды фарміравання і развіцця прааналізаваных тэрмінасістэм. Але паколькі гістарычныя перыяды разгляду аб’ектыўна ва ўсіх табліцах адны і тыя ж (пурыстычны, мадыфікаваны антыпурыстычны, сучасны), агульная колькасць тэрмінаў і колькасць іншамоўных тэрмінаў, якія разглядаюцца ў працы, таксама велічыні нязменныя. Атрымліваецца, што ўсе табліцы адрозніваюцца паміж сабой лічбамі толькі

ў двух слупках, дзе пададзена колькасць адзінак пэўнага паходжання ў філалогіі (адзін слупок), філасофіі і сацыялогіі (другі слупок). Усе астатнія лічбы дубліруюцца ва ўсіх табліцах. Таму думаецца, што было б мэтазгодна скласці адну агульную табліцу, у якой для нагляднасці і пераканальнасці былі б прадэманстраваны таксама працэнтныя суадносіны, або зусім не змяшчаць гэтыя табліцы, паколькі ў вывадах да главы 3 звесткі з усіх шасці табліц прадстаўлены ў выглядзе слупковай дыяграмы. Тое ж тычыцца і табліц, у якіх прадстаўлена колькасная характарыстыка тэрмінаў рознага паходжання ў прааналізаваных тэрмінасістэмах. І тут зменлівыя (нерэгулярныя) звесткі пададзены толькі ў адным слупку (колькасць тэрмінаў грэка-лацінскага паходжання, або галіцызмаў, або англіцызмаў і г. д.). Між тым дзве дыяграмы ў канцы главы фактычна не толькі замяняюць усе шэсць табліц, але і больш выразна дэманструюць матэрыял.

Адзначаныя недахопы хутчэй за ўсё сталі вынікам адсутнасці рэдактарскай і карэктарскай працы над выданнем, што адчуваецца і па асобных дробных момантах.

Безумоўнай вартасцю манаграфіі з'яўляюцца два дадаткі, дзе змешчаны алфавітны пералік прааналізаваных у працы адзінак. Дадаткі мелі б яшчэ большую каштоўнасць, калі б побач з кожным тэрмінам было ўказанне старонкі, на якой ён разглядаецца.

Манаграфія М. У. Гуль – гэта новае цікавае і важнае слова ў беларускім мовазнаўстве, а таксама вялікі крок наперад у вывучэнні этапаў складвання гуманітарнай тэрміналогіі беларускай мовы, даследаванні дэрывацыйнага патэнцыялу іншамовных адзінак, генетычным апісанні тэрміналогіі філасофіі, сацыялогіі і філалогіі.

Кніга будзе карыснай і цікавай не толькі для выкладчыкаў і студэнтаў пры вывучэнні адпаведных дысцыплін, але і для лінгвістаў, навуковых інтарэсы якіх знаходзяцца ў галіне беларускай тэрміналогіі і тэрмінаграфіі. Даследаванне не застаецца па-за ўвагай тых, хто неаб'якавы да праблем далейшага развіцця і больш шырокага выкарыстання беларускай мовы.

*А. В. Губкіна*¹

¹Алена Васільеўна Губкіна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Елена Васильевна Губкина – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Elena V. Gubkina, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: palvas@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННОТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.112.2(072)(075.8)

Методика преподавания иностранного языка (немецкий) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост. А. И. Риммар. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 127 с. : табл. Библиогр.: с. 123–127. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/271306>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 03.11.2021, № 010603112021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Методика преподавания иностранного языка (немецкий)» предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология» и включает пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел с перечнем примерных тем и заданий для семинарских занятий; раздел контроля знаний с примерами УСР и примерными вопросами к зачету; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины.

ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, а также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 821.111.09(091)(075.8)

Халипов В. В. История литературы страны изучаемого языка (английского). Раздел 1. Средние века [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (английская) филология» / В. В. Халипов ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 44 с. : ил. Библиогр.: с. 43–44. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/271896>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.11.2021, № 011416112021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «История литературы страны изучаемого языка (английского)» предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология» и включает пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел по истории английской литературы VI–XV вв.; практический раздел с тематикой занятий и образцами заданий; раздел контроля знаний с примерами УСР и перечнем вопросов к экзамену; вспомогательный раздел, содержащий перечень литературы и электронных ресурсов, рекомендуемых для изучения дисциплины. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, а также может быть использован преподавателями и студентами иных учреждений высшего образования.

УДК 811.161.1'373(075.8)

Коцевич С. С. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Лексикография [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 02-04 «Русская филология (русский язык как иностранный)» / БГУ ; сост. С. С. Коцевич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 108 с. : ил. Библиогр.: с. 101–103. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272516>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 03.12.2021, № 012503122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Лексикография» предназначен для студентов специальности 1-21 05 02-04 «Русская филология (русский язык как иностранный)». В ЭУМК содержатся материалы для изучения лексики, фразеологии и лексикографии современного русского языка: лекции по основным программным вопросам, контрольные вопросы, практические задания (упражнения для закрепления теоретических знаний), терминологический словарь, экзаменационные вопросы.

УДК 821(100).09(06)

Juventus in litteratura [Электронный ресурс] : материалы 78-й науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов БГУ (Минск, 22 апр. 2021 г.) / БГУ ; [под ред. М. С. Коржевской]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 201 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272628>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.12.2021, № 013407122021.

В сборник вошли материалы лучших докладов 78-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ, представленные в ходе работы секций «Английская литература», «Немецкая литература», «Романские литературы», «Зарубежная литература (для магистрантов и аспирантов)», а также статьи, специально подготовленные для сборника.

Адресуется студентам, магистрантам и аспирантам.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2021 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. Т. 1. 163 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273641>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2021, № 014329122021.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 1 содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2021 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. Т. 2. 95 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273642>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2021, № 014429122021.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 2 содержит материалы проблемного поля «Современные технологии обучения иностранным языкам».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 нояб. 2021 г.) В 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. Т. 3. 52 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273643>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2021, № 014529122021.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 3 содержит материалы проблемного поля «Проблемы художественного и научно-технического перевода».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 ноября 2021 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. Т. 4. 157 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273644>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2021, № 014629122021.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 4 содержит материалы проблемного поля «Язык и литература».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 ноября 2021 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. Т. 5. 57 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273645>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2021, № 014729122021.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 5 содержит материалы проблемного поля «Проблемы современной высшей школы».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 23 ноября 2021 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. Т. 6. 61 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273646>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.12.2021, № 014829122021.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 6 содержит материалы проблемного поля «Общение на языках – языки общения».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.112.2(075.8)

2-й иностранный язык (немецкий) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / БГУ ; сост.: Л. Г. Поповская, А. И. Карпушина. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 153 с. : табл. Библиогр.: с. 150–153. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273669>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.12.2021, № 015030122021.

Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология» и включает краткий теоретический раздел по фонетике и грамматике немецкого языка, тексты и практические задания для проведения аудиторных и самостоятельных занятий, направленных на формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, позволяющей использовать иностранный язык в устной и письменной речи в сферах профессионального и межличностного общения.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ламеко Н. В.</i> Поэтика синтеза в романах Джеймса Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану»	5
---	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Савчук Т. Н.</i> Способы рационального усиления аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук (описание и оценка)	16
<i>Пригодич Н. Г.</i> Германизмы в старобелорусском языке на фоне старопольского языка и их отражение в староукраинском и старорусском языках	30
<i>Корнакова В. И.</i> Семантико-ономасиологическое своеобразие лексико-фразеологического поля 'беспокойство, тревога' в русском, белорусском, английском и немецком языках	40
<i>Третьякова Ю. Р.</i> К вопросу о лексико-семантическом наполнении словообразовательной парадигмы глаголов эмоционального состояния в русском языке	53
<i>Коваленя А. В.</i> Экспликация степени качества в авторских сравнениях белорусского и английского языков ...	62

ДИСКУССИИ

<i>Запрудский С. Н.</i> Некоторые проблемные вопросы изучения трясянки: по итогам ольденбургского проекта	70
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Губкина Е. В.</i> Гуль М. В. Иноязычная лексика в процессе становления и развития белорусской терминологии (на материале терминосистем филологии, философии и социологии) : монография.....	93
Аннотации депонированных в БГУ работ	96

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Ламека Н. У.</i> Паэтыка сінтэзу ў раманах Джэймса Джойса «Уліс» і «Хаўтуры па Фінегане»	5
---	---

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Саўчук Т. М.</i> Спосабы рацыянальнага ўзмацнення аргументацыі ў пісьмовым дыскурсе гуманітарных навук (апісанне і ацэнка)	16
<i>Прыгодзіч М. Р.</i> Германізмы ў старабеларускай мове на фоне старапольскай мовы і іх адлюстраванне ў стараўкраінскай і старарускай мовах	30
<i>Карнакова В. І.</i> Семантыка-анамасіялагічная своеасаблівасць лексіка-фразеалагічнага поля 'неспакой, трывога' ў рускай, беларускай, англійскай і нямецкай мовах	40
<i>Трэцякова Ю. Р.</i> Да пытання аб лексіка-семантычным нападзенні словаўтваральнай парадыгмы дзеясловаў эмацыйнага стану ў рускай мове	53
<i>Каваленя А. В.</i> Эксплікацыя ступені якасці ў аўтарскіх параўнаннях беларускай і англійскай моў	62

ДЫСКУСІІ

<i>Запрудскі С. М.</i> Некаторыя праблемныя пытанні вывучэння трасянку: па выніках альдэнбургскага праекта	70
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Губкіна А. В.</i> Гуль М. У. Іншамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі) : манаграфія	93
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	96

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Lameka N. U.</i> Poetics of synthesis in James Joyce's novels «Ulysses» and «Finnegans Wake»	5
---	---

LINGUISTICS

<i>Savtchouk T. N.</i> Methods for rational strengthening of argumentation in the written discourse of human sciences (description and evaluation).....	16
<i>Pryhodzich M. R.</i> Germanisms in the Old-Belarusian language against the background of the Old-Polish language and their reflection in the Old-Ukrainian and Old-Russian languages.....	30
<i>Kornakova V. I.</i> Semantic-onomasiological peculiarity of the lexico-phraseological field 'anxiety' in the Russian, Belarusian, English and German languages.....	40
<i>Trepsiakova Yu. R.</i> To the question about the lexico-semantic filling of the word-formation paradigm of emotional state verbs in the Russian language	53
<i>Kovalenia A. V.</i> Explication of the degree of quality in author's comparisons of the Belarusian and English languages	62

DISCUSSIONS

<i>Zaprudski S. M.</i> Some problematic issues of the study of trasyanka: some results of the Oldenburg project.....	70
--	----

REVIEWS

<i>Gubkina E. V.</i> Gul M. V. Foreign language vocabulary in the process of formation and development of Belarusian terminology (based on terminology systems of philology, philosophy and sociology) : monograph.....	93
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	96

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 1. 2022**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 1. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *М. И. Дикун, А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль, М. И. Дикун*

Подписано в печать 17.02.2022.

Тираж 100 экз. Заказ 1138.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 1. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *M. I. Dikun, A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul', M. I. Dikun*

Signed print 17.02.2022.

Edition 100 copies. Order number 1138.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022